

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АНДРИЧЕНКО Людмила Васильевна

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН

БУХВАЛЬД Евгений Моисеевич

заместитель главного редактора, д.э.н., профессор, заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН

БУКИНА Ирина Сергеевна

к.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич

главный редактор, д.э.н., профессор, руководитель Научно-исследовательского объединения Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ГОРЕГЛЯД Валерий Павлович

д.э.н., профессор, главный аудитор Банка России

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

д.г.н., профессор, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета

ИЛЬИН Владимир Александрович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

д.э.н., профессор РАН, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

КУРБАНОВ Рашад Афатович

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЕКСИН Владимир Николаевич

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ЛОБАНОВ Иван Васильевич

к.ю.н., доцент, ректор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЫКОВА Людмила Никитична

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

МАЕВСКИЙ Владимир Иванович

академик РАН, д.э.н., профессор, заведующий Сектором теоретических и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН

МАКАРОВ Валерий Леонидович

академик РАН, д.ф.-м.н., профессор, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН

ПОЛТЕРОВИЧ Виктор Меерович

академик РАН, д.э.н., профессор, руководитель научного направления «Математическая экономика» Центрального экономико-математического института РАН

ШВЕЦОВ Александр Николаевич

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ШАКИРОВА Диана Фаридовна

ответственный секретарь

ОДИНЦОВА Александра Владимировна

ответственный редактор, д.э.н., доцент

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

FEDERALISM

Theory. Practices. History

2 (114), 2024, Vol. 29

EDITORIAL BOARD

ANDRICHENKO Lyudmila V.

Dr. Sc. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Head of the Center for Public Law Research
of Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation

BAKHTIZIN Albert R.

Corresponding Member of the RAS,
Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Director of
Central Economics and Mathematics Institute
of the RAS

BUKHVALD Eugeny M.

Deputy Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Center of Federal Relations
and Regional Development of Institute
of Economics of the RAS

BUKINA Irina S.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of Institute of
Economics of the RAS

VALENTEY Sergey D.

Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head
of the Research Association of Plekhanov Russian
University of Economics

GOREGLIAD Valeriy P.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Auditor of Bank
of Russia

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor,
Director of the North Caucasus Research Institute
of Economic and Social Problems of Southern
Federal University

ILYIN Vladimir A.

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc.
(Econ.), Professor, Honored Scientist of Russian
Federation, Scientific Director of Vologda Research
Center of the RAS

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Chief
Researcher of Federal Research Center
“Computer Science and Control” of the RAS

KURBANOV Rashad A.

Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Head of the Department
of Civil Law Disciplines of Plekhanov Russian
University of Economics

LEKSIN Vladimir N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher
of Federal Research Center
“Computer Science and Control” of the RAS

LOBANOV Ivan V.

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Rector
of Plekhanov Russian University of Economics

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher
of Institute of Economics of the RAS

MAEVSKIY Vladimir I.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Subcenter of Theoretical
and Applied Problems of Reproduction of Institute
of Economics of the RAS

MAKAROV Valeriy L.

Academician of the RAS,
Dr. Sc. (Physics and Mathematics), Professor,
Scientific Adviser of Central Economics and
Mathematics Institute of the RAS

POLTEROVICH Victor M.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of Scientific Research
“Mathematical Economics” of Central Economics
and Mathematics Institute of the RAS

SHVETSOV Alexander N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher of
Federal Research Center “Computer Science and
Control” of the RAS

SHAKIROVA Diana F.

Secretary of the Board

ODINTSOVA Alexandra V.

Executive Editor, Dr. Sc. (Econ.),
Associate Professor

Founder:

Plekhanov Russian University of Economics

СОДЕРЖАНИЕ

○ РЕГИОНЫ И ЦЕНТР

ЛЕКСИН В.Н., ШВЕЦОВ А.Н.

Естественное и регулятивно-императивное в пространственном развитии России 5

БУХВАЛЬД Е.М.

Экономическое пространство как поле реализации национальных целей России 32

○ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПЕТРИКОВ А.В.

Сельскохозяйственные потребительские кооперативы: состояние и направления государственной поддержки 48

ТОМТОСОВ А.Ф.

Результаты реализации программы дальневосточной ипотеки для потребителей, застройщиков и государства 63

○ МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

ДМИТРИЕВА Л.В.

Характеристика базовых социально-экономических факторов развития малых городов России 78

СПИЦЫНА О.В.

Направления трансформации стратегирования в крупнейших городах России..... 96

○ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

БАБКИН Р.А.

Пространственная структура Московской метрополии..... 110

○ ДИАПАЗОНЫ БЕЗОПАСНОСТИ

ВОРОЖИХИН В.В.

Трансформация организации научной деятельности в России..... 131

БОБРОВСКИЙ Р.О.

Оценка вклада уходящих и ушедших иностранных компаний в отраслях и регионах России 153

○ ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

МИНАТ В.Н.

Низкобюджетные домохозяйства в условиях цифровизации в регионах США 172

CONTENTS

○ REGIONS AND CENTRE

LEKSIN V.N. SHVETSOV A.N. Natural and Regulative-Imperative in the Spatial Development of Russia.....	5
BUKHVALD E.M. Economic Space as a Field for the Realization of National Goals of Russia	32

○ SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS

PETRIKOV A.V. Agricultural Vertical Cooperatives: the State and Directions of State Support	48
TOMTOSOV A.F. Results of the Far East Mortgage Program for Consumers, Developers, and the Government	63

○ LOCAL AUTONOMY

DMITRIEVA L.V. Characteristics of the Basic Socio-Economic Factors of the Development of Small Towns in Russia.....	78
SPITSYNA O.V. Transformation Directions for Strategic Planning in Major Russian Cities	96

○ ECONOMY AND GEOGRAPHY ISSUES

BABKIN R.A. The Spatial Structure of the Moscow Metropolis	110
--	-----

○ RANGES OF SECURITY

VOROZHIKHIN V.V. On the Transformation of the Organization of Scientific Activity in Russia.....	131
BOBROVSKIY R.O. The Estimation of Withdrawing and Withdrawn Foreign Companies Contribution in Industries and Regions of Russia	153

○ FOREIGN EXPERIENCE

MINAT V.N. Low-Budget Households in the Conditions of Digitalization in US Regions.....	172
---	-----

В.Н. ЛЕКСИН, А.Н. ШВЕЦОВ

ЕСТЕСТВЕННОЕ И РЕГУЛЯТИВНО-ИМПЕРАТИВНОЕ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Органичное пространственное развитие возможно при условии разумного сочетания естественности и регулируемости пространственно обусловленных процессов и явлений. В разные периоды соотношение этих начал складывалось по-разному. В советское время в пространственном развитии абсолютно доминировало всеобъемлющее директивное государственное планирование и управление. В 1990-е гг. во время постсоветских реформ случился резкий поворот в сторону неумеренно-стихийной децентрализации пространственной организации жизнедеятельности. В 2000-е гг. в период контрреформ начался быстрый возврат к укреплению государственного регулирования в этой сфере, которое во многом оказывается чрезмерным по задачам, затратам и неоправданным по ожиданиям. Смысл и содержание, инструменты и планируемые результаты нынешней государственной политики пространственного развития концентрировано выражены в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», которая претендует на роль доктринального и планового документа современной региональной политики. Его разработка и принятие сопровождалась множеством экспертных комментариев — от безусловно апологетических до остро критических. С приближением сроков окончания этой стратегии актуальной становится комплексная оценка ее результативности и эффективности, в особенности в связи с подготовкой новой стратегии до 2030 г. Краеугольный недостаток действующей стратегии авторы усматривают в игнорировании системного характера пространственной организации общества, которую следует трактовать как антропогенную мегасистему с присущими ей системными признаками целостности, структурной организации, прямыми и обратными связями, с мощным потенциалом естественной самоорганизации и саморазвития, дополняемым в особых переходных условиях постсоветских пространственных преобразований сильным регулятивным воздействием на них со стороны государства. Авторы также подчеркивают, что в силу беспрецедентности постсоветских переходных пространственных реалий невозможно рассчитывать на прилежное изучение и прямое заимствование зарубежного опыта из-за его неадекватности современной российской ситуации. С учетом этих соображений формулируются концептуально-содержательные предложения по новой концепции стратегии до 2030 г.

Ключевые слова: пространственное развитие, стратегия пространственного развития, пространственная система, регулируемое пространственное развитие, саморазвитие и самоорганизация в пространственном развитии, регион.

JEL: R 58

Постановка проблемы

Одним из изменений в сфере региональной политики последних двух десятилетий стала терминологическая реформа. С относительно недавних пор вместо существительного «территория» и производных от него прилагательных стал использоваться термин «пространство»¹ и производные уже от этого слова. Без особых возражений и в научный оборот, и в политическую полемику, и в государственно-управленческую практику уверенно вошло словосочетание «пространственное развитие». Легитимности этому новому термину придало его нормативно-правовое закрепление в правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее — Стратегия-25), претендующей на роль доктринального и планово-конкретного документа современной региональной политики. В нем концентрировано выражены смысл и содержание, инструменты и ожидаемые результаты этой политики, которую теперь логичнее было бы называть уже не региональной, а пространственной, да и вместо слова «политика» уместнее говорить «стратегия». Разработка и принятие указанного документа сопровождалась множеством экспертных комментариев — от безусловно апологетических до остро критических². Высказывавшиеся оценки целесообразности и корректности затрагивали как Стратегию-25 целиком, так и ее отдельные положения. Но, как бы то ни было, этот документ побудил ученых и практиков разобраться во многих существенных аспектах пространственного развития. И одним из них является принципиальный вопрос *о сути и соотношении естественности и регулируемости пространственно обусловленных процессов и явлений*.

В настоящей статье излагаются некоторые научно-прикладные соображения на этот счет, в т.ч. размышления о закономерностях функционирования пространственных систем как предмета стратегии пространственного развития, о генезисе императивности российского подхода к регулированию пространственного развития, о зарубежных исследованиях новых форм пространственного тяготения экономической активности и их некритическом заимствовании, о возможности позитивного

¹ В данном случае под пространством понимается та часть общего (заклученного в государственных границах) российского пространства, в пределах которой определенным образом распределен и организован рукотворный социоэкономический потенциал страны и осуществляется жизнедеятельность ее населения.

² Обстоятельный обзор опубликованных в 2015–2020 гг. в научных и практических журналах 160 статей, содержащих упоминание Стратегии-25, представлен в [1].

воздействия действующей Стратегии-25 на параметры пространственной организации жизнедеятельности в России, о содержательных и методических проблемах обновления Стратегии-25. Подчеркнем, что и в прежних наших работах, и в этой публикации в диагностике и интерпретации корневых проблем пространственных преобразований мы следуем заложенной нами еще на исходе советской эпохи и развиваемой до сих пор концептуально-методологической традиции *системного анализа и регулирования территориальных (пространственных) процессов и явлений*. Раскрытию содержания этого исследовательского подхода и примерам его приложения к проблемам российской практики посвящены многие наши книги и статьи (например, [2–7]).

Пространственное развитие и пространственные системы

Концептуальным и методологическим основанием наших исследований пространственно опосредованных процессов является исходное представление о пространстве *как системе*³.

Пространственные системы следует понимать как множества взаимосвязанных и относительно сбалансированных элементов (подсистем) демографического, социального, хозяйственного, инфраструктурного, расселенческого, бюджетно-налогового, природно-ресурсного, национально-этнического, культурно-исторического, административного и иного характера, объединенных функциями, обеспечивающими жизнеустройство и жизнедеятельность людей, реализацию их индивидуальных и коллективных интересов. Очевидно, что пространственные системы любого масштаба (от государств и их союзов до сельских населенных пунктов) находятся в постоянном изменении границ, отдельных элементов и их связей под влиянием как внешних регулирующих воздействий, так и самоорганизации (саморазвития). Последнее свойство — имманентная ипостась каждой системы, проявляющаяся в изменении ее структуры под влиянием естественных процессов функционирования систем, причем эти изменения могут иметь как позитивные, так и негативные последствия для системы в целом.

Внешние (регулирующие) воздействия, в свою очередь, могут корректировать (стимулировать, уменьшать, временно, постоянно) потенциал самоорганизации, могут действовать с ним в одном направлении и/или ослаблять друг друга. *Эволюционные* трансформации пространственных систем, как правило, проходят в режиме самоорганизации, лишь корректируемом внешними регулируемыми воздействиями. *Кризисные* трансформации — чаще всего следствие изменения внешних условий или регулирующих воздействий и характеризуются таким

³ Уместно напомнить о необходимости определенной осторожности использования понятия «система» применительно к пространственным образованиям и корректности словосочетания «пространственная система». В свое время мы об этом подробно говорили в конце 1990-х гг. тогда еще в терминах «территорий» и «территориальных систем» [2, с. 25–26].

уровнем потерь и дисбаланса системы, который позволяет за счет ее структурных изменений перейти в новое состояние без разрушения. *Катастрофические* трансформации пространственных систем происходят только под воздействием кардинальных изменений внешних условий и аналогичных регулирующих воздействий, в результате которых система может сохраниться как некая целостность только в составе системы более высокого уровня с потерей ранее присущих ей основных элементов и внутрисистемных связей. Полное разрушение системы может произойти в режиме *катаклизма* – результата соединения деструктивной самоорганизации и внешних воздействий (в т.ч., техногенного и природно-климатического характера). Процессы изменения состояния (функционирования) таких систем могут быть непрерывными или прерывистыми, необратимыми или возвратными, но (что исключительно важно) в соответствии с общими законами трансформации систем. Число их состояний не беспредельно: *существуют определенные пороги* навязанных системе изменений, которые *прекращают* ее функционирование [8; 9]. Однако в любом случае каждая пространственная система обладает своеобразной иммунной защитой и зоной невосприимчивости к регулятивным воздействиям.

Теоретически противодействие каждой пространственной системы внешнему воздействию описывается принципом Ле Шателье – Брауна: если существующее равновесие системы подвергается внешнему воздействию, изменяющему какое-либо из условий равновесия, то в ней возникают процессы, направленные так, чтобы противодействовать этому изменению. Впоследствии этот принцип был назван универсальным, и создатель теории функциональной организации (один из ее компонентов – нейтрализация дисфункций) М.И. Сетров в своих работах дал его образное определение: «Целое препятствует нарушению целостности» [10; 11].

Смыслом существования антропогенных пространственных систем является выполнение их целевых функций, или функциональность. Так, город существует до тех пор, пока он выполняет городские функции (с их прекращением он становится вымирающим или в лучшем случае сельским поселением), свободные экономические зоны – до тех пор, пока они выполняют функции опережающего развития, мегасистемы – пока выполняют политико-интеграционные и экономико-интеграционные функции. Поэтому, предлагая какие-либо управленческие решения о развитии пространственных систем, следует обязательно включать в структуру целей *сохранение функционального назначения, или обеспечение устойчивости их функционирования*. Напомним, что в толковых словарях русского языка категория «устойчивость», трактуется как способность процесса или системы сохранять свою суть при изменении внутренних и внешних условий. В связи с этим то, что традиционно называют развитием, можно считать позитивным только в том случае, если оно способствует наилучшему выполнению функций каждой пространственной системы (страны, региона, города и т.д.) или как мини-

мум не является деструктивным и предполагает наличие возможностей и ресурсов для реализации населением, бизнесом и властью социальных, хозяйственных, инфраструктурных, природоохранных и иных функций в режиме, обеспечивающем сохранение и воспроизводство базовых элементов и связей системы, а также включение в ее структуру новых элементов и связей, неразрушающее ее целостность.

Важнейшее условие устойчивого функционирования пространственных систем — сбалансированность их элементов: численности населения и мест приложения труда, поселений и транспортных коммуникаций и т.д. Поэтому способствующим устойчивому функционированию рассматриваемых систем может считаться только такой результат внутри-системных или внешних действий (бюджетная поддержка, строительство нового или ликвидация неэффективно действующего объекта, переселение части населения, установление особого административного режима и т.п.), который способен обеспечить или по крайней мере не нарушить вышеуказанную сбалансированность. Очевидно, что ее любой перекос (например, несбалансированность трудовых ресурсов и мест приложения труда) ведет к деструкциям, а в наиболее резкой форме — к депрессиям, и что несбалансированная динамика (например, строительство крупного хозяйственного объекта, не сопровождающееся эквивалентными переменами в других сферах), которая в российской практике обычно выдается за бесспорное свидетельство территориального развития, таковой считаться не может.

Предлагаемая трактовка устойчивости функционирования пространственных систем основывается на реально существующих предпосылках активизации потенциала самоорганизации, саморазвития и адаптации таких систем к различным воздействиям. Изменения элементного состава, внутри- и внешнесистемных связей и даже функционального назначения пространственных систем происходят под влиянием множества факторов, которые условно (поскольку они часто взаимосвязаны) можно представить в виде двух интегрированных подмножеств — результатов этих изменений, вызванных относительно автономными процессами внутрисистемного характера и внешними, в т.ч. целенаправленно регулирующими, воздействиями. Инициаторы внешних воздействий редко учитывают и вышеотмеченные закономерности функционирования пространственных систем, и то, что каждая из них обладает потенциалом самоорганизации (саморазвития) — источника ряда внутрисистемных изменений и своеобразного иммунитета к внешним воздействиям. При анализе этого потенциала особый интерес приобретает выявление эквифинальности — свойства каждой открытой системы самостоятельно определять конечное (желательное, направляемое извне) состояние особенностями протекающих внутри нее процессов и характером свойственного ей взаимодействия с другими (в первую очередь с вмещающими ее) системами. Представления об эквифинальности (конфинальности) пространственных систем были сформулированы применительно к городам-гигантам

П. Хаггетом еще в начале 1960-х гг. [12]. Самоорганизация в форме эквивифинальности — это способность достигать состояния системы, которое определяется исключительно ее свойствами, а сама эквивифинальность — своеобразная характеристика предельных возможностей самоорганизации пространственных систем и их собственного адаптационного потенциала, противостоящего интенциям внешних воздействий. Эти, казалось бы самоочевидные, положения исключительно важны для формирования научных представлений о том, что нужно считать пространственным развитием.

***О генезисе императивности отечественного регулирования
пространственного развития***

Стремление властей разных уровней воздействовать на развитие пространственных систем объяснимо и давно известно. Такие действия предпринимались со времен Древней Руси на всех этапах нашей истории, и чаще всего они *были вынужденными реакциями* на то, что сегодня принято называть вызовами. В советский период масштабные и точечные трансформации территориальной организации общества были оправданы задачами реализации проектов индустриализации и коллективизации, приоритетного развития окраин, перераспределения экономического потенциала в начале и после завершения Великой Отечественной войны, формирования территориально-производственных комплексов, упорядочения административно-территориального деления и создания новых городов, ликвидации бесперспективных деревень и т.д. В новейший период нашей истории неизменно декларируемой задачей становится снижение диспропорций социально-экономического развития и благосостояния населения макрорегионов, регионов, муниципалитетов и населенных пунктов. А в последние годы к этому добавляются настойчивые попытки императивного сдерживания естественных процессов депопуляции на территориях с неблагоприятными условиями.

О естественных процессах функционирования пространственных систем ничего не говорится в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (далее — закон 172-ФЗ), который впервые узаконил ранее табуированное понятие «планирование», трактуя его в перечне «Основных понятий, используемых в законе» (ст. 3) как «деятельность... по разработке и реализации основных направлений деятельности Правительства России, планов деятельности федеральных органов исполнительной власти и иных планов в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности». Закон 172-ФЗ сделал обязательным не только разработку, но и реализацию документов стратегического планирования ответственными участниками этого планирования — органами власти всех уровней.

Подчеркнем, что в течение многих лет прямое управление пространственным развитием определялось отдельными указаниями

высшего руководства страны *при отсутствии четких разъяснений* о целях и возможностях осуществления такого управления. Так, за 20 лет до принятия 172-ФЗ Президентом России был издан Указ от 7 марта 1994 г. № 456 «Об Управлении Администрации Президента Российской Федерации по работе с территориями», в задачи которого входила «разработка предложений по вопросам региональной стратегии и политики». Позже разработанные государственные стратегии лишь опосредованно определяли перспективы пространственного развития, и единственным исключением стала принятая Распоряжением Правительства России от 7 июня 2002 г. № 765-р «Стратегия экономического развития Сибири».

Термин «стратегия» применительно к территориям первыми освоили некоторые крупнейшие города России (Санкт-Петербург, Волгоград, Казань, Новосибирск и др.)⁴, руководство которых видело стратегию городского развития как обретение облика «столичности» и приведение в соответствие с этим всей городской среды. Определенный импульс разработке стратегий пространственного развития был придан восстановлением по Указу Президента России (от 13 сентября 2004 г. № 1168) Министерства регионального развития России, одной из задач которого были названы разработка и согласование стратегий и комплексных проектов социально-экономического развития федеральных округов. Приказом этого министерства от 27 февраля 2007 г. № 14 были утверждены «Требования к стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации» как к обязательному компоненту государственного управления. Такие документы стали разрабатываться массово (в том году их появилось более шестидесяти), они рассматривались в самом (недолго после этого просуществовавшем) Минрегион России и признавались значимым поводом для оценки регионов как достойных получения различных видов федеральной поддержки. Тем не менее о пространственном развитии как самостоятельном предмете государственной политики пока что не говорилось, и это развитие повсеместно отождествлялось с социально-экономическим (преимущественно экономическим).

Рассматриваемую ситуацию не изменил и Указ Президента России от 12 мая 2009 г. № 536 «Об Основах стратегического планирования в Российской Федерации», принятый «в целях реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности». В этом Указе под стратегическим планированием понималось определение основных направлений, способов и средств достижения стратегических целей устойчивого развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, а в числе основных

⁴ Особо следует отметить заслуги пионеров этого движения — научных консультантов и практиков стратегического планирования, которые с 1997 г. разрабатывали первые стратегические документы городов и регионов России, развивали теорию и методы стратегического планирования, — Б.С. Жихаревича, Б.М. Гринчеля, Л.Э. Лимонова, В.Е. Селиверстова, А.С. Пузанова и др.

принципов стратегического планирования называлась «взаимозависимость мер социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности». Общее руководство стратегическим планированием должен был осуществлять Президент «в рамках работы Совета Безопасности Российской Федерации». Не было упомянуто не только пространственное, но и региональное развитие, а направления социально-экономического развития страны должны были детализироваться на перспективу до 10 лет в стратегиях (программах) развития отдельных секторов экономики, в приоритетных национальных проектах, в межгосударственных программах, в выполнении которых принимает участие Российская Федерация, в «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года», в федеральных (ведомственных) целевых программах, в программах фундаментальных и прикладных исследований, в проектах государственных и государственно-частных финансовых институтов, в заказах на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд, включая государственный оборонный заказ и в других значимых для национальной безопасности проектах и программах. Однако в этот период, как и далее в течение пяти лет, в регионах принимались документы, называемые стратегиями.

Ситуацию могло бы нормализовать принятие закона 172-ФЗ, узаконившего само понятие «стратегия пространственного развития», которое согласно ст. 3 этого закона должно пониматься как «документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации и направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации». Причем вводились понятия «стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации – документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи государственного управления на уровне субъекта Российской Федерации на долгосрочный период», а также «стратегия социально-экономического развития муниципального образования – документ стратегического планирования, определяющий цели и задачи муниципального управления и социально-экономического развития муниципального образования на долгосрочный период». Была установлена и своеобразная соподчиненность и последовательность разработки документов стратегического планирования. Так, стратегию пространственного развития Российской Федерации надлежало учитывать «при разработке и корректировке... стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации». Последние должны были стать основой для разработки государственных программ субъекта, схемы территориального планирования субъекта и плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, а стратегии социально-экономического развития макрорегионов «могут быть

основанием для принятия решения о разработке государственных программ Российской Федерации, сформированных по территориальному принципу для соответствующих макрорегионов, в целях реализации указанных стратегий» и должны учитываться при разработке и корректировке государственных программ Российской Федерации, стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, схем территориального планирования субъектов Российской Федерации и иных документов стратегического планирования. И всем им должны были предшествовать надежные соответствующие прогнозы. Нетрудно видеть, что разработка и утверждение стратегии должны были привести к тотальному пересмотру уже принятых и к новому содержанию (прежде всего целеполаганию) всех новых стратегических, программных и иных документов в субъектах Российской Федерации.

С момента публикации закона 172-ФЗ и до настоящего времени эксперты отмечают и необходимость его принятия, и множество его недостатков. Декларативный характер этого закона (особенно в части разработки стратегий пространственного развития) инициировал задачу конкретизации его положений. Одним из шагов в таком направлении стало принятие в соответствии с этим же законом Постановления Правительства Российской Федерации от 20 августа 2015 г. № 840 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации». Перед разработчиками этой стратегии были поставлены задачи, для решения которых в современной России *не было ни опыта, ни информационных, ни институциональных ресурсов*. Отметим лишь, что главным ответственным за разработку стратегии, а также за мониторинг и контроль ее реализации определено Минэкономразвития России, не располагающее крупными научно-аналитическими организациями такого профиля при том, что требования к содержанию стратегии чрезвычайно масштабны. К тому же это министерство должно руководствоваться при решении любых задач критериями сугубо экономическими, а этого применительно к разработке стратегии пространственного развития явно недостаточно. И это еще одно основание для многочисленных экспертных мнений о принципиальной невозможности в современных условиях разработки полноценной стратегии каждого региона и муниципального образования.

***Зарубежные исследования новых форм
пространственного тяготения экономической активности
и их заимствование разработчиками Стратегии-25***

Понятие «пространственное развитие» пришло в российское обществоведение из зарубежной науки о связи пространства и экономики (в широком значении этого слова) и, как все заимствованное, было выборочным и, главное, использованным в иной (постперестроечной)

реальности. До этого в СССР был накоплен уникальный опыт научного осмысления и практической реализации пространственного развития. Советские географы, экономисты и социологи *создали научный фундамент пространственной организации* уникального социалистического государства с его тотальным административно-партийным руководством, преимущественно общенародной собственностью и государственной системой планирования и управления всем и вся. Именно для условий такого государства ими были разработаны теоретические положения размещения производства, упорядоченной системы расселения и территориальной организации общества. Им были хорошо известны достижения ученых капиталистического лагеря, но по официально-идеологическим причинам могли быть использованы только их некоторые методические практики, например, экономико-математические. При этом российские ученые обосновывали свои исследования ссылками на работу И.Г. Тюнена «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии» [13], где были на конкретном примере рассмотрены базовые положения пространственной экономики, и на «Принципы экономической науки» А. Маршалла [14], корректно охарактеризовавшего причины концентрации экономики в городах. В XX в. оформились связанные с именем В. Кристаллера научные представления о «системе центральных мест» — геометрических закономерностях расположения городов разного размера [15]. В СССР были также популярны не утратившие актуальности рекомендации В. Лаунхарта по определению наиболее целесообразного местоположения коммерческого объекта [16] и идеи А. Леша 1940-х гг. об экономическом ландшафте и о возможностях согласования интересов властных, рыночных и транспортных структур [17].

С реформами 1990-х гг. в России кардинально изменился общественно-политический строй, экономика стала рыночной и открытой всему миру, исчезли плановые начала государственного управления, прекратили существование многие объективно неконкурентные предприятия, резко возросла трудовая мобильность населения, активизировался процесс концентрации экономического и демографического потенциала в крупных городах. Российские ученые занялись скорейшим освоением упущенных за годы советской власти новейших мировых достижений в познании и регулировании общественно-политических и социально-экономических процессов, и объем соответствующих заимствований расширился от конституционного права до ипотечного кредитования. Наших регионалистов, озабоченных растущей пространственной неравномерностью экономической активности, привлекли теоретические представления о полюсах и центрах роста, вызывающих позитивные перемены в экономике хинтерланда.

Согласно основателю этой гипотезы Ф. Перру [18], производства делятся на угасающие (старые, с уменьшением доли в структуре экономики), быстро развивающиеся, но мало связанные с остальными, и бы-

стро развивающиеся и порождающие центры роста, стимулирующие развитие всей экономики. Другой теоретик полюсов роста, Ж. Будвиль [19] расширил представления о них, показав правомерность формирования региональных полюсов роста — концентрации развивающихся (и развивающих округу) объектов на территории: а) небольших городов с их влиянием на ближайшее окружение; б) среднегородских поселений, нуждающихся в трансфертах и внешних инвестициях; в) крупногородских агломераций; и, наконец, г) систем таких полюсов. Пьер Потье [20] выдвинул весьма заинтересовавшую наших регионалистов идею осей развития — транспортных сетей, передающих энергию развития от одного полюса роста к другому и формирующих тем самым его пространственную структуру. К сожалению, остались почти незамеченными положения еще одного теоретика полюсов роста — Х.Р. Ласуэна [21] о том, что они, действительно, отражают реальность связи пространства и экономики, но (и это весьма существенно) рост последней не обязательно является следствием поляризации.

В зарубежной и отечественной науке сильный импульс эволюции представлений о пространственном развитии придали положения так называемой новой экономической географии. История становления этих положений и следствия их теоретического и практического использования хорошо исследованы, причем показано, что главной их мотивацией стали стремительная интенсификация международной конкуренции, обоснование циклов национального технологического лидерства [22] и переосмысление моделей экономической географии как таковой [23]. Новую экономическую географию принято связывать с именами нобелевского лауреата по экономике Пола Кругмана и его соавторов. Они изначально выступали как исследователи феномена растущей доходности в условиях монополистической конкуренции и международной торговли [24], торговой политики и функционирования мегаполисов третьего мира [25] и даже связи глобализации и национального неравенства [26]. Идеи собственно новой экономической географии были заявлены П. Кругманом еще при изучении результатов «экономии за счет масштаба, дифференциации продукции и структуры торговли» [27]. В России эти идеи были более чем позитивно оценены и практически использованы в государственных документах о пространственном развитии. То же произошло и с восприятием статьи П. Кругмана «Растущая отдача и экономическая география» [28]: ссылки на нее стали появляться в российских публикациях с конца 1990-х гг.

Учение П. Кругмана и его сподвижников выросло не только из анализа причин и мотивов изменения размещения экономической деятельности в конце XX в. [29; 30], но и ранее накопленного знания о пространственном развитии капиталистической экономики от И. Тюнена до Дж.В. Хендерсона [31]. В этом учении сформулированы положения о силах пространственных перемещений экономической активности и ее ресурсов, о том, как самоорганизующаяся экономика выбирает нужное ей пространство, и в тех случаях, когда расходы на перемеще-

ние продукции незначительны, а расходы на ее приобретение велики, формируется пространственная структура «центр — периферия».

Российские регионалисты и политики, стремясь соединить принципы рыночной экономики и пространственного развития, стали широко использовать понятия П. Кругмана *о конкурентности* (конкурентных преимуществах) *территорий*. Следует отметить, что идеи новой экономической географии не были плодами теоретиков, оторванных от реалий мировой экономики. Напротив, эти идеи базировались на анализе конкретных (и в значительной степени универсальных) ситуаций и стали их своеобразной фотографией. Г. Хэнсон на анализе статистики за 1970–1990 гг. по трем тысячам административных округов США показал фактическую связь размеров рынка, миграции населения и концентрации экономики в модели «ядро — периферия» [32]. С. Брекман, Г. Гарретсен и М. Скрамма подтвердили то же на примере экономики Германии [33], а Т. Аго, И. Исоно и Т. Табучи на основе положений новой экономической географии попытались объяснить перераспределение численности населения между многими странами за несколько столетий [34].

К числу наиболее широко используемых в России понятий, сформированных на Западе исходя из практики экономически развитых стран, относятся кластеры и агломерации, неоднократно упоминаемые в отечественных публикациях, диссертациях и официальных документах федерального и регионального уровня.

«Кластеры по-русски» вошли в наш язык быстро и основательно, в т.ч. и потому, что они чем-то напоминали советские территориально-производственные комплексы. Но именно напоминали, поскольку последние теоретически обосновывались и создавались как планомерно организованные структуры, а западные исследователи имели ввиду территориально-экономические комплексы, *естественно складывающиеся* под воздействием самоорганизации пространственных систем. Считается, что понятие «экономический кластер» ввел в 1990-х гг. Майкл Портер, увидевший прямую связь конкурентоспособности компаний и их пространственного окружения [35]. Факторы и результаты такой кластеризации изучались и популяризировались десятками западных ученых, среди которых назовем лишь П. Маскелла и А. Малберга [36], С. Розенфельда [37], А. Скотта [38], С. Кетлеса [39], К. Веннберга и Г. Линдквиста [40]. По оценке международных экспертов, кластеризацией охвачено около 50% экономик развитых и активно развивающихся стран, а регионы, в которых формируются кластеры, становятся лидерами экономического развития и определяют конкурентоспособность национальной экономики [41].

Ставка на административное поощрение крупногородских, а затем и среднегородских и даже сельских агломераций стала еще одним заимствованным символом пространственного развития России и негласным показателем прогрессивности региональных и муниципальных властей. За последние годы различным аспектам формирования и функционирования агломераций посвящено немало отечественных

исследований (например, [42–45]). В ряде публикаций по этому поводу было показано, что агломерации, сформировавшиеся в ходе длительного естественного развития, «со временем ощутили на себе настойчивую государственную волю регламентировать их неестественную эволюцию, заменив ее унифицированными государственными проектами формирования агломераций во имя надуманных целей» [45, с. 2]. Критика отношения к агломерациям как стратегическому направлению пространственного развития страны связана вовсе не с отрицанием эффекта территориальной концентрации как таковой, а с тем, что чрезмерное и государственно поощряемое сосредоточение экономического, инфраструктурного и демографического потенциала страны всегда ведет к росту пространственного неравенства. Вот почему «признание не просто принципиальной допустимости, но и в ряде случаев целесообразности специального управления, в т.ч. и с государственным участием, агломерациями вовсе не должно влечь за собой лишение урбанистических процессов их естественной произвольности, угнетения их инициативной самоорганизации и саморазвития мерами сознательного (будь то стимулирующего или ограничивающего) воздействия на них» [45, с. 5].

Из вышесказанного не следует, что за рубежом отказываются от государственных усилий корректировать естественный ход пространственного развития, но их подходы имеют с российской политикой мало общего поскольку, во-первых, такие попытки никогда не претендуют на регулятивно-императивные трансформации пространственного развития как такового (ограничиваются решением немногих задач); во-вторых, имеют проектный характер с использованием пилотной апробации результатов и обязательным привлечением ресурсов самих местных сообществ; в-третьих, уделяют особое внимание подготовке этих сообществ к ожидаемым переменам.

О зарубежной государственной политике территориального развития в России известно давно, и наиболее часто комментируемыми примерами стали американские программы развития отдельных территорий (например, долины реки Теннесси), создание зоны свободной торговли в Шенноне (Ирландия) и особенно — многофункциональной зоны Шэньчжэнь в Китае. Однако не меньший интерес представляет принятая в 1974 г. крупнейшая в истории США программа грантов на развитие территорий (*Community Development Block Grant — CDBG*): федеральный центр финансировал в ряде депрессивных территорий строительство доступного жилья и объектов инфраструктуры, а также создание рабочих мест (каждое третье — за счет местных сообществ). Не менее представительна начатая через 20 лет американская программа «Зоны роста / Предпринимательские сообщества» (*Empowerment zone / Enterprise Community*) — *EZ/EC*), направленная на создание внутри депрессивных территорий районов с особыми преференциальными режимами ведения бизнеса (специальные кредиты, налоговые послабления, упрощение бюрократических процедур и т.д.). Исследователь этой

проблемы Х.У. Баснукаев пишет, что «в конце 90-х гг. такие зоны были созданы практически во всех штатах. Для удовлетворения потребностей локальных территорий в рабочей силе в 1998 г. был принят акт об инвестировании в рабочую силу (*Workforce Investment Act*), стимулировавший установление партнерских связей между предприятиями и местными учебными заведениями. В 2010 г. с этой же целью была запущена государственная программа “Навыки для будущего Америки” (*Skills for America's Future*), а в 2015 г. началась компания по обеспечению доступа к бесплатному неполному высшему образованию в комьюнити-колледжах. В 2011 г. в США началась реализация пилотной программы “Сильные города, сильные сообщества” (*Strong Cities, Strong Communities*) для развития экономического и социального потенциала городов. В 6 пилотных городов — Честер (штат Пенсильвания), Кливленд (Огайо), Детройт (Мичиган), Мемфис (Теннесси), Новый Орлеан (Луизиана) — были направлены профессиональные тренеры для оказания поддержки местным властям и сообществам. В 2014 г. была принята национальная программа “Локальная еда, локальные места” (*Local food, local places*), направленная на поддержку проектов по развитию локальных пищевых производств как основы развития сельских территорий» [46]. Этот же автор приводит примеры реализации государственной политики пространственного развития в Швеции (поддержка предприятий и развитие инфраструктуры малонаселенных территорий с целью приостановки массового оттока населения, создание Агентства по развитию периферийных территорий, паритетное финансирование средствами правительства и местных сообществ), политики *Saemaul Undong* (движение за новую деревню) в Южной Корее и, главное, в Китае, где развитие сельских территорий осуществлялось с опорой на кооперацию (преодоление неконкурентоспособности раздробленных крестьянских хозяйств), волостную и поселковую индустриализацию, причем предприятия создавались самими местными жителями, которые становились их коллективными собственниками.

Способна ли действующая Стратегия-25 позитивно воздействовать на параметры пространственной организации России?

В России принятие стратегий пространственного развития должно основываться на *трудно реализуемом соединении* предельно четкого изложения основной концепции (требуемые направления и параметры этого развития) и характеристик принципиальных различий наших территорий, причем различий не общепринятых, а содержательных. Так, отличия нашей Арктической зоны (далее — АЗРФ) от других территорий России не исчерпываются экстремальным климатом, низкой плотностью населения и слабыми транспортными связями. Не менее существенны пять иных отличий, во многом определяющих особенности государственного управления и функционирования этого макрорегиона.

Во-первых, выделение АЗРФ в единый объект федерального регулирования создало управленческую структуру, по неоднородности не имеющую аналогов ни в России, ни в мире; любые федеральные инициативы и корпоративные проекты требуют всесторонних согласований с властями различных территорий, с представителями коренных малочисленных народов Севера и т.д.

Во-вторых, на территории АЗРФ особо остро ощущаются плюсы и минусы советского наследия: за 70 лет советского периода арктическая часть России превратилась в одну из наиболее индустриализированных. Для поддержания этого наследия хотя бы в прежнем состоянии требуются финансовые, материально-технические и кадровые ресурсы, несопоставимые с необходимыми для аналогичных целей на территориях, расположенных южнее, а создание каждого нового рабочего места обходится в несколько раз дороже, чем в среднем по России.

В-третьих, сегодня АЗРФ — территория с максимальной локализацией производственной деятельности богатейших корпораций, среди которых такие бизнес-гиганты, как, например, «Газпром», «Росатом», НОВАТЭК, «Норникель», «Роснефть» и «ФосАгро» и с небольшой долей малого и среднего бизнеса.

В-четвертых, в АЗРФ высокзатратны все возникшие в последние годы и строящиеся производственные, инфраструктурные, оборонные, социальные и иные объекты, и это связано как с экстремальными условиями их возведения, так и с их функционально-техническими особенностями и с частой необходимостью параллельного решения транспортных и других инфраструктурных проблем.

В-пятых, отличными от других территорий являются системный характер и концентрация рисков по всем видам арктической деятельности, что требует, в частности, выполнения аномально высоких экологических стандартов. Именно из таких особенностей должен формироваться реальный облик Арктики как предмет государственной политики пространственного развития.

Одной из задач Стратегии-25 является сбалансированное пространственное развитие за счет обеспечения социально-экономического развития малых и средних городов, а также сельских населенных пунктов. Правительство Российской Федерации Распоряжением от 6 октября 2021 г. № 2816-р утвердило стратегическую инициативу социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 г. «Города больших возможностей и возрождение малых форм расселения», содержащую положения о социально-экономическом развитии «опорных населенных пунктов и прилегающих территорий» с обоснованием перечня объектов инфраструктуры, достаточной для предоставления государством социальных гарантий и удовлетворения основных потребностей проживающего на этих территориях населения и переходом к устойчивой системе расселения на базе стандартов инфраструктурного развития. Правительство должно определить перечень таких населенных пунктов, включающий не менее двух тысяч городов, городских агло-

мераций и сельских поселений во всех регионах, а также разработать и реализовать программу их развития в рамках нового национального проекта «Инфраструктура для жизни». Кроме того, правительству поручено составить перечень из не менее 200 городов, для которых нужно будет разработать мастер-планы и планы комплексного социально-экономического развития.

Государственные воздействия на пространственную конфигурацию социоэкономического потенциала осуществляются разнообразными способами, в основе которых лежит использование тех или иных мер государственного содействия развитию определенных территориальных образований. Такое содействие, существенно дополняющее или в ряде случаев даже замещающее эндогенные предпосылки и условия развития территорий (их саморазвития и самоорганизации), осуществляется разнообразными приемами, базирующимися на выборочном использовании органами власти тех или иных инструментов решения проблем определенных территориальных образований. Диапазон выбираемых при этом задач простирается от преодоления депрессивных состояний и антикризисной поддержки территорий до стимулирования их опережающего развития и социально-экономической модернизации. Однозначно точно и исчерпывающе очертить круг таких инструментов весьма затруднительно. И связано это вовсе не с тем, что такой инструментарий чрезмерно разнообразен или слишком быстро обновляется.

Причина тому — *отсутствие общепринятого, четкого и правозакрепленного понимания смысла и содержания государственной политики пространственного развития*, ее целей и задач, а также ее предметно-объектного поля. Такая неопределенность позволяет говорить о таких инструментах в расширительном смысле как об открытом перечне разнообразных форм и методов прямого и косвенного характера, практически используемых государственной властью для оказания целенаправленного воздействия на пространственно опосредованные социально-экономические процессы, ситуации и явления. Характеризуя состав рассматриваемого инструментария, вполне допустимо включать в него следующее: выражающий суть российских федеративных отношений и непрестанно совершенствуемый механизм финансовых трансфертов регионам, в необычайно широком ассортименте представленных в федеральном бюджете; неотвратимо утрачивающие свое бывшее значение, но все еще используемые в региональной политике федеральные целевые программы (причем не только собственно регионального, но и ведомственного назначения); активно выдвинутые на роль основного драйвера пространственного развития особые правовые режимы ведения на отдельных территориях предпринимательской и иной экономической деятельности (особые экономические зоны (нескольких типов), индустриальные, промышленные и технопарки, зоны территориального развития, инновационные кластеры, промышленные округа, территории опережающего развития, свободные порты). И это вовсе не полный перечень инструментов, используемых государством

как для поддержки жизнедеятельности территорий, так и для экономического оживления их инновационного развития.

В последнее десятилетие мейнстримом политики экономического оживления территорий стало использование инструментов пространственного развития, призванных решить ключевой вопрос государственной региональной политики: *как обеспечить* привлечение в российские города и регионы частных инвестиций и современных технологий, обоснованно считающихся залогом модернизации и инновационного развития территорий?

Приоритетным способом решения этой актуальной и сложной задачи правительство выбрало использование особых *правовых режимов* ведения предпринимательской деятельности *в границах локальных территориальных образований*. Смысл введения таких режимов — в создании на немногих специально отобранных отдельных территориях особо благоприятных предпосылок для ускоренного экономического оживления, волны от которого согласно распространенным теоретическим воззрениям (концепция диффузии инноваций) должны неизбежно и широко распространиться и за пределами этих привилегированных территорий — точек роста. Российским законодательством допускается применение нескольких форм, использующих указанный принцип территориально сфокусированного преференциального стимулирования предпринимательской активности. В уже довольно представительном, но все еще продолжающем удлиняться ряду таких инструментов — особые экономические зоны (нескольких типов), индустриальные, промышленные и технопарки, зоны территориального развития, инновационные кластеры, промышленные округа, территории опережающего развития, свободные порты⁵. Наряду с увеличивающимся предметно-объектным разнообразием особых правовых режимов расширяется и масштаб их распространения по территории страны. Вместе с тем вопреки росту популярности этого инновационного инструментария априори связывавшиеся с ним большие надежды на быстрый и прорывной эффект за редкими исключениями отдельных удачных проектов в целом пока не оправдываются. Мы об этом говорили еще в 2016 г. [47], ситуация не изменилась и до сих пор, как показывают обстоятельнее актуальные исследования [48]. Нужно к тому же учитывать обострение проблемы рассогласования политики развития преференциальных зон и пространственного развития в целом. По мнению П.А. Минакира «стремление к повышению продуктивности использования ресурсов и ускорению темпов экономического развития посредством “замыкания” экономической деятельности в рамках “полюсов роста” неизбежно приводит к нарастанию социально-экономической неоднородности пространства» [49, с. 977].

⁵ Этот набор экономико-правовых механизмов территориальной организации предпринимательской деятельности еще более расширится, если дополнительно учесть аналогичные формы, возможности создавать которые используются региональными органами власти (в ряде случаев вопреки федеральным препонам).

К оценке предложений о новой концепции Стратегии-30

На состоявшихся в марте 2024 г. в Совете Федерации парламентских слушаниях были представлены проект обновленной «Концепции стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 года» (далее — Стратегия-30) и Отчет Центра стратегических разработок «О промежуточных итогах реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Эти материалы заслуживают отдельного подробного разбора на страницах журнала⁶, для которого здесь нет возможности, и потому мы ограничимся лишь некоторыми предварительными общими соображениями.

Самую большую трудность в разработке новой стратегии представляет принципиальная проблема, связанная с пониманием того, что в ряду разнообразных аспектов развития общества и государства является *именно пространственным*, а не развитием вообще или каким-то его конкретным видом; с вычленением в широчайшем спектре задач развития страны и ее экономики, социальной и других сфер тех из них, которые выражают *именно пространственное* измерение развития, и поэтому только эти пространственно обусловленные задачи и должны являться собственно предметом Стратегии-30. Определение предметно-объектного поля *именно пространственного* развития — это самая большая трудность. Она не решена ни в науке, ни в политике. Поэтому некоторые из предложенных в Стратегии-30 задач по своему содержанию вовсе не относятся к проблематике собственно пространственного развития.

К тому же в проекте концепции Стратегии-30 перечень и формулировка приоритетных задач представлены в виде, сильно затрудняющем конструирование конкретных количественных показателей контроля решения этих задач. Поэтому особое внимание следует уделить совершенствованию перечня и содержания целевых показателей (ЦП) пространственного развития. Эти показатели должны отражать прогнозные результаты на конец действия стратегии, а также за каждый год ее выполнения. ЦП должны основываться на статистических данных и показателях других стратегий, планов их реализации и нормативных документов, призванных воздействовать на решение задач пространственного развития. ЦП должны представляться с указанием для каждого показателя исходного значения на начало стратегии и отчетного года, значения на конец отчетного года и количественно оцененных мер, повлиявших на достигнутые результаты. В перечень указанных мер должны входить: а) конкретные меры, предусмотренные планом реализации стратегии; б) финансовая поддержка регионов в рамках межбюджетных отношений; в) установление преференциальных режимов

⁶ Поводов для этого будет много, поскольку проект новой стратегии пространственного развития председатель Совета Федерации В. Матвиенко предложила обсудить с регионами (см.: URL: <https://vmeste-rf.tv/news/proekt-novoy-strategii-prostranstvennogo-razvitiya-nuzhno-obsudit-s-regionami-zayavila-matvienko/>).

на конкретных территориях; г) конкретные меры реализуемых в регионах национальных проектов, федеральных и государственных программ, государственных решений о сооружении хозяйственных и инфраструктурных объектов.

Предлагаются четыре группы ЦП:

- характеризующие снижение региональных диспропорций по сопоставимым группам городов, регионов и макрорегионов (города-миллионеры, северные, центральные и южные регионы европейской части России, регионы Сибири, регионы Дальнего Востока, регионы АЗРФ, республики Северного Кавказа): параметры численности постоянного и трудоспособного населения, параметры собственных бюджетных ресурсов и бюджетная обеспеченность населения, соотношение размера всех видов федеральной поддержки и собственных бюджетных ресурсов, ВРП на душу трудоспособного населения, в т.ч. полученный за счет реализуемых в регионах национальных проектов, федеральных и государственных программ, государственных решений о сооружении хозяйственных и инфраструктурных объектов;
- характеризующие совершенствование системы расселения по тем же сопоставимым группам городов, регионов и макрорегионов: показатели урбанизации, число малых сельских населенных пунктов, число средних и крупных городов, параметры концентрации численности населения и экономического потенциала территорий в крупнейших городах и административных центрах регионов, то же по городским агломерациям, параметры распространения экономического и инновационного потенциала агломераций за их пределами;
- характеризующие демографическую ситуацию по тем же сопоставимым группам городов, регионов и макрорегионов и по группам населения (дети, молодежь, трудоспособное население, пенсионеры, мигранты): показатели рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни, занятости трудоспособного населения в собственном регионе, доля мигрантов в трудовом потенциале региона, наличие социальной инфраструктуры в сельских населенных пунктах, административных центрах и крупных городах;
- характеризующие влияние на параметры пространственного развития изменений в размещении производительных сил по тем же сопоставимым группам городов, регионов и макрорегионов.

Важно предусмотреть выяснение отношения населения к выполнению ЦП стратегии пространственного развития путем ежегодно проводимых по сопоставимым группам городов, регионов и макрорегионов социологических опросов.

Рассматривая эти предложения, следует учитывать, что *системная оценка выполнения действующей Стратегии-25 не проводилась*. Около сотни мер, предусмотренных планом ее реализации, должны были обеспечить «эффективную организацию экономического пространства

в России за счет формирования и развития перспективных центров экономического роста, раскрытия экономического потенциала различных типов территорий, развития человеческого капитала». Эти меры были сформулированы как «подготовка предложений», «разработка рекомендаций», «разработка стратегий», «подготовка правил», «внесение изменений в ранее принятые нормативные акты», «разработка механизмов», «подготовка прогнозов», «разработка интегрального индекса городского развития» и «формирование центра пространственного анализа». Отчитаться о выполнении плана, в котором не было показателей пространственного развития как такового, несложно.

Не удивительно, что в отчетах о реализации заявленных целей Стратегии-25 не указывалось: 1) как повлияет, например, введение преференциальных режимов на территориях опережающего развития или курса на крупногородские агломерации на экономические, социальные, демографические, расселенческие и иные параметры других территорий и населенных пунктов или 2) что в массиве планируемых или прогнозируемых изменений пространственных систем является результатом только выполнения Стратегии-25. В связи с этим результаты новой Стратегии-30 следует оценивать не по выполнению плана ее реализации, а по достижению ее количественно выраженных целевых показателей. Они должны основываться на статистических данных и показателях других стратегий, планов их реализации и нормативных документов, призванных воздействовать на решение задач пространственного развития. Методическое обеспечение расчета таких показателей, представление их в виде ежегодно публикуемого специального раздела федеральной и региональной статистической отчетности и ответственность за своевременность и обоснованность такой отчетности уместно возложить на Росстат.

* * *

Разработка и реализация стратегии пространственного развития России — важнейшая и сложнейшая задача, которая должна решаться *в интересах* и граждан, и бизнеса, и органов государственной власти, и местного самоуправления. Это возможно при условии разумного в конкретных обстоятельствах сочетания *естественности* и *регулируемости* пространственно обусловленных процессов и явлений.

Но приходится констатировать, что в России представление не просто о допустимости, но о естественности преимущественно самостоятельного развития территорий (их самоорганизации и саморазвитие) оказалось вытесненным убеждением в спасительности регулятивно-императивного воздействия на пространственные процессы, которое стало смыслом стратегического планирования. П.А. Минакир объяснял это тем, что в переходных условиях постсоветских пространственных преобразований стратегия пространственного развития является «попыткой использования инструментов государственного регулирования

в условиях, когда восстановление централизованного государственного планирования советского типа невозможно, но и созданная в России модель псевдорынка плохо функционирует без определенного централизованного воздействия ресурсного и институционального характера» [49, с. 976]. Государство активно действует в этом направлении: и увеличивает число объектов, и расширяет предметное поле, и наращивает ресурсы, и обогащает арсенал инструментов по регулированию пространственного развития. Но факты пока говорят о преувеличении заявленных возможностей действующей стратегии для решения позитивного преобразования пространственной организации страны и ее регионов.

Список литературы

1. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Стратегия пространственного развития России как результат взаимодействия науки и власти // Регион: экономика и социология. 2021. № 4. С. 3–26.
2. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: УРСС, 1997 (стереотипные издания в 1999–2022). 372 с.
3. Лексин В. Н. Федеративная Россия и ее региональная политика. М.: ИНФРА-М, 2008. 352 с.
4. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы: Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: ЛЕНАНД, 2012. 1024 с.
5. Лексин В.Н. Антропогенные пространственные системы: особенности функционирования и трансформации // Труды Института системного анализа РАН. 2018. Т. 68. Вып. 1. С. 74–86.
6. Швецов А.Н. Государственное участие в преобразовании социоэкономического пространства // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. С. 291–345.
7. Швецов А.Н. Становление новой организации экономического пространства России: Опыт государственного регулирования и научных исследований пространственных преобразований. М.: ЛЕНАНД, 2021. 304 с.
8. Тахтаджян А. Принципы организации и трансформации сложных систем: эволюционный подход. СПб.: СПХФА, 1998. 118 с.
9. Хомяков П.М. Системный анализ. Краткий курс лекций. М.: КомКнига, 2006. 216 с.
10. Сетров М.И. Основы функциональной теории организации. Л.: Наука, 1972. 164 с.
11. Принципы организации социальных систем / под ред. М.И. Сетрова. Киев; Одесса: Выща школа, 1988. 242 с.
12. Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. М.: Прогресс, 1968. 392 с.
13. Тюнен И.Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике: пер. с нем. Т. 1. М.: Экономическая жизнь, 1926. 219 с.
14. Marshall A. Principles of Economics. London: Macmillan, 1980. 754 p.

15. *Cristaller W.* The Central Places of Southern Germany, Englewood Cliffs. New Jersey: Prentice-Hill, 1966. 119 p.
16. *Launhardt W.* Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage // Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure. 1882. Vol. 26. P. 106–115.
17. *Лев А.* Географическое размещение производств. М.: Изд. иностр. лит. 1959. 456 с.
18. *Perroux F.L.* L'Economie du XX siècle. P.U.F., 1961. 814 p.
19. *Boudeville J.* Problems of Regional Economic Planning. Edinburg: Edinburg U.P, 1966. 192 p.
20. *Pottier P.* Axes de communication et développement économique // Revue économique. 1964. N 14. P. 58–132.
21. *Lasuén J.R.* On Growth Poles // Urban Studies. 1969. N 6. P. 137–152.
22. *Brezis E., Krugman P., Tsiddon D.* Leapfrogging in International Competition: A Theory of Cycles in National Technological Leadership // American Economic Review. 1993. Vol. 83. N 5. P. 1211–1219.
23. *Garretsen H., Martin R.* Rethinking (New) Economic Geography Models: Taking Geography and History More Seriously // Spatial Economic Analysis. 2010. N 5. P. 2.
24. *Krugman P.* Increasing Returns, Monopolistic Competition and International Trade // Journal of International Economics. 1979. Vol. 9. N 4. P. 469–479.
25. *Krugman P., Elizondo R.* Trade Policy and the Third World Metropolis // Journal of Development Economics. 1996. Vol. 49. P. 137–150.
26. *Krugman P., Venables A.* Globalization and the Inequality of Nations // The Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110. N 4. P. 857–880.
27. *Krugman P.* Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // American Economic Review. 1980. Vol. 70. N 5. P. 950–959.
28. *Krugman P.* Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99. N 3. P. 483–499.
29. *Fujita M., Krugman P., Venables A. J.* The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. Cambridge, Massachusetts: THE MIT Press, 1999. 367 p.
30. *Fujita M., Krugman P.* The New Economic Geography: Past, Present and the Future // Papers in Regional Science. Wiley-Blackwell. 2004. Vol. 83. P. 139–164.
31. *Henderson J.V.* The Sizes and Types of Cities // American Economic Review. 1974. Vol. 64. N 4. P. 640–656.
32. *Hanson G.H.* Market Potential, Returns, and Geographic Concentration. URL: <https://www.nber.org/papers/w6429>
33. *Brakman S., Garretsen H., Schramm M.* New Economic Geography in Germany: Testing the Helpman-Hanson Model. URL: https://www.researchgate.net/publication/4765734_New_economic_geography_in_Germany_testing_the_Helpman-Hanson_model
34. *Ago T., Isono I., Tabuchi T.* Locational Disadvantage of the Hub // The Annals of Regional Science. 2006. Vol. 40. P. 819–848.
35. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. New York: The Free Press, Palgrave Tenth Edition, 1990. 855 p.
36. *Maskell P., Malberg A.* Localized Learning and Industrial Competitiveness // Cambridge Journal of Economics. 1999. Vol. 23. Iss. 2. P. 167–185.
37. *Rosenfeld S.A.* Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development // European Planning Studies. 1997. Vol. 5. Iss. 1. P. 3–23.
38. *Scott A., Storper M.* Regions, Globalization, Development // Regional Studies. 2003. Vol. 37. Iss. 6-7. P. 579–593.

39. *Ketels C.* Recent research on competitiveness and clusters: What are the implications for regional policy? // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2013. Vol. 6. Iss. 12. P. 269–284.
40. *Wennberg K., Lindqvist G.* The Effect of Clusters on the Survival and Performance of New Firms. *Small Business // Economics*. 2010. Vol. 34. Iss. 3. P. 221–241.
41. *Фонотов А.Г., Бергаль О.Е.* Территориальные кластеры в системе пространственного развития: зарубежный опыт // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 4. С. 113–135.
42. *Бабун Р.В.* Управление агломерациями городов в условиях реформы местного самоуправления // *Регион экономика и социология*. 2016. № 1. С. 249–267.
43. *Репина Е.А.* Городская агломерация как форма территориального расселения // *Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы*. 2016. № 1. С. 102–107.
44. *Маркварт Э., Швецов А.Н.* Территориальная организация местного самоуправления и управление городскими агломерациями. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 304 с.
45. *Швецов А.Н.* Государство и агломерации: как выстраиваются их взаимоотношения // *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*. 2023. № 4. С. 2–5.
46. *Баснукаев Х.У.* Зарубежный опыт реализации государственной политики пространственного развития // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2018. № 6. С. 18–24.
47. *Швецов А.Н.* «Точки роста» или «черные дыры»? (К вопросу об эффективности применения «зональных» инструментов госстимулирования экономической динамики территорий) // *Российский экономический журнал*. 2016. № 3. С. 40–61.
48. *Одинцова А.В.* Преференциальные территории в пространственном развитии Российской Федерации // *Федерализм*. 2023 Т. 28. № 2 (110). С. 27–46.
49. *Минакир П.А.* Российское экономическое пространство. Стратегические типы // *Экономика региона*. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 967–980.

References

1. Zhikharevich B.S., Pribyshin T.K. Strategiiia prostranstvennogo razvitiia Rossii kak rezul'tat vzaimodeistviia nauki i vlasti [Strategy for Spatial Development of Russia as a Result of Interaction Between Science and Government], *Region: ekonomika i sotsiologiia* [Region: Economics and Sociology], 2021, No. 4, pp. 3–26. (In Russ.).
2. Leksin V.N., Shvetsov A.N. Gosudarstvo i regiony. Teoriia i praktika gosudarstvennogo regulirovaniia territorial'nogo razvitiia [State and Regions. Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development]. Moscow, URSS, 1997 (stereotipnye izdaniia v 1999–2022), 372 p. (In Russ.).
3. Leksin V. N. Federativnaia Rossiia i ee regional'naia politika [Federal Russia and Its Regional Policy]. Moscow, INFRA-M, 2008, 352 p. (In Russ.).
4. Leksin V.N., Shvetsov A.N. Reformy i regiony: Sistemnyi analiz protsessov reformirovaniia regional'noi ekonomiki, stanovleniia federalizma i mestnogo samoupravleniia [Reforms and Regions: Systematic Analysis of the Processes of Reforming the Regional Economy, the Formation of Federalism and Local Self-Government]. Moscow, LENAND, 2012, 1024 p. (In Russ.).
5. Leksin V.N. Antropogennye prostranstvennye sistemy: osobennosti funktsionirovaniia i transformatsii [Anthropogenic Spatial Systems: Features of

Functioning and Transformation], *Trudy Instituta sistemnogo analiza RAN* [Proceedings of the Institute of System Analysis of the RAS], 2018, Vol. 68, Iss. 1, pp. 74–86. (In Russ.).

6. Shvetsov A.N. Gosudarstvennoe uchastie v preobrazovanii sotsioekonomicheskogo prostranstva [State Participation in the Transformation of Socio-Economic Space], *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiia Rossii v XXI veke* [Challenges and Policies of Spatial Development of Russia in the 21st century], edited by V.M. Kotliakov, A.N. Shvetsov, O.B. Glezer. Moscow, Tovarichestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2020, pp. 291–345. (In Russ.).

7. Shvetsov A.N. Stanovlenie novoi organizatsii ekonomicheskogo prostranstva Rossii: Opyt gosudarstvennogo regulirovaniia i nauchnykh issledovaniy prostranstvennykh preobrazovaniy [Formation of a New Organization of the Economic Space of Russia: Experience of State Regulation and Scientific Research of Spatial Transformations]. Moscow, LENAND, 2021, 304 p. (In Russ.).

8. Takhtadzhian A. Printsipy organizatsii i transformatsii slozhnykh sistem: evoliutsionnyi podkhod [Principles of Organization and Transformation of Complex Systems: an Evolutionary Approach]. Saint-Petersburg, SPKhFA, 1998, 118 p. (In Russ.).

9. Khomiakov P.M. Sistemnyi analiz. Kratkii kurs lektsii [System Analysis. Short Course of Lectures]. Moscow, KomKniga, 2006, 216 p. (In Russ.).

10. Setrov M.I. Osnovy funktsional'noi teorii organizatsii [Fundamentals of Functional Theory of Organization]. Leningrad, Nauka, 1972, 164 p. (In Russ.).

11. Printsipy organizatsii sotsial'nykh sistem [Principles of Organization of Social Systems], edited by M.I. Setrov. Kiev, Odessa, Vyshcha shkola, 1988, 242 p. (In Russ.).

12. Khagget P. Prostranstvennyi analiz v ekonomicheskoi geografii [Spatial Analysis in Economic Geography]. Moscow, Progress, 1968, 392 p. (In Russ.).

13. Tiinen I.G. Izolirovannoe gosudarstvo v ego otnoshenii k sel'skomu khoziaistvu i national'noi ekonomii [The Isolated State in its Relation to Agriculture and National Economy]. Vol. 1. Moscow, Ekonomicheskaiia zhizn', 1926, 219 p. (In Russ.).

14. Marshall A. Principles of Economics. London: Macmillan, 1980, 754 p.

15. Cristaller W. The Central Places of Southern Germany, Englewood Cliffs. New Jersey, Prentice-Hill, 1966, 119 p.

16. Launhardt W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage, *Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure*, 1882, Vol. 26, pp. 106–115.

17. Lesh A. Geograficheskoe razmeshchenie proizvodstv [Geographical Location of Production]. Moscow, Izd. inostr. Lit, 1959, 456 p. (In Russ.).

18. Perroux F.L. L'Economie du XX siècle. P.U.F., 1961, 814 p.

19. Boudeville J. Problems of Regional Economic Planning. Edinburg, Edinburg U.P., 1966, 192 p.

20. Pottier P. Axes de communication et développement économique, *Revue économique*, 1964, No. 14, pp. 58–132.

21. Lasuén J.R. On Growth Poles, *Urban Studies*, 1969, No. 6, pp. 137–152.

22. Brezis E., Krugman P., Tsiddon D. Leapfrogging in International Competition: A Theory of Cycles in National Technological Leadership, *American Economic Review*, 1993, Vol. 83, No. 5, pp. 1211–1219.

23. Garretsen H., Martin R. Rethinking (New) Economic Geography Models: Taking Geography and History More Seriously, *Spatial Economic Analysis*, 2010, No. 5, p. 2.

24. Krugman P. Increasing Returns, Monopolistic Competition and International Trade, *Journal of International Economics*, 1979, Vol. 9, No. 4, pp. 469–479.

25. Krugman P., Elizondo R. Trade Policy and the Third World Metropolis, *Journal of Development Economics*, 1996, Vol. 49, pp. 137–150.

26. Krugman P., Venables A. Globalization and the Inequality of Nations, *The Quarterly Journal of Economics*, 1995, Vol. 110, No. 4, pp. 857–880.

27. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade, *American Economic Review*, 1980, Vol. 70, No. 5, pp. 950–959.
28. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography, *Journal of Political Economy*, 1991, Vol. 99, No. 3, pp. 483–499.
29. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. Cambridge, Massachusetts, THE MIT Press, 1999, 367 p.
30. Fujita M., Krugman P. The New Economic Geography: Past, Present and the Future, *Papers in Regional Science*. Wiley-Blackwell, 2004, Vol. 83, pp. 139–164.
31. Henderson J.V. The Sizes and Types of Cities, *American Economic Review*, 1974, Vol. 64, No. 4, pp. 640–656.
32. Hanson G.H. Market Potential, Returns, and Geographic Concentration. Available at: <https://www.nber.org/papers/w6429>
33. Brakman S., Garretsen H., Schramm M. New Economic Geography in Germany: Testing the Helpman-Hanson Model, Available at: https://www.researchgate.net/publication/4765734_New_economic_geography_in_Germany_testing_the_Helpman-Hanson_model
34. Ago T., Isono I., Tabuchi T. Locational Disadvantage of the Hub, *The Annals of Regional Science*, 2006, Vol. 40, pp. 819–848.
35. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. New York, The Free Press, Palgrave Tenth Edition, 1990, 855 p.
36. Maskell P., Malberg A. Localized Learning and Industrial Competitiveness, *Cambridge Journal of Economics*, 1999, Vol. 23, Iss. 2, pp. 167–185.
37. Rosenfeld S.A. Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development, *European Planning Studies*, 1997, Vol. 5, Iss. 1, pp. 3–23.
38. Scott A., Storper M. Regions, Globalization, Development, *Regional Studies*, 2003, Vol. 37, Iss. 6–7, pp. 579–593.
39. Ketels C. Recent research on competitiveness and clusters: What are the implications for regional policy? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2013, Vol. 6, Iss. 12, pp. 269–284.
40. Wennberg K., Lindqvist G. The Effect of Clusters on the Survival and Performance of New Firms. Small Business, *Economics*, 2010, Vol. 34, Iss. 3, pp. 221–241.
41. Fonotov A.G., Bergal' O.E. Territorial'nye klasteri v sisteme prostranstvennogo razvitiia: zarubezhnyi opyt [Territorial Clusters in the System of Spatial Development: Foreign Experience], *Prostranstvennaia ekonomika* [Spatial Economics], 2020, Vol. 16, No. 4, pp. 113–135. (In Russ.).
42. Babun R.V. Upravlenie aglomeratsiiami gorodov v usloviakh reformy mestnogo samoupravleniia [Managing Urban Agglomerations in the Context of Local Government Reform], *Region ekonomika i sotsiologiia* [Regional Economics and Sociology], 2016, No. 1, pp. 249–267. (In Russ.).
43. Repina E.A. Gorodskaiia aglomeratsiia kak forma territorial'nogo rasseleniia [Urban Agglomeration as a Form of Territorial Settlement], *Zhurnal "U". Ekonomika. Upravlenie. Finansy* [Magazine "U". Economy. Control. Finance], 2016, No. 1, pp. 102–107.
44. Markvart E., Shvetsov A.N. Territorial'naia organizatsiia mestnogo samoupravleniia i upravlenie gorodskimi aglomeratsiiami [Territorial Organization of Local Self-Government and Management of Urban Agglomerations]. Moscow, Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2017, 304 p. (In Russ.).
45. Shvetsov A.N. Gosudarstvo i aglomeratsii: kak vystraivaiutsia ikh vzaimootnosheniia [The State and Agglomerations: How Their Relationships are Built], *Munitsipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie* [Municipal Property: Economics, Law, Management], 2023, No. 4, pp. 2–5. (In Russ.).

46. Basnukaev Kh.U. Zarubezhnyi opyt realizatsii gosudarstvennoi politiki prostranstvennogo razvitiia [Foreign Experience in Implementing State Spatial Development Policy], *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2018, No. 6, pp. 18–24. (In Russ.).

47. Shvetsov A.N. “Tochki rosta” ili “chernye dyry”? (K voprosu ob effektivnosti primeneniia “zonal’nykh” instrumentov gosstimulirovaniia ekonomicheskoi dinamiki territorii) [“Growth Points” or “Black Holes”? (on the Issue of the Effectiveness of Using “Zonal” Instruments of State Stimulation of Economic Dynamics of Territories)], *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2016, No. 3, pp. 40–61. (In Russ.).

48. Odintsova A.V. Preferentsial’nye territorii v prostranstvennom razvitii Rossiiskoi Federatsii [Preferential Territories in the Spatial Development of the Russian Federation], *Federalizm* [Federalism], 2023, Vol. 28, No. 2 (110), pp. 27–46. (In Russ.).

49. Minakir P.A. Rossiiskoe ekonomicheskoe prostranstvo. Strategicheskie tupiki [Russian economic space. Strategic dead ends], *Ekonomika regiona* [Regional Economics], 2019, Vol. 15, Iss. 4, pp. 967–980. (In Russ.).

NATURAL AND REGULATIVE-IMPERATIVE IN THE SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Organic spatial development is possible under the condition of a reasonable combination of naturalness and regulation of spatially conditioned processes and phenomena. In different periods, the ratio of these principles is different. In Soviet times, spatial development was absolutely dominated by comprehensive directive state planning and management. In the 1990s of post-Soviet reforms, there was a sharp turn towards immoderate and spontaneous decentralization of the spatial organization of life. In the 2000s, counter-reforms began a rapid return to the strengthening of state regulation in this area, which in many respects turned out to be excessive in terms of tasks and costs and unjustified in expectations. The meaning and content, tools and planned results of the current state policy of spatial development are concentrated in the “Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the Period up to 2025”, which claims to be a doctrinal document of modern regional policy. Its development and adoption were accompanied by a multitude of expert comments – from unconditionally apologetic to acutely critical. As the deadline for the end of the strategy approaches, a comprehensive assessment of its effectiveness and effectiveness becomes relevant, especially in connection with the preparation of a new strategy until 2030. The authors see the cornerstone drawback of the current strategy in ignoring the systemic nature of the spatial organization of society, which should be interpreted as an anthropogenic megasystem with its inherent systemic features of integrity, structural organization, direct and reverse connections, with a powerful potential for natural self-organization and self-development, supplemented in the special transitional conditions of post-Soviet spatial transformations by the regulatory influence on them from the outside State. The authors also emphasize that due to the unprecedented post-Soviet transitional spatial realities, it is impossible to count on diligent study and direct borrowing of foreign experience, due to its inadequacy of the modern Russian situation.

Keywords: spatial development, spatial development strategy, spatial system, regulated spatial development, self-development and self-organization in spatial development.

JEL: R 58

Дата поступления – 24.06.2024 г.

ЛЕКСИН Владимир Николаевич

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное учреждение «Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук / ул. Вавилова, д. 44, корп. 2, г. Москва, 119333.
e-mail: leksinvn@yandex.ru

ШВЕЦОВ Александр Николаевич

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное учреждение «Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук / ул. Вавилова, д. 44, корп. 2, г. Москва, 119333.
e-mail: san@isa.ru

LEKSIN Vladimir N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher;
Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences / 44, Vavilova Str., Building 2, Moscow, 119333.
e-mail: leksinvn@yandex.ru

SHVETSOV Alexander N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher;
Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences / 44, Vavilova Str., Building 2, Moscow, 119333.
e-mail: san@isa.ru

Для цитирования:

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Естественное и регулятивно-императивное в пространственном развитии России // *Федерализм*. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 5–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-5-31>

Е.М. БУХВАЛЬД

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПОЛЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РОССИИ

Принятие Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» знаменует собой не только новый важный этап развития практики стратегического целеполагания в экономике страны. В равной мере можно говорить и о заметном расширении поля тех социально-экономических процессов, в которых отражаются национальные цели развития и пути их практического достижения. Это соответствует современным требованиям к системе стратегического планирования, в основе которых лежат принципы согласованности, полноты и последовательности в достижении тех или иных целевых установок; сбалансированного распределения полномочий и ответственности за достижение этих установок между всеми уровнями публичной власти в стране. В статье предпринята попытка акцентировать внимание на особом — пространственном — аспекте стратегического целеполагания для российской экономики, в частности, определить смысл и значение пространственного подхода для практической реализации национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Указанная задача решается в т.ч. сопоставительно с положениями ранее принимавшихся аналогичных документов. Это Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (2018 г.) и Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (2020 г.). Сказанное о роли пространственного подхода в системе стратегического целеполагания касается также дальнейшего совершенствования программно-проектных методов управления и практических путей достижения намечаемых целевых индикаторов.

Ключевые слова: стратегическое планирование, национальные цели развития, федеративные отношения, пространственное развитие и его регулирование, государственные социально-экономические программы и проекты, субъект Российской Федерации.

JEL: H56, R58

Введение

Задачи освоения и эффективного использования социально-экономического пространства страны неизменно относились и относятся к ключевым целям государственного управления [1]. Однако сегодня попытка тесно увязать национальные цели Российской Федерации с приоритетами пространственного развития ее экономики, на первый взгляд, *не вполне обоснована*.

Действительно, в самом тексте Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее – Указ № 309) круг вопросов пространственного характера развернуто не представлен. Однако заданные Указом целевые установки по различным аспектам хозяйственного и социального развития страны будут реализовываться не в абстрактном пространстве, а в том конкретном социально-экономическом пространстве, которое характеризует сложившееся на сегодня размещение производительных сил, состояние важнейших институтов рынка и публичного управления. Но это пространство во многом неоднородно как в социально-экономическом, так и в институциональном контексте; оно характеризуется определенными различиями в условиях развития, а в отдельных случаях и противоречивостью интересов [2].

Как следствие, при любых обстоятельствах, в ходе достижения национальных целей развития должно обеспечиваться укрепление или консолидация экономического пространства страны, а также осуществляться противодействие любым трендам его сегментации по тем или иным параметрам, особенно на фоне разного рода глобальных вызовов [3]. При этом также отмечалось, что обращение к проблемам пространственного развития содействует объективности стратегического целеполагания [4]. Как считают исследователи, именно технологическая отсталость в совокупности с неравномерным пространственным развитием экономики и общества вызывает необходимость постановки *более реалистичных, развернуто мотивированных целей социально-экономического развития страны* на ближайшую и долгосрочную перспективу [5; 6].

Есть еще ряд обстоятельств, которые говорят о важности пространственного аспекта реализации национальных целей развития в Российской Федерации. Прежде всего пространственно-ориентированные цели и средства их достижения не могут противоречить задачам, зафиксированным в таком документе, как Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». Сегодня этот документ *нуждается в серьезной актуализации*, хотя многие его положения сохраняют свою актуальность и практическую значимость, в т.ч. с точки зрения проекции задач региональной политики государства на приоритетные цели стратегического характера и пути их решения.

Основной смысл этой актуализации — более тесная увязка приоритетных направлений политики пространственного (регионального) развития с достижением стратегических целей страны во всех областях. Соответственно, и государственная политика регионального развития должна стать частью единого механизма реализации национальных целей. При этом пространственный срез национального целеполагания должен не только определять специфику реализации этих целей для различных групп субъектов Федерации, но и, что не менее важно, стимулировать их собственное участие в решении данной стратегической задачи. Это, как мы полагаем, выступает принципиальной предпосылкой успешности национального стратегического целеполагания и пространственного регулирования в условиях государства федеративного типа [7].

О том, что система пространственного стратегирования и сегодня интегрирует в себе и важнейшие цели развития, и механизмы их достижения, также говорит ряд положений выступления М. Мишустина в Государственной Думе при утверждении его в должности Председателя Правительства Российской Федерации. Ориентируя Государственную Думу и Правительство России на реализацию задач, поставленных в Указе Президента Российской Федерации о национальных целях развития страны на период до 2030 г. и далее до 2036 г., М. Мишустин подчеркнул, что к числу этих целей относится сбалансированное развитие российских регионов (субъектов Федерации)¹. Правда, в официальных и разного рода программных документах такие понятия, как «сбалансированное развитие регионов», «сбалансированное пространственное развитие» и пр. часто даются достаточно формально, *без уточнения того, сбалансированность чего с чем имеется в виду.*

Однако в данном случае вполне очевидно, что стратегическими целями государственной региональной политики в этом направлении выступает обеспечение равных и достаточных возможностей для реализации установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами экономических, политических и социальных прав граждан Российской Федерации на всей территории страны, последовательное повышение качества их жизни, а также сокращение имеющихся межрегиональных различий. Сюда следует также отнести обеспечение связанности экономического пространства, достижение устойчивого роста и научно-технологического развития регионов и муниципальных образований [8; 9]. Это позволяет говорить о том, что сфера пространственного развития концентрирует в себе ряд важнейших ориентиров, способных встать в один ряд с ключевыми целями развития Российской Федерации. При этом усиление внимания к пространственным аспектам постановки и достижения национальных целей объективно предопределяется общим процессом их социализа-

¹ Пленарное заседание Государственной Думы от 10.05.2024 г. URL: <http://government.ru/news/51560/#51560=66:3:Pji,66:7:jii>

ции, единой ориентацией на приоритетное решение задач социального характера [10].

Другое дело, что масштабы и инструменты достижения целей пространственного характера претерпевают существенные изменения. В этом можно убедиться, анализируя то, как сформулированы эти цели или близкие к ним по характеру целевые установки, равно как и пути их практической реализации в президентских Указах 2018², 2020³ и 2024⁴ гг., а также в документах, определяющих практические пути их реализации («Планы реализации...»). Эта актуальная задача решается и сейчас. Так, В.В. Путин поручил до 31 декабря 2024 г. разработать и представить план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Это, с учетом опыта прошлых лет, дает возможность сейчас внести практические предложения по разработке данного документа, в т.ч. и с точки зрения сопряжения национальных стратегических целей с задачами пространственного характера.

Шаги по актуализации пространства национальных целей

Документы последних лет содержали немало важных инициатив, обеспечивающих проекцию проблем пространственного развития на постановку и реализацию национальных стратегических целей страны. В этих документах пространственный подход к национальному целеполаганию обозначился достаточно полно и последовательно. Этим опытом целесообразно воспользоваться и на данном этапе. Например, в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и в плане его реализации (2021 г.)⁵ ставилась задача повышения уровня экономической связанности территории Российской Федерации. Эту цель предполагалось достичь посредством расширения и модернизации железнодорожной, авиационной, автодорожной, морской и речной инфраструктуры. По сути, это — прямая интерпретация такой важной национальной цели, как *обеспечение единства экономического пространства страны*.

Это диктовало основной ориентир политики пространственного регулирования на поэтапное развитие транспортных коммуникаций между административными центрами субъектов Российской Федерации

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

³ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

⁵ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/edinyy_plan_po_dostizheniyu_natsionalnyh_cелей_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2024_goda_i_na_planovyy_period_do_2030_goda.html

и другими городами — центрами экономического роста. Это также требовало ликвидации инфраструктурных ограничений для имеющих перспективы развития территорий, прилегающих к таким транспортным коммуникациям. Строго говоря, такая задача, как повышение уровня экономической связанности территории Российской Федерации является непреходящей и временных рамок не имеет. Более того, можно утверждать, что в разных интерпретациях именно идея связанности экономического пространства страны во многом пронизывает ход постановки и достижения всех национальных целей развития, в т.ч. и на предстоящую перспективу. Очень важной здесь является мысль, что условием позитивной реализации пространственной компоненты национального целеполагания является *взаимодействие различных видов пространств* (экономического, социального, информационного, культурного и пр.), а также обеспечение соответствия национальных целей развития пространственному распределению ресурсов и возможностям отдельных территорий.

В последующие годы, как может показаться, внимание к пространственным аспектам национального целеполагания в соответствующих Указах несколько ослабло. Например, в Указах 2020 г. и 2024 г. пространственные аспекты национальных целей и пути их достижения прямо не затрагиваются. Однако следует обратить внимание на то, что в практике национального целеполагания важное значение имеют не только сами Указы с кратким изложением самих целей, но и такие документы, как Единый план по достижению поставленных целей. В качестве примера можно указать на «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года»⁶ (за отсутствием более позднего аналогичного документа, этот план пока считается действующим).

Отметим, что с точки зрения пространственно-региональной тематики *этот документ значительно шире* самого Указа, принятого в 2020 г. *Содержательно этот документ, скорее, тяготеет к положениям* названного выше Указа по основам государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г.⁷ Доказательством может служить обширно представленная в данном плане реализации проблематика межбюджетных отношений, хотя непосредственно в Указе 2020 г.⁸ этот круг вопросов не поднимался. Такое закрепление основных позиций в сфере национального целеполагания не представляется в достаточной мере обоснованным, ибо в данном слу-

⁶ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/edinyy_plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2024_goda_i_na_planovyy_period_do_2030_goda.html

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее — Указ № 13).

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

чае в круг рассмотрения попадает осуществление тех мер (задач), которые в базовом документе вообще не затронуты. В такой ситуации трудно составить впечатление о значимости тех или иных положений плана реализации, а также о том, на достижение каких конкретных стратегических целей и каким образом они ориентированы.

Однако несомненным достоинством этого плана реализации выступает то, что он содержит специально выделенное территориальное измерение. Как отмечено в этом документе, дифференциация регионов и территорий по социально-экономическим условиям, природно-географическим характеристикам, бюджетным условиям обуславливает специфику при решении задач и выборе инструментов, направленных на достижение национальных целей развития. Соответственно, в данном плане реализации был представлен особый блок — региональное развитие. Это позволяет сегодня определить то, что, собственно, формирует (должно формировать) территориальное или региональное измерение национального целеполагания, значимого и на современном этапе развития практики стратегического планирования.

По нашему мнению, территориальное или региональное измерение национального целеполагания исходит из того, что, как было отмечено выше, дифференциация регионов и территорий по социально-экономическим условиям, природно-географическим характеристикам, бюджетным условиям закономерно обуславливает специфику при решении на местах конкретных задач и при выборе инструментов, направленных на достижение национальных целей развития. Таким образом, политика национального целеполагания объективно увязывается с ситуацией глубокой неоднородности социально-экономического пространства страны при общей ориентации на сглаживание этой неоднородности как одной из базовых целей государства. Мы полагаем эту установку принципиально важной и актуальной для практической реализации идеи национального целеполагания в последующие периоды.

Согласно плану реализации 2021 г., приоритетными направлениями достижения национальных целей развития в территориальном измерении являются следующие задачи:

- сокращение меж- и внутрирегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, в т.ч. опережающее социально-экономическое развитие регионов с уровнем социально-экономического развития ниже российского;
- дифференцированный подход к развитию городских и сельских территорий, повышение роли городских агломераций в качестве территорий опережающего развития и точек экономического роста;
- ликвидация инфраструктурных ограничений как на федеральном уровне (повышение доступности и качества магистральной транспортной, энергетической, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры), так и на уровне регионов и муниципалите-

тов (повышение связности экономических центров, транспортной доступности сельских и удаленных территорий);

- социально-экономическое развитие геостратегических территорий, характеризующихся особыми условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности.

При этом предполагается, что реализация национальных целей должна быть ресурсно обеспечена, *что подразумевает поддержку этих целей* со стороны федерального бюджета, дополнительную мобилизацию ресурсов региональных бюджетов, а также дальнейшее совершенствование межбюджетных отношений. В этой связи важным аспектом территориального или регионального измерения национального целеполагания выступает формирование условий и стимулов участия субфедерального звена управления в реализации национальных целей развития. Здесь наиболее значимым фактором выступает активное привлечение регионов и муниципалитетов к реализации стратегий, программ и проектов федерального уровня, а также их самостоятельная работа по использованию программно-проектных методов управления социально-экономическим развитием территорий. В большинстве случаев наиболее действенным рычагом стимулирования подобного активного соучастия со стороны субъектов Федерации выступает финансово-бюджетный эффект, возникающий в результате межбюджетных взаимодействий и федерального софинансирования различных программ и проектов.

С точки зрения обеспечения такого участия, примечательным полагаем также обращение плана реализации 2021 г. к проблематике межбюджетных отношений, которые и ранее, и сегодня остаются важным элементом механизма достижения национальных целей развития в пространственном разрезе. Здесь мы видим отражение ряда важных идей Указа № 13 (2017 г.), которые, как мы полагаем, *не получили в дальнейшем достаточного конструктивного развития* ни в Стратегии пространственного развития 2019 г., ни в документах по региональному срезу налогово-бюджетной политики.

Так, в Указе № 13 предлагалось осуществить совершенствование механизмов стимулирования субъектов Российской Федерации и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала посредством перехода к практике зачисления в бюджеты субъектов Российской Федерации и местные бюджеты части доходов от отдельных налогов и сборов, подлежащих зачислению, соответственно, в федеральный и региональные бюджеты. Речь идет о налоговых и иных доходах, которые были дополнительно мобилизованы на соответствующей территории в результате деятельности органов государственной власти и местного самоуправления субъектов Российской Федерации по наращиванию и эффективному использованию экономического потенциала территорий.

Однако, на наш взгляд, до настоящего времени этот финансовый инструмент, важный для достижения стратегических целей простран-

ственного развития, достаточного *практического воплощения не получил*. Формально, в Указе № 309 (2024 г.) вопросы федеральной финансово-бюджетной политики по отношению к российским регионам вниманием не оставлены. Однако здесь акцент, как и чаще всего ранее, делается на меры финансово-выравнивающего характера. Так, в данном Указе предполагается обеспечить снижение к 2036 г. не более чем до двух раз разрыва в уровнях бюджетной обеспеченности (с учетом оказания финансовой поддержки из федерального бюджета в форме целевых межбюджетных трансфертов) между 10 наиболее обеспеченными и 10 наименее обеспеченными субъектами Российской Федерации. Источник названного снижения не уточняется, но создается впечатление, что речь идет не об активации экономических усилий самих регионов, а о системе дополнительных целевых межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, о списании части задолженности регионов по бюджетным кредитам и пр. Другими словами, для достижения значимой национальной цели вновь предлагаются механизмы, уже показавшие свою ограниченную эффективность. Доминирующая до последнего времени практика пространственного (вертикального) финансового выравнивания должна быть заменена на бюджетную политику пространственного развития с соответствующей корректировкой механизмов межбюджетных отношений. Федеральные трансферты, преимущественно играющие сегодня роль инструментов бюджетного регулирования, *должны быть переориентированы* на цели формирования у регионов источников саморазвития и создания новых центров экономического роста, в т.ч. в рамках формирования системы межрегиональной кооперации.

Условия конструктивного подхода к стратегическим целям

В настоящее время видятся три направления, по которым актуализация плана достижения национальных целей, обозначенных в новом Указе Президента Российской Федерации, могла бы усилить конструктивные начала этого документа.

Первое направление — следует закрепить роль целевых Указов относительно национальных целей, а также планов их реализации в системе документов стратегического планирования в Российской Федерации.

Второе направление — важно добиться реальной федерализации всего процесса национального целеполагания.

Третье направление — необходимо выделить в самостоятельный блок и конкретизировать задачи национального целеполагания, относящиеся к сфере пространственного развития.

Прежде всего, следует четко отобразить и нормативно *закрепить особое место и особую роль национального целеполагания* (сами национальные цели и пути их реализации) в практике стратегического планирования. Обратим внимание на то, что в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 172) четкая позиция по данному вопросу в настоящее

время не представлена. Закон формально обозначает целеполагание как определение направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, однако роль и значение отдельных источников целеполагания при этом не конкретизируются. Представления об источниках целеполагания для российской экономики как бы размываются, а контроль за фактическим достижением поставленных целей при этом существенно осложняется.

Примером может служить неопределенность в соотношении понятий «национальные цели» и «национальные приоритеты», тем более что за этими понятиями стоят не просто слова, а конкретные меры социально-экономической политики государства, в т.ч. и в сфере пространственного развития. Сейчас же складывается ситуация, при которой эти понятия как бы накладываются друг на друга. Например, еще в 2018 г. Дальний Восток объявлен главой государства национальным приоритетом на весь XXI в. Для Дальнего Востока на законодательном уровне были приняты уникальные для российской и мировой практики стратегические экономические новации, в т.ч. в части бесплатного предоставления юридическим и физическим лицам земельных участков, значительного снижения энерготарифов, масштабной поддержки бизнеса для запуска инвестиционных проектов. Одновременно в государственных программах социальной направленности по таким направлениям, как образование, спорт, культура, здравоохранение и другим, были выделены специальные дальневосточные разделы, целевым образом ориентированные на данный макрорегион страны.

В этой связи возникают вопросы: как в данном случае в пространственном аспекте разграничиваются национальные приоритеты и национальные цели? Являются ли упомянутые в Указе № 309 индикаторы национальных целей действительными (достаточными) для приоритетных территорий или в пределах этих территорий значения этих индикаторов должны быть иными? Являются ли национальные проекты единым и универсальным средством достижения национальных целей по всей территории страны или на приоритетных и прочих особых территориях для этого должны быть использованы иные инструменты [11; 12, 13]? Как соотносится идея приоритетного развития отдельных территорий с таким аспектом национального целеполагания, как сокращение межрегиональной экономической дифференциации? Все это нагружает пространственный блок национального целеполагания значительным числом сложных, даже противоречивых проблем.

Еще одним примером могут служить стратегические документы в области национальной и экономической безопасности⁹. Они также содержат важные целевые индикаторы по различным аспектам хозяй-

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»; Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

ственного, социального, экологического и иного характера, однако вопрос об их соотношении с национальными целями развития в целом пока остается открытым [14].

Принципиальным является вопрос *о соотношении целей национального и субнационального уровня*. Здесь требуется обозначить сбалансированный подход, сочетающий единство и согласованность вертикали целеполагания с инициативой, ответственностью и прямой заинтересованностью регионов. Активизация роли субрегионального звена управления в достижении ориентиров национального целеполагания строится на триаде: цели, ресурсы и стимулы реализации задач национального целеполагания.

Достижение национальных целей требует обеспечения скоординированных действий всех уровней управления – не только федеральных, но и субфедеральных органов исполнительной власти. На уровне регионов и муниципалитетов должна осуществляться точечная настройка действий по достижению национальных целей с учетом специфики условий и возможностей каждой конкретной территории. Основные принципы такой донастройки также должны отражаться в документе (плане) по реализации задач национального целеполагания с учетом того, что такие документы должны формироваться на всех уровнях публичной власти в стране.

Наконец, в современных условиях крайне сложно определить стратегические цели развития и сформировать план их реализации вне обращения к проблемам пространственного характера. Понимание значимости этого фактора, как и ранее, наличествует. Появившиеся в последние годы официальные документы по-прежнему характеризуют межтерриториальные различия в уровне социально-экономического развития и в качестве жизни населения как вызов устойчивости социально-экономического развития страны и достижению ее стратегических целей, особенно в долговременной перспективе.

Однако практика свидетельствует, что принципиального прорыва в этом направлении не наблюдается, а сокращение межрегиональных различий как стратегическая цель пока не достигается. Более того, уже накопленный опыт подтверждает: указанная проблема не решается только вертикальным перераспределением финансово-бюджетных ресурсов; необходимо появление и развитие новых центров экономического роста. Достижение этой стратегической цели требует пространственной концентрации экономических ресурсов государства в сторону выравнивания уровней (объемов) экономической активности в стране и в ее регионах [15]. Формально работа в таком направлении *ведется и с большим размахом*, прежде всего через создание новых точек роста в регионах, еще отстающих в своем социально-экономическом развитии.

Так, по состоянию на 1 марта 2024 г. на территории Российской Федерации уже действуют или создаются 317 промышленных (промышленных) парков, 116 промышленных технопарков. Также функционируют 110 промышленных кластеров, из которых 85 – локализованы

по индустриальным (промышленным) паркам, 28 — по промышленным технопаркам и 57 — по промышленным кластерам. Министерством промышленности и торговли Российской Федерации подтверждено их соответствие требованиям, установленным постановлениями Правительства Российской Федерации. Указанные парки и кластеры включены в соответствующие федеральные реестры.

Однако позитивный эффект этих мер не может быть одномоментным. Кроме того, следует иметь в виду, что всякое подобное пространственное перераспределение ресурсов *является обоюдоострым экономическим инструментом*. Концентрация ресурсов (через прямое финансирование и/или налоговое льготирование бизнеса) в одних потенциальных точках роста может привести к застою инвестиционного процесса в других аналогичных точках (территориях). Это требует взвешенного отношения к практике достижения национальных целей через те или иные институты развития [16] как отраслевого, так и территориального характера.

Заключение

Подготовка нового плана реализации национальных целей развития станет важным этапом на пути закрепления социально-экономических приоритетов страны в рамках единой системы документов стратегического планирования. План реализации национальных целей должен в полной мере отражать специфику России как государства федеративного типа, охватывая всю вертикаль публичной власти, в т.ч. такие мезоструктуры, как федеральные округа, макрорегионы и пр. В этой связи важно добиться достаточной согласованности документов пространственного стратегического планирования, а также понятийной четкости всего используемого в них аналитического аппарата [17].

Так, сегодня не видится четкая грань между отечественными (национальными) целями и целями устойчивого развития ООН, которые также признаны у нас как ориентиры социально-экономической политики страны, а также активно поддерживаются за рубежом [18; 19]. Сказанное в полной мере касается согласования всей практики национального целеполагания с требованиями национальной и экономической безопасности Российской Федерации [20].

Интегральной частью решения этой задачи может считаться достаточное согласование ориентиров национального целеполагания и обеспечения национальной безопасности, исходящее из того, что показатели пространственного развития формируют собой не только важный сегмент целей национального уровня и систему инструментов их практической реализации, но и особое поле возможных рисков и угроз для национальной экономики [21]. В рамках данного согласования должно быть определено, по какому вектору целеполагания требования национальной безопасности имеют приоритетное значение и должны быть приняты как доминанта. В более общем виде идеалом можно было бы считать законодательное закрепление

(например, в ФЗ № 172) «специализации» основных источников целеполагания для российской экономики в целом и экономики отдельных регионов [22].

Актуальной задачей остается также федерализация национального целеполагания. В этом отчетливо выделяются цели единые, или универсальные, для всего экономического пространства страны и цели, дифференцируемые сообразно условиям и возможностям отдельных регионов. Сейчас такая федерализация в основном сводится к детализации дифференцируемого круга целевых индикаторов по отдельным субъектам Федерации. Мы полагаем такой подход недостаточным. Очевидно, что дифференцированные целевые индикаторы, адресуемые отдельным регионам, все равно не могут быть достигнуты без той или иной поддержки со стороны федерального центра, причем поддержки, опять-таки дифференцированной по объемам и инструментам сообразно отдельным типам регионов страны.

Список литературы

1. Ильминская С.А., Илюхина И.Б. О взаимосвязи экономического и социального пространства как основы достижения национальных целей развития // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2020. № 12. С. 23–26.
2. Мудрова С.В. Пространственное развитие экономики в условиях достижения национальных целей // Актуальные вопросы экономики промышленности: поиск и выбор решений. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2021. С. 334–337.
3. Минаев Н.Н., Волчкова И.В., Уфимцева Е.В., Добрынина О.И., Жарова Е.А. Критический анализ и тенденции реализации «новой» социально-экономической политики России в контексте глобальных вызовов // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 1 (472). С. 33–47.
4. Хакимов Р.М., Нурутдинов А.А., Гилязова А.И. Социально-экономические основания реализации национальных целей развития России // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167). С. 485–486.
5. Бухвальд Е.М. Управление пространственным развитием российской экономики: цели и инструменты // Управленец. 2020. Т. 11. № 6. С. 2–24.
6. Ильминская С.А., Илюхина И.Б., Филонова Е.С. О взаимосвязи национальных целей и пространственного развития // Социально-экономическое развитие современной России: актуальные вопросы достижения и инновации. Орел: Филиал Финансового Университета, 2020. С. 8–15.
7. Коротина Н.Ю. Теоретическая конструкция пространственной модели российского федерализма // Вестник Южно-Уральского университета. Экономика и менеджмент. 2022. Т. 16. № 1. С. 40–51.
8. Данилова И.В., Савельева И.П., Резепин А.Н. Влияние межрегиональной связанности на развитие экономического пространства регионов // Экономика региона. 2022. Т. 18. № 1. С. 41–48.
9. Строев П.В. Концептуальные аспекты повышения межрегиональной связанности экономического пространства России // Проблемы современной экономики. 2022. № 3 (83). С. 152–157.

10. Грибанова О.М. Государственное управление в контексте национальных целей развития страны // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 4. С. 109–119.

11. Бобков В.Н. Теоретико-методологические подходы к разрешению противоречий национальных целей и национальных проектов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 217. № 3. С. 77–99.

12. Ильченко С.В. Национальные проекты как инструмент реализации целей национального развития России // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях. М.: МЭИ. 2021. С. 374–381.

13. Ишина И.В., Башиева Г.А. Роль национальных проектов в реализации национальных целей развития Российской экономики // Финансовая жизнь. 2021. № 3. С. 46–50.

14. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Национальная безопасность в системе национальных целей России // ЭТАП: экономическая теория. Анализ. Практика. 2020. № 6. С. 23–42.

15. Строев П.В., Фаттахов Р.В. Пространственное развитие России в современных реалиях // Уфимский гуманитарный научный форум. 2022. № 2 (10). С. 99–109.

16. Marinchenko T.E. Reform of development institutions in Russia to achieve national goals // Proceedings II International Scientific and Practical Conference on Sustainable Development of Regional Infrastructure (ISSDRI 2022). Yekaterinburg, 2022. P. 123–127.

17. Яременко И.А. Национальные проекты, госпрограммы, национальные цели. Как они скоординированы // Бюджет. 2019. № 10 (202). С. 34–37.

18. Митрофанов А.Д., Хайруллин И.И., Фархутдинов Р.Р. Зарубежный опыт применения инструментов регионального регулирования // Горизонты экономики. 2018. № 3 (43). С. 106–110.

19. Meilland, A., Lecocq, F. Mapping National Development Priorities under the Sustainable Development Goals framework: a Systematic Analysis // Sustainability Science Practice and Policy. 2024. N 19. P. 75–88.

20. Митяков С.Н. Ценные цели устойчивого развития России // Развитие и безопасность. 2023. № 1 (17). С. 21–35.

21. Крупнов Ю.А., Золотарев Е.В., Трошин Д.В., Еремин В.В. Консервативный подход к оценке угроз и рисков реализации национальных целей развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18. № 6 (141). С. 1012–1038.

22. Исакова Г.К., Исмаилова А.Г., Гамидов Б.И. Стратегическое планирование в Российской Федерации на современном этапе развития // Региональные проблемы преобразования в экономике. 2019. № 9 (107). С. 19–26.

References

1. Il'minskaia S.A., Iliukhina I.B. O vzaimosviasi ekonomicheskogo i sotsial'nogo prostranstva kak osnovy dostizheniia natsional'nykh tselei razvitiia [On the Relationship Between Economic and Social Space as the Basis for Achieving National Development Goals], *Obrazovanie i nauka bez granits: fundamental'nye i prikladnye issledovaniia* [Education and Science Without Borders: Fundamental and Applied Research], 2020, No. 12, pp. 23–26. (In Russ.).

2. Mudrova S.V. Prostranstvennoe razvitie ekonomiki v usloviiakh dostizhenie national'nykh tselei [Spatial Development of the Economy in Terms of Achieving

National Goal]. *Aktual'nye voprosy ekonomiki promyshlennosti: poisk i vybor reshenii* [Current Issues in Industrial Economics: Search and Selection of Solutions]. Moscow, REU im. G.V. Plekhanova, 2021, pp. 334–337. (In Russ.).

3. Minaev N.N., Volchkova I.V., Ufimtseva E.V., Dobrynina O.I., Zharova E.A. Kriticheskii analiz i tendentsii realizatsii “novoi” sotsial'no-ekonomicheskoi politiki Rossii v kontekste global'nykh vyzovov [Critical Analysis and Trends in the Implementation of the “New” Socio-Economic Policy of Russia in the Context of Global Challenges], *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2020, Vol. 18, No. 1 (472), pp. 33–47. (In Russ.).

4. Khakimov R.M., Nurutdinov A.A., Giliazova A.I. Sotsial'no-ekonomicheskie osnovaniia realizatsii national'nykh tselei razvitiia Rossii [Socio-Economic Foundations for the Implementation of Russia's National Development Goals], *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2022, No. 4 (167), pp. 485–486. (In Russ.).

5. Bukhval'd E.M. Upravlenie prostranstvennym razvitiem rossiiskoi ekonomiki: tseli i instrumenty [Managing the Spatial Development of the Russian Economy: Goals and Tools], *Upravlenets* [Manager], 2020, Vol. 11, No. 6, pp. 2–24. (In Russ.).

6. Il'minskaia S.A., Iliukhina I.B., Filonova E.S. O vzaimosviasi natsional'nykh tselei i prostranstvennogo razvitiia [On the Relationship Between National Goals and Spatial Development]. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sovremennoi Rossii: aktual'nye voprosy dostizheniia i innovatsii* [Socio-Economic Development of Modern Russia: Current Issues of Achievement and Innovation], Orel, Filial Finansovogo Universiteta, 2020, pp. 8–15. (In Russ.).

7. Korotina N.Iu. Teoreticheskaiia konstruktsiia prostranstvennoi modeli rossiiskogo federalizma [Theoretical Construction of the Spatial Model of Russian Federalism], *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo universiteta. Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of the South Ural University. Economics and management], 2022, Vol. 16, No. 1, pp. 40–51. (In Russ.).

8. Danilova I.V., Savel'eva I.P., Rezepin A.N. Vliianie mezhregional'noi svyazannosti na razvitie ekonomicheskogo prostranstva regionov [The Influence of Interregional Connectivity on the Development of the Economic Space of Regions], *Ekonomika regiona* [Regional Economics], 2022, Vol. 18, No. 1, pp. 41–48. (In Russ.).

9. Stroeve P.V. Kontseptual'nye aspekty povysheniia mezhregional'noi svyazannosti ekonomicheskogo prostranstva Rossii [Conceptual Aspects of Increasing Interregional Connectivity of the Economic Space of Russia], *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 2022, No. 3 (83), pp. 152–157. (In Russ.).

10. Gribova O.M. Gosudarstvennoe upravlenie v kontekste national'nykh tselei razvitiia strany [Public Administration in the Context of National Development Goals of the Country], *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2021, No. 4, pp. 109–119. (In Russ.).

11. Bobkov V.N. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k razresheniiu protivorechii national'nykh tselei i national'nykh proektov [Theoretical and Methodological Approaches to Resolving Contradictions of National Goals and National Projects], *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2019, Vol. 217, No. 3, pp. 77–99. (In Russ.).

12. Il'chenko S.V. Natsional'nye proekty kak instrument realizatsii tselei natsional'nogo razvitiia Rossii [National Projects as a Tool for Realizing the Goals of National Development of Russia]. *Aktual'nye problemy razvitiia eko-nomiki i upravleniia v sovremennykh usloviiah* [Current Problems of Economic Development and Management in Modern Conditions]. Moscow, MEI, 2021, pp. 374–381. (In Russ.).

13. Ishina I.V., Bashieva G.A. Rol' national'nykh proektov v realizatsii national'nykh tselei razvitiia Rossiiskoi ekonomiki [The Role of National Projects in the Implementation

of National Development Goals of the Russian Economy], *Finansovaia zhizn'* [Financial Life], 2021, No. 3, pp. 46–50. (In Russ.).

14. Ivanov O.B., Bukhval'd E.M. Natsional'naia bezopasnost' v sisteme national'nykh tselei Rossii [National Security in the System of National Goals of Russia], *ETAP: ekonomicheskaya teoriya. Analiz. Praktika* [STAGE: Economic Theory. Analysis. Practice], 2020, No. 6, pp. 23–42. (In Russ.).

15. Stroeve P.V., Fattakhov R.V. Prostranstvennoe razvitiye Rossii v sovremennykh realiyakh [Spatial Development of Russia in Modern Realities], *Ufimskii gumanitarnyi nauchnyi forum* [Ufa Humanitarian Scientific Forum], 2022, No. 2 (10), pp. 99–109. (In Russ.).

16. Marinchenko T.E. Reform of development institutions in Russia to achieve national goals. *Proceedings II International Scientific and Practical Conference on Sustainable Development of Regional Infrastructure (ISSDRI 2022)*. Yekaterinburg, 2022, pp. 123–127.

17. Iaremenko I.A. Natsional'nye proekty, gosprogrammy, national'nye tseli. Kak oni skoordinirovany [National Projects, State Programs, National Goals. How They are Coordinated], *Byudzhet* [Budget], 2019, No. 10 (202), pp. 34–37. (In Russ.).

18. Mitrofanov A.D., Khairullin I.I., Farkhutdinov R.R. Zarubezhnyi opyt primeniya instrumentov regional'nogo regulirovaniya [Foreign Experience in the Application of Regional Regulation Instruments], *Gorizonty ekonomiki* [Horizons of Economics], 2018, No. 3 (43), pp. 106–110. (In Russ.).

19. Meilland, A., Lecocq, F. Mapping National Development Priorities under the Sustainable Development Goals Framework: a Systematic Analysis, *Sustainability Science Practice and Policy*, 2024, No. 19, pp. 75–88.

20. Mitiakov S.N. Tsennye tseli ustoychivogo razvitiya Rossii [Valuable Goals of Sustainable Development of Russia], *Razvitiye i bezopasnost'* [Development and Security], 2023, No. 1 (17), pp. 21–35. (In Russ.).

21. Krupnov Iu.A., Zolotarev E.V., Troshin D.V., Eremin V.V. Konservativnyi podkhod k otsenke ugroz i riskov realizatsii national'nykh tselei razvitiya [Conservative Approach to Assessing Threats and Risks of Implementing National Development Goals], *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2022, Vol. 18, No. 6 (141), pp. 1012–1038. (In Russ.).

22. Isakova G.K., Ismailova A.G., Gamidov B.I. Strategicheskoe planirovaniye v Rossiiskoi Federatsii na sovremennom etape razvitiya [Strategic Planning in the Russian Federation at the Present Stage of Development], *Regional'nye problemy preobrazovaniya v ekonomike* [Regional Problems of Transformation in the Economy], 2019, No. 9 (107), pp. 19–26. (In Russ.).

ECONOMIC SPACE AS A FIELD FOR THE REALIZATION OF NATIONAL GOALS OF RUSSIA

Adoption of Decree No. 309 of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036” demonstrates not only a new important stage in the development of the practice of strategic goal-setting for the country's economy. Equally, we can stress noticeable expansion of the field of those socio-economic processes, which are reflected in the national goals of the development and the ways of their practical achievement. This fully complies with the actual requirements towards strategic planning system, which are based on the principles of consistency, completeness and consistency in achieving certain targets; balanced distribution of powers and responsibilities for achieving these objectives

between all levels of public authority in the country. The article attempts to emphasize the attention on the special - spatial - aspect of strategic goal-setting for Russian economy, in particular, to determine the meaning and significance of the spatial approach for the practical implementation of national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036. This task is solved in a comparable manner with the provisions of earlier similar documents. These are the Decree of the President of the Russian Federation "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024" (2018) and the Decree of the President of the Russian Federation "On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030" (2020). Everything said about the role of the spatial approach in the strategic goal-setting system also concerns the further improvement of program and project management methods and practical ways to achieve the planned target indicators.

Keywords: strategic planning; national development goal, federal relations, spatial development and its regulation, state socio-economic programs and project, subject of the Russian Federation.

JEL: H56, R58

Дата поступления – 21.06.2024 г.

БУХВАЛЬД Евгений Моисеевич

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник – руководитель Центра федеративных отношений и регионального развития;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: buchvald@mail.ru

BUKHVALD Evgeny M.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Center for Federal Relations and Regional Development;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: buchvald@mail.ru

Для цитирования:

Бухвальд Е.М. Экономическое пространство как поле реализации национальных целей России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 32–47. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-32-47>

А.В. ПЕТРИКОВ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ КООПЕРАТИВЫ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

Сельскохозяйственные потребительские (вертикальные) кооперативы, создаваемые мелкими сельскохозяйственными производителями, играют существенную роль в рыночной интеграции мелких хозяйств, обеспечении занятости и доходов сельского населения, стабильности агропродовольственного рынка. Исследование проблем сельской кооперации относится к актуальным направлениям экономических исследований в АПК. В статье проанализирован уровень и тенденции развития сельскохозяйственной потребительской кооперации в России, включая динамику численности отдельных видов кооперативов за 2019–2024 гг., социальный состав и оснащенность основными фондами кооперативов, их роль в производстве ряда продовольственных ресурсов. Делается вывод о медленном развитии кооперации и существенной дифференциации кооперативного движения по субъектам Российской Федерации. Рассмотрены основные причины сложившегося положения и направления совершенствования кооперативной политики в сельской местности.

Ключевые слова: сельская кооперация, сельскохозяйственный снабженческо-сбытовой потребительский кооператив, сельскохозяйственный перерабатывающий потребительский кооператив, кредитный кооператив, государственная поддержка кооперативов.

JEL: Q12, Q18, L23

Сельскохозяйственные потребительские кооперативы (перерабатывающие, снабженческо-сбытовые, обслуживающие, кредитные и др.) создаются сельскохозяйственными товаропроизводителями, как правило, малыми и средними (малыми сельскохозяйственными организациями, крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, индивидуальными предпринимателями, личными подсобными хозяйствами и др.) путем объединения имущественных паевых взносов в целях удовлетворения своих материальных и иных потребностей. В терминологии классика кооперативной теории А.В. Чаянова такие кооперативы – продукт вертикальной концентрации сельского хозяйства, при которой объединяются

не земельные участки перечисленных хозяйств в целях совместного ведения аграрного производства (горизонтальная или производственная концентрация), а их отдельные хозяйственные операции (обеспечение материально-техническими, кредитными и другими ресурсами, переработка и сбыт продукции и т.д.) в целях их более эффективного выполнения [1, с. 3–27].

Уровень развития сельскохозяйственной потребительской (вертикальной) кооперации в России

Отечественный и зарубежный опыт организации сельского хозяйства показывает, что потребительские (вертикальные) кооперативы являются основными формами развития и рыночной интеграции малых и средних сельскохозяйственных товаропроизводителей, хотя потребности последних, ради которых формируются кооперативы, могут удовлетворяться и другими, некооперативными предприятиями (организациями) — частными или государственными. Главное конкурентное преимущество кооперативов в данном случае — управление ими самими сельскохозяйственными товаропроизводителями и демократический характер принятия управленческих решений по принципу «один человек (член кооператива) — один голос». Согласно Чаянову, кооперативное предприятие «никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов; это предприятие, обслуживающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними и только перед ними» [1, с. 17].

В Российской Федерации сельскохозяйственные потребительские кооперативы различных типов создаются в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации». Импульсом к их развитию послужил Приоритетный национальный проект «Развитие АПК» 2006–2007 гг., одним из направлений которого стало стимулирование малых форм хозяйствования и сельской кооперации. В течение двух лет было создано 3 700 сельскохозяйственных потребительских кооперативов (далее — СПоК), в то время как на 1 января 2006 г. в стране действовало всего порядка 800 СПоК. Основным инструментом поддержки кооперативов стали субсидируемые кредиты, предоставляемые главным образом Россельхозбанком¹. К рубежу 2011–2012 гг. численность кооперативов достигла порядка 8 тыс., а затем стала снижаться.

Современный уровень развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов (кроме кредитных) по стране в целом и в региональном разрезе характеризуют *таблицы 1–3*.

¹ Чкаников М. Аграрный национальный проект дал вдвое больше мяса, чем ожидалось. URL: <https://rg.ru/2007/12/25/gordeev.html?ysclid=lx5azv6pjs246437577> (дата обращения: 07.06.2024).

Данные *таблицы 1* свидетельствуют, что *положительной динамикой* в последние 5 лет отличалась численность перерабатывающих и растениеводческих кооперативов, численность остальных видов кооперативов снижалась, и особенно сильно — обслуживающих. Общая численность кооперативных организаций остается в целом стабильной.

Т а б л и ц а 1

Численность и структура сельскохозяйственных потребительских кооперативов (кроме кредитных) за 2019–2024 гг.

Виды кооперативов	Численность кооперативов, ед. на 1 января соотв. года							Доля кооперативов, %		
	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2024 / 2019, %	2019	2024	2024 – 2019, п.п.
Всего	6 224	6 255	6 191	6 015	5 962	6 154	98,9	100,0	100,0	х
Перерабатывающие	1 374	1 626	1 681	1 709	1 790	1 907	138,8	22,1	31,0	8,9
Сбытовые (торговые)	869	869	833	797	766	781	89,9	14,0	12,7	-1,3
Обслуживающие	1 772	1 772	1 607	1 458	1 366	1 291	72,9	28,5	21,0	-7,5
Снабженческие	1 473	1 473	1 442	1 442	1 407	1 429	97,0	23,7	23,2	-0,5
Животноводческие	534	534	545	541	500	479	89,7	8,6	7,8	-0,8
Растениеводческие	н.д.	202	272	267	270	267	132,2 ^{*)}	х	4,3	х

Источник: составлено автором по [2].

^{*)} За период 2020–2024 гг.

Территориальное распределение кооперативов характеризуется сильной неравномерностью (см. *табл. 2*). В 12 регионах страны сосредоточено более 50% кооперативов. Лидерами кооперативного строительства являются Липецкая область, Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Пензенская и Иркутская области. В этих регионах действует по 200 и более кооперативов. В каждом из 28 субъектов Российской Федерации с относительно низким уровнем развития сельскохозяйственной потребительской кооперации число созданных кооперативов не превышает 30. В Ненецком АО, Камчатском крае, Мурманской области по состоянию на 1 января 2024 г. не зарегистрировано ни одного кооператива.

Из данных *таблицы 3* следует, что в период с 1 января 2019 г. по 1 января 2024 г. в 45 регионах наблюдался рост численности СПоК, в 4 регионах численность осталась неизменной, в 37 — уменьшилась. При этом характерно, что наибольшее сокращение произошло в Липецкой и Пензенской областях, а также в Республике Саха (Якутия) — регионах с высоким уровнем развития сельской кооперации, что *свидетельствует о неустойчивости кооперативного движения*.

Т а б л и ц а 2

**Распределение сельскохозяйственных потребительских кооперативов
(кроме кредитных) по субъектам Российской Федерации по состоянию
на 1 января 2024 г.**

Интервалы показателя		Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (число кооперативов и доля кооперативов в субъекте в общей численности кооперативов в процентах)
единиц	%		
1	2	3	4
500 и более	9,0 и более	1	Липецкая область (586; 9,5%)
499–400	8,9–7,0	2	Республика Башкортостан (440; 7,1%), Республика Саха (Якутия) (435; 7,1%)
399–300	6,9–5,0	1	Республика Татарстан (313; 5,1%)
299–200	4,9–3,0	2	Пензенская область (292; 4,7%), Иркутская область (201; 3,3%)
199–120	2,9–2,0	7	Республика Дагестан (175; 2,8%), Тюменская область (161; 2,6%), Краснодарский край (158; 2,6%), Республика Бурятия (144; 2,3%), Красноярский край (135; 2,2%), Тюменская область (кроме Ханты-Мансийского АО-Югры и Ямало-Ненецкого АО) (129; 2,1%), Волгоградская область (124; 2,0%)
119–60	1,9–1,0	18	Саратовская область (111; 1,8%), Республика Тыва (102; 1,7%), Чувашская Республика (102; 1,7%), Забайкальский край (96; 1,6%), Воронежская область (92; 1,5%), Ульяновская область (90; 1,5%), Ростовская область (87; 1,4%), Белгородская область (86; 1,4), Ставропольский край (78; 1,3%), Республика Мордовия (76; 1,2%), Республика Алтай (73; 1,2%), Республика Ингушетия (72; 1,2%), Карачаево-Черкесская Республика (70; 1,1%), Оренбургская область (70; 1,1%), Свердловская область (64; 1,0%), Кировская область (63; 1,0%), Самарская область (62; 1,0%), Республика Крым (60; 1,0%)
59–30	0,9–0,5	25	Алтайский край (58; 0,9%), Пермский край (58; 0,9%), Омская область (55; 0,9%), Кабардино-Балкарская Республика (53; 0,9%), Республика Марий Эл (51; 0,8%), Нижегородская область (49; 0,8%), Республика Северная Осетия-Алания (49; 0,8%), Удмуртская Республика (48; 0,8%), Вологодская область (47; 0,8%), Костромская область (46; 0,7%), Новосибирская область (46; 0,7%), Московская область (44; 0,7%), Тверская область (44; 0,7%), Калужская область (41; 0,7%), Приморский край (41; 0,7%), Челябинская область (40; 0,6%), Ярославская область (39; 0,6%), Кемеровская область (38; 0,6%), Смоленская область (38; 0,6%), Астраханская область (37; 0,6%), Тульская область (37; 0,6), Тамбовская область (36; 0,6%), Хабаровский край (35; 0,6%), Владимирская область (33; 0,5%), Республика Калмыкия (33; 0,5%)

Источник: составлено автором по [2].

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3	4
29–5	0,4–0,1	25	Чеченская Республика (29; 0,5%), Амурская область (27; 0,4%), Калининградская область (26; 0,4%), Курганская область (26; 0,4%), Орловская область (26; 0,4%), Ленинградская область (25; 0,4%), Новгородская область (25; 0,4%), Республика Коми (24; 0,4%), Сахалинская область (24; 0,4%), Томская область (24; 0,4%), Архангельская область (кроме Ненецкого АО) (23; 0,4%), Архангельская область (23; 0,4%), Республика Хакасия (20; 0,3%), Ханты-Мансийский АО – Югра (19; 0,3%), Ивановская область (19; 0,3%), Брянская область (18; 0,3), Курская область (16; 0,3%), Республика Карелия (16; 0,3%), Псковская область (14; 0,2%), Республика Адыгея (14; 0,2%), Ямало-Ненецкий АО (13; 0,2%), Рязанская область (11; 0,2%), г. Москва (9; 0,1%), Еврейская АО (9; 0,1%), г. Севастополь (8; 0,1%)
4–2	0,0	6	г. Санкт-Петербург (3; 0,0%), Магаданская область (2; 0,0%), Чукотский АО (2; 0,0%), Ненецкий АО (0; 0,0%), Камчатский край (0; 0,0%), Мурманская область (0; 0,0%)

Т а б л и ц а 3

Изменение численности сельскохозяйственных потребительских кооперативов (кроме кредитных) по субъектам Российской Федерации за период с 01.01.2019 по 01.01.2024 гг.

Интервалы показателя, ед.	Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (увеличение (+)/уменьшение (-) численности кооперативов, ед.)
1	2	3
200 и более	1	Республика Башкортостан (216)
199–50	3	Республика Татарстан (82), Республика Бурятия (60), Иркутская область (53)
49–20	9	Республика Тыва (48), Республика Дагестан (42), Республика Ингушетия (41), Республика Северная Осетия-Алания (31), Воронежская область (29), Краснодарский край (29), Ульяновская область (28), Республика Крым (22), Самарская область (20)
19–10	12	Ставропольский край (19), Республика Марий Эл (18), Кабардино-Балкарская Республика (15), Карачаево-Черкесская Республика (15), Удмуртская Республика (15), Сахалинская область (14), Тульская область (11), Республика Калмыкия (11), Ямало-Ненецкий АО (11), Республика Алтай (11), Омская область (11), Амурская область (11)
9–1	20	Новгородская область (8), Чеченская Республика (8), Алтайский край (8), Республика Коми (7), Забайкальский край (7), Псковская область (6), Тверская область (5), Ханты-Мансийский АО – Югра (5), Кемеровская область – Кузбасс (5), Еврейская АО (5), Брянская область (4), Курская область (4), Владимирская область (3), Тамбовская область (3), Чувашская Республика (3), Костромская область (2), Ярославская область (1), Тюменская область (1), Республика Хакасия (1), Чукотский АО (1)

Источник: составлено автором по [2].

О к о н ч а н и е т а б л . 3

1	2	3
0	4	Московская область (0), Рязанская область (0), Волгоградская область (0), Севастополь (0)
от -1 до -9	19	Ненецкий АО (-1), Республика Адыгея (-1), Камчатский край (-1), Магаданская область (-1), Ленинградская область (-2), Мурманская область (-2), Саратовская область (-2), Хабаровский край (-2), Белгородская область (-3), Санкт-Петербург (-3), Ивановская область (-4), Смоленская область (-4), Курганская область (-4), Москва (-5), Калининградская область (-6), Калужская область (-8), Архангельская область (кроме Ненецкого АО) (-8), Архангельская область (-9), Астраханская область (-9)
от -10 до -19	11	Нижегородская область (-10), Республика Карелия (-11), Орловская область (-12), Пермский край (-12), Вологодская область (-14), Челябинская область (-14), Тюменская область (кроме Ханты-Мансийского АО) -Югры и Ямало-Ненецкого АО) (-15), Кировская область (-17), Новосибирская область (-17), Томская область (-18), Ростовская область (-19)
от -20 до -99	4	Красноярский край (-38), Республика Мордовия (-39), Свердловская область (-40), Оренбургская область (-43)
от -100 до -199	1	Республика Саха (Якутия) (-134)
от -200 и более	2	Пензенская область (-202), Липецкая область (-303)

Сельскохозяйственные потребительские кооперативы являются, как правило, субъектами малого и среднего предпринимательства, объемы их хозяйственной деятельности сравнительно невелики, что отчетливо видно на примере перерабатывающих кооперативов (см. табл. 4). В течение 2019–2022 гг. уменьшилась средняя численность членов кооперативов, что говорит об определенной узости социальной базы кооперации. Заметно увеличилась фондооснащенность кооперативной деятельности в результате предоставления с 2015 г. государственных грантов на развития материально-технической базы перерабатывающих и сбытовых кооперативов. Отмечается рост производства мяса (кроме мяса птицы), растительных масел и масла животного.

Следствием малой численности и небольших объемов деятельности кооперативов является их *несущественная роль* на агропродовольственном рынке.

В таблице 5 представлены данные об удельном весе сельскохозяйственных потребительских перерабатывающих кооперативов в производстве отдельных видов животноводческих продуктов. Этот показатель составляет около 1%. В то же время доля хозяйств населения, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, составляющих до 90% членов кооперативов, в реализации мяса скота и птицы составила в 2021 г. 13,2%, в 2022 г. – 12,2%, в реализации мо-

лока — 26,9% и 26% соответственно [3, с. 77, 78]. Таким образом, доля СПОК в переработке и реализации животноводческой продукции, получаемой малыми формами хозяйствования, должна быть увеличена на порядок.

Т а б л и ц а 4

Динамика средних (в расчете на кооператив) показателей деятельности перерабатывающих сельскохозяйственных потребительских кооперативов за 2019–2022 гг.

Показатели (в расчете на кооператив)	2019	2020	2021	2022	2022 / 2019, %
Численность членов кооператива по состоянию на конец отчетного периода, ед.	42,2	32,4	29,6	32,1	76,1
Наличие основных фондов по полной учетной стоимости на конец отчетного года, млн руб.	9,27	8,31	10,85	12,33	133,0
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами в фактических ценах (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) за отчетный год, млн руб.	24,61	19,51	24,51	29,17	118,5
Выручка от реализации товаров (работ, услуг) от несельскохозяйственной деятельности, млн руб.	16,54	12,47	15,22	17,60	106,4
Произведено продукции за отчетный год:					
мясо крупного рогатого скота, свинина, баранина, козлятина, конина и мясо прочих животных семейства лошадиных, оленина и мясо прочих животных семейства оленьих (оленьевых) парные, остывшие или охлажденные, т	8,87	10,20	14,05	15,68	176,8
мясо птицы охлажденное, в т.ч. для детского питания, т	44,34	38,86	33,08	35,02	79,0
полуфабрикаты мясные, мясосодержащие, охлажденные, замороженные, т	4,24	2,84	4,46	5,15	121,5
масла растительные и их фракции нерафинированные, т	3,34	6,30	4,97	7,18	215,0
молоко жидкое обработанное, включая молоко для детского питания, т	70,18	59,98	58,35	44,23	63,0
масло сливочное и пасты масляные, т	4,24	2,75	2,14	6,55	154,5
мука из зерновых культур, овощных и других растительных культур; смеси из них, т	1,80	0,09	0,08	1,56	86,7
Общий объем внешних заимствований на конец отчетного года, млн руб.	3,97	2,43	4,62	5,33	134,3

Источник: составлено автором по [3, с. 85; 4, с. 82].

Т а б л и ц а 5

Удельный вес сельскохозяйственных потребительских перерабатывающих кооперативов в производстве пищевых продуктов животного происхождения в 2021 и 2022 гг., %

Показатели	2021	2022
Доля перерабатывающих кооперативов в производстве:		
мяса скота охлажденного	0,51	0,58
мяса птицы охлажденного	1,14	1,31
полуфабрикатов мясных	0,12	0,15
молока обработанного	1,22	0,98
масла сливочного и паст масляных	0,88	0,58

Источник: составлено автором по [3, с. 80, 81, 85].

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что несмотря на большое потенциальное значение сельскохозяйственной потребительской кооперации для рыночной интеграции мелких хозяйств, уровень ее развития еще не отвечает общественным потребностям. Для преодоления этого противоречия актуальны, на наш взгляд, меры, на которых мы остановимся ниже.

**Проведение активной антимонопольной политики
на агропродовольственных рынках при одновременном повышении
конкурентоспособности кооперативов**

Нами уже подчеркивалось, что импульсом к развитию сельскохозяйственной потребительской кооперации стал Приоритетный национальный проект «Развитие АПК» 2006–2007 гг., несмотря на то, что правовая основа для организации кооперативов была создана за десять лет до этого с принятием Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «О развитии сельскохозяйственной кооперации». Таким образом, с начала рыночных реформ в России прошло 15 лет до момента, когда государство приступило к формированию целенаправленной кооперативной политики. За этот период на агропродовольственном рынке, а также на рынке средств производства и материалов для сельского хозяйства сложились крупные предпринимательские структуры, занимающиеся переработкой и реализацией сельскохозяйственной продукции, а также обеспечением сельскохозяйственных производителей материально-техническими ресурсами; растет удельный вес крупных торговых сетей².

² Например, доля оборота розничных торговых сетей в общем объеме оборота розничной торговли пищевыми продуктами, включая напитки, и табачными изделиями увеличилась с 18% в 2009 г. до 47,5% в 2023 г. Это выше, чем доля торговых сетей в общем объеме оборота розничной торговли, составившая в 2023 г. 36,9% [4].

Сельскохозяйственным потребительским кооперативам *трудно найти место на этих высококонкурентных рынках*. Они могут это сделать при активной антимонопольной политике и поддержке государства, а также при производстве продукции и оказании услуг, которыми не занимаются крупные интеграционные структуры. Вместе с тем в настоящее время кооперативы работают в основном на локальных и региональных рынках, а их членами являются личные подсобные хозяйства и мелкие фермеры, с которыми редко взаимодействуют крупные компании. Как следует из *таблицы 6*, владельцы личных подсобных хозяйств составляют 4/5 членской базы СПоК и *их доля остается стабильной*.

Т а б л и ц а 6

Состав членов сельскохозяйственных потребительских кооперативов, %

Показатель	Перерабатывающие			Снабженческо-сбытовые			Кооперативы других видов		
	2019	2022	2022 – 2019 п.п.	2019	2022	2022 – 2019 п.п.	2019	2022	2022 – 2019 п.п.
Численность членов кооператива (ед.) – всего по состоянию на конец отчетного периода	100,0	100,0	х	100,0	100,0	х	100,0	100,0	х
В т.ч.:									
граждане, ведущие личное подсобное хозяйство	88,1	83,3	-4,8	89,3	88,0	-1,3	83,1	80,6	-2,5
индивидуальные предприниматели	0,9	2,2	1,3	0,7	1,0	0,3	1,1	1,8	0,7
из них осуществляющие сельскохозяйственную деятельность	0,5	1,3	0,8	0,3	0,7	0,4	0,6	0,9	0,3
главы крестьянских (фермерских) хозяйств	4,7	6,3	1,6	2,7	4,0	1,3	3,1	4,7	1,6
крестьянские (фермерские) хозяйства	2,6	3,4	0,8	1,8	0,7	-1,1	0,6	0,7	0,1
юридические лица	2,9	3,3	0,4	1,4	1,5	0,1	2,6	2,0	-0,6
из них:									
осуществляющие сельскохозяйственную деятельность	1,6	2,0	0,4	1,0	0,9	-0,1	1,7	1,0	-0,7
сельскохозяйственные потребительские кооперативы	0,6	0,5	-0,1	0,2	0,3	0,1	0,3	0,3	0

Источник: составлено автором по [3, с. 84, 85, 87; 4, с. 81, 82, 84].

Важнейшее направление роста конкурентоспособности сельскохозяйственных потребительских кооперативов — их *объединение в кооперативы второго и третьего уровня*, способные работать на более широких рынках и составлять конкуренцию крупным рыночным интеграторам, например торговым сетям. Однако создание таких кооперативов встречает значительные препятствия и находится в начальной стадии, что видно из *таблицы 6*. В 2022 г. только 0,5% (219 ед.) членов перерабатывающих кооперативов составляли другие СПоК, т.е. к кооперативам 2 уровня формально можно отнести максимум 219 перерабатывающих кооперативов. В снабженческо-сбытовых кооперативах таких членов 0,3%, или 110 ед., в кооперативах других видов — также 0,3%, или 153 ед. Соответственно, кооперативами 2 уровня формально можно считать максимум 110 снабженческо-сбытовых кооперативов и 153 кооператива других видов. Но, повторим, *это формальные, максимально возможные оценки*, полученные из предположения, что если в один кооператив входит другой, то первый можно считать кооперативом второго уровня. К сожалению, прямых сведений о численности СПоК 2 уровня в отчетности Росстата и Минсельхоза России нет. Также нет информации о создании кооперативов 3 уровня, которые бы работали на региональных, межрегиональных и всероссийских отраслевых рынках.

Для организации многоуровневых кооперативных объединений необходима консолидация кооперативного сообщества при одновременной государственной поддержке создания соответствующей рыночной инфраструктуры — кооперативных оптово-распределительных центров, хранилищ, складов, логистических узлов и других инфраструктурных объектов.

Совершенствование государственной поддержки сельской потребительской кооперации

В настоящее время федеральная поддержка сельскохозяйственной потребительской кооперации включает:

- гранты СПоК на развитие материально-технической базы (предоставляются с 2015 г., с 2024 г. введен специальный грант начинающим кооперативам);
- субсидии СПоК на возмещение части затрат по приобретению техники и оборудования в целях передачи их в пользование своим членам, внесения в неделимый фонд, на закупку сельскохозяйственной продукции и дикорастущих растительных ресурсов;
- пополнение неделимого фонда СПоК за счет гранта «Агростартап», который получают крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели, если они являются членами кооперативов (внесение не менее 25%, но не более 50% средств гранта);
- субсидии региональным центрам компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации и поддержки фермеров (с 2019 г.).

Перечисленные виды поддержки выделяются в рамках Федерального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» — части Государственной программы развития сельского хозяйства. По нашим оценкам, на поддержку СПоК из федерального бюджета в течение 2019–2021 гг. ежегодно предоставлялось в среднем по 2 761,6 млн руб. [5, с. 23]. В 2022–2023 г. *эта величина осталась на прежнем уровне*, что, по нашему мнению, недостаточно, т.к. численность кооперативов не растет (*см. табл. 1*).

Однако проблема не только в дефиците средств. Дело в том, что государство поддерживает главным образом отдельные кооперативы, а не формирование в регионах институтов, способствующих их возникновению и развитию (исключение составляет поддержка региональных центров компетенции, оказываемая только с 2019 г.) и не создает административных механизмов по сопровождению выделяемых средств (центров развития кооперации) *на региональном, районном и локальном уровнях управления*. Из федерального бюджета, к сожалению, не финансируется создание товаропроводящей кооперативной инфраструктуры (кооперативных оптово-распределительных и транспортно-логистических центров, складского хозяйства); кооперативов второго и третьего уровня; кредитных кооперативов, способных не только предоставлять займы кооператорам, но и аккумулировать средства населения для финансирования кооперативного движения.

Вместе с тем в регионах, где реализуется системный подход к поддержке сельскохозяйственной потребительской кооперации, *она успешно развивается*.

Классическим примером здесь является Липецкая область. С 2014 г. реализуется государственная программа «Развитие кооперации и коллективных форм собственности в Липецкой области», в рамках которой помимо поддержки сельскохозяйственных перерабатывающих, снабженческо-сбытовых и обслуживающих кооперативов поддерживаются и кредитные кооперативы, а также кооперативы второго уровня и товаропроводящая инфраструктура. В регионе действуют институты поддержки кооперации: Фонд поддержки кооперативов, Центр развития кооперативов, Ревизионный союз сельскохозяйственных кооперативов ЦФО «Липецкий», Саморегулируемая организация кредитных кооперативов «Единство». С 2014 по 2023 г. в развитие сельскохозяйственной потребительской кооперации области вложено 3 225,5 млн руб., в т.ч. 869,9 млн руб. (27,0%) из федерального бюджета, 806,4 млн руб. (25,0%) из областного, 12,8 млн руб. (0,4%) — из местных бюджетов, 1 536,4 млн руб. (47,6%) — из внебюджетных источников³. Существенную долю внебюджетных средств составляют займы кредитных кооперативов.

По нашему мнению, липецкий опыт по системной поддержке СПоК следует всемерно использовать в других регионах.

³ Постановление Администрации Липецкой области от 30 октября 2013 г. № 490 «Об утверждении государственной программы Липецкой области «Развитие кооперации и коллективных форм собственности в Липецкой области». URL: <https://docs.cntd.ru/document/872621671?ysclid=lxdown8fhkz104130927> (дата обращения: 13.06.2024).

**Развитие кредитной кооперации
как источника финансирования СПоК**

Зарубежный и отечественный опыт свидетельствует, что важным условием развития сельскохозяйственной потребительской кооперации является *кредитование малых форм хозяйствования* – потенциальных кооператоров и самих кооперативов со стороны кредитных кооперативов. Это особенно важно для периферийных сельских районов, где отсутствует банковская сеть. Между тем, по данным на 2022 г., доля сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов (далее – СКПК) в общем объеме внешних заимствований снабженческо-сбытовых и перерабатывающих СПоК составляла менее 18% и в последние годы остается стабильной (см. табл. 7).

Т а б л и ц а 7

**Объем и структура внешних заимствований снабженческо-сбытовых
и перерабатывающих сельскохозяйственных потребительских кооперативов
в 2019–2022 гг.**

Показатель	2019	2020	2021	2022	2022/2019, %
Общий объем внешних заимствований на конец отчетного года, млн руб.	4 178,0	3 761,1	6 186,8	7 571,6	181,2
В т.ч.:					
по кредитам банков	1 130,3	1 483,7	2 210,2	2 723,5	241,0
займы, полученные в кредитных сельскохозяйственных потребительских кооперативах	753,9	491,7	568,8	1 335,6	177,2
Доля (%) в общем объеме внешних заимствований:					
кредитов банков	27,1	39,4	35,7	36,0	8,9
займы, полученные в кредитных сельскохозяйственных потребительских кооперативах	18,0	13,1	9,2	17,6	-0,4

Источник: составлено автором по [3, с. 84, 85; 4, с. 81, 82].

Наблюдается интенсивное свертывание сети кредитных кооперативов: если в конце 2021 г. численность действующих СКПК составляла 694 ед., то по состоянию на июнь 2024 г. – 468 ед., из них 244 ед. (52%) приходится на Липецкую область; 103 СКПК находится в стадии банкротства и реорганизации⁴.

⁴ Тенденции на рынке кредитных потребительских кооперативов в 2023 г. URL: <https://cbr.ru/analytics/microfinance/kpk/2023/>; Государственный реестр сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов по состоянию на 13.06.2024. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcbr.ru%2Fvfs%2Ffinmarkets%2Ffiles%2Fsupervision%2Flist_skpk.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 13.06.2024).

Действенными мерами по развитию сельской кредитной кооперации являются создание федерального фонда поддержки сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов и совершенствование регулирующего воздействия на кредитные кооперативы со стороны Банка России.

* * *

В заключение отметим, что, несмотря на существование правовых основ сельскохозяйственной кооперации с середины 1990-х гг. и ее государственную поддержку, достигнутый уровень кооперирования мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей *не отвечает потребностям их рыночной интеграции*.

Развивается в основном сеть небольших первичных кооперативов в сельских населенных пунктах и сельских районах без формирования кооперативных объединений второго и третьего уровня. Наблюдается крайне неравномерное развитие кооперативов по регионам страны. Как следствие, уровень товарности крестьянских (фермерских) и особенно личных подсобных хозяйств уступает уровню товарности сельскохозяйственных организаций.

Однако в развитии сельскохозяйственных потребительских (вертикальных) кооперативов заинтересованы не только малые формы хозяйствования, но и потребители. Рост кооперативов увеличивает рыночное предложение продовольствия и сельскохозяйственного сырья и способствует снижению продовольственной инфляции.

Реализация потенциала СПоК предполагает переход от развития отдельных кооперативов к формированию кооперативных систем регионального и межрегионального порядка, способных конкурировать с крупными торговыми сетями, крупными поставщиками материально-технических ресурсов и материалов для сельского хозяйства и другими рыночными операторами. В этих целях наряду с увеличением грантовой поддержки первичных кооперативов необходима поддержка кооперативных объединений, сочетаемая с поддержкой кооперативной инфраструктуры (товаропроводящей сети, оптово-распределительных центров, хранилищ, складов, транспортно-логистических объектов и др.), а также сельскохозяйственных кредитных кооперативов, центров компетенций и консультирования. Регионы, в которых реализуется такой системный подход к развитию кооперации (например, Липецкая область) демонстрируют рост кооперативного движения.

Список литературы

1. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издание Книгосоюза, 1927. 383 с.
2. Количество организаций по данным государственной регистрации с 2017 г. Количество потребительских кооперативов по данным государственной регистрации (единица) на 1 января // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58109> (дата обращения: 19.06.2024).
3. Сельское хозяйство в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 103 с.
4. Сельское хозяйство в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 100 с.
5. Петриков А.В. Роль сельскохозяйственных потребительских кооперативов в сельской локальной экономике и актуальные проблемы их развития // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2022. № 3. С. 14–26.

References

1. Chaianov A.V. Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhoziaistvennoi kooperatsii [Basic Ideas and Forms of Organizing Agricultural Cooperation], 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Izdanie Knigosoizuza, 1927, 383 p. (In Russ.).
2. Kolichestvo organizatsii po dannym gosudarstvennoi registratsii s 2017 g. Kolichestvo potrebitel'skikh kooperativov po dannym gosudarstvennoi registratsii (edinita) na 1 ianvaria [Number of Organizations According to State Registration Data Since 2017. Number of Consumer Cooperatives According to State Registration Data (Unit) as of January 1], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://fedstat.ru/indicator/58109> (accessed 19 June 2024).
3. Sel'skoe khoziaistvo v Rossii. 2023: Stat. sb. [Agriculture in Russia. 2023: Stat. sb.], *Rosstat*. Moscow, 2023, 103 p. (In Russ.).
4. Sel'skoe khoziaistvo v Rossii. 2021: Stat. sb. [Agriculture in Russia. 2021: Stat. sb.], *Rosstat*. Moscow, 2021, 100 p. (In Russ.).
5. Petrikov A.V. Rol' sel'skokhoziaistvennykh potrebitel'skikh kooperativov v sel'skoi local'noi ekonomike i actual'nye problemy ikh razvitiia [The Role of Agricultural Consumer Cooperatives in the Rural Local Economy and Current Problems of Their Development], *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia kooperativnogo sektora ekonomiki* [Fundamental and Applied Studies of the Cooperative Sector of the Economy], 2022, No. 3, pp. 14–26. (In Russ.)

AGRICULTURAL VERTICAL COOPERATIVES: THE STATE AND DIRECTIONS OF STATE SUPPORT

Agricultural vertical cooperatives created by small agricultural producers play an essential role in the market integration of small farms, ensuring employment and income of the rural population, and the stability of the agro-food market. The study of the problems of rural cooperation belongs to the relevant areas of economic research in the agro-industrial complex. The article analyzes the level and trends in the development of agricultural vertical cooperatives in Russia, including the dynamics of the number of certain types of cooperatives in 2019–2024, the social composition and equipment of fixed assets of cooperatives, their

role in the production of a number of food resources. The conclusion is made about the slow development of cooperation and the significant differentiation of the cooperative movement across the subjects of the Russian Federation. The main reasons for the current situation and directions for improving cooperative policy in rural areas are considered.

Keywords: rural cooperation, agricultural supply and marketing vertical cooperative, agricultural processing vertical cooperative, credit cooperative, state support for cooperatives.

JEL: Q12, Q18, L23

Дата поступления — 14.06.2024 г.

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

академик РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель; Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова — филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства» / Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1, г. Москва, 107078.

e-mail: av_petrikov@mail.ru

PETRIKOV Alexander V.

Academician RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head;

All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics. A. A. Nikonov — branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories — All-Russian Research Institute of Agricultural Economics” / 21, Bolshoy Kharitonevsky Lane, Building 1, Moscow, 107078.

e-mail: av_petrikov@mail.ru

Для цитирования:

Петриков А.В. Сельскохозяйственные потребительские кооперативы: состояние и направления государственной поддержки // Федерализм. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 48–62. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-48-62>

А.Ф. ТОМТОСОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ИПОТЕКИ ДЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ, ЗАСТРОЙЩИКОВ И ГОСУДАРСТВА

Объем выданных ипотечных займов в одиннадцати регионах Дальневосточного федерального округа по итогам 2023 г. вырос в 2,5 раза по отношению к началу запуска программы «Дальневосточная и арктическая ипотека» в конце 2019 г. Ключевой результат программы — одновременное увеличение спроса на новостройки на фоне резко выросших цен на недвижимость. С момента старта программы в 2019 г. цены выросли на 116%. С конца 2021 г. цена квартиры с учетом процентов по дальневосточной программе стала выше, чем цена квартиры при сохранении исторических темпов роста цен по ставке семейной ипотеки. Программа фактически сделала жилье менее доступным. Для ее участников (молодые семьи до 35 лет) наиболее эффективной льготой для стимулирования покупки жилья является снижение процентных платежей, а не уменьшение суммы первоначального взноса. Основными выгодоприобретателями от роста цен и масштабов кредитования являются застройщики. С учетом подорожавших стройматериалов маржа застройщиков по Дальневосточному федеральному округу в 2023 г. выросла до 58%. С одной стороны, государство добилось поставленной цели активизации рынка жилья на Дальнем Востоке и нашло эффективный инструмент для стимулирования приобретения недвижимости молодыми семьями. Об этом свидетельствует продление программы до 2030 г. С другой стороны, ряд шоков в экономике привел к значительному повышению ключевой ставки и сопутствующему росту затрат государства на реализацию программы.

Ключевые слова: льготная ипотека, ипотека, кредитование в регионах, адресное кредитование, рынок недвижимости, регион.

JEL: G21

Введение

Программа дальневосточной ипотеки была запущена в декабре 2019 г. во всех одиннадцати регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО). Основным отличием от других льготных ипотечных программ является фиксированная ставка 2% — *самая низкая из всех действующих программ*¹. Программа направлена на улучшение жилищных условий определенных категорий жителей одиннадцати регионов Дальнего Востока. Основная категория заемщиков — это молодые семьи до 35 лет. Их доля в общем числе выданных ипотечных займов составляет 68,7% в I квартале 2024 г. Педагоги и медицинские работники в сумме составляют 24,8% заемщиков. Условия льготной ипотеки включают в себя ограничения, например, требование прописаться в приобретаемом жилье и возможность воспользоваться программой один раз, что в совокупности с разницей цен между вторичным и первичным рынком уменьшает стимул для покупки жилья в инвестиционных целях.

Поставленную цель по активизации строительства жилья в регионах присутствия программы *можно считать выполненной*. Темпы ввода площадей в ДФО практически удвоились с момента запуска программы (см. рис. 1).

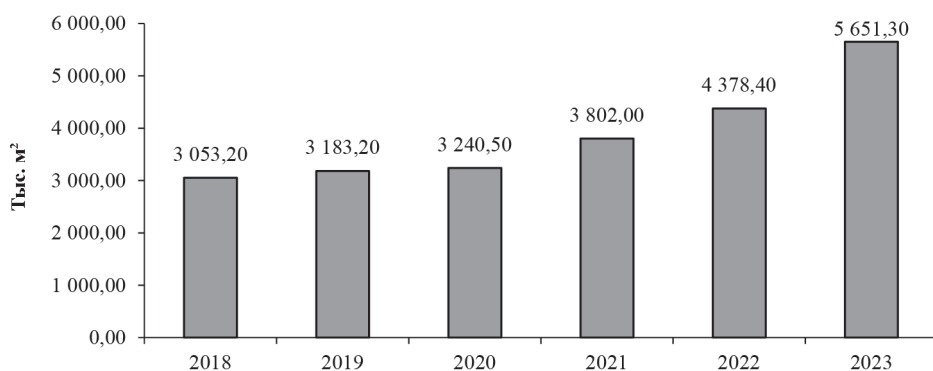

Рис. 1. Площадь введенных жилых и нежилых помещений в 11 регионах ДФО

Источник: расчеты автора на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы [1].

Прогнозируемым негативным последствием программы является *рост средней стоимости квадратного метра* в новостройках с 67 128 руб. за м² в 3 квартале 2019 г. до 120 121 руб. в I квартале 2024 г. в среднем по ДФО. Повышение цен, вызванное льготным кредитованием, значительно ускорило исторические темпы роста на первичное жилье в регионе с 1,35% в квартал до 4,52%. Менее прогнозируемый результат — *рост спроса на ипотеку одновременно с ростом цен*. Моделирование стоимости жилья с использованием исторических темпов роста пока-

¹ Минимальные ставки по ипотеке для IT-специалистов — 5%, по семейной ипотеке — 6% и по льготной — 8%.

зало, что фактическая стоимость новостроек с ипотекой под 2% превысила гипотетическую стоимость квартиры (без запуска программы дальневосточной ипотеки) под 6% в IV квартале 2022 г. Примечательно, что именно в этом периоде рост ипотечного кредитования ускорился.

Структура платежей и размер первоначального взноса имеют определенную стоимость для участников ипотечного рынка, которую можно наблюдать на примере программы льготной ипотеки в ДФО. При той же и даже меньшей суммарной стоимости квартиры заемщики значительно менее активно участвовали в ипотечном кредитовании до 2020 г. С практической точки зрения соотношение между рыночной и льготной ипотекой может служить индикатором ожиданий экономически активного населения в дополнение к общим темпам кредитования.

Рост цен на жилье закономерно отразился на сумме первоначального взноса: для дальневосточной ипотеки минимальный первоначальный взнос в среднем составляет тринадцать средних зарплат по ДФО для квартиры 50 м². Для семейной ипотеки (по смоделированным ценам на жилье) размер первоначального взноса сократился до одиннадцати зарплат, а для рыночной ипотеки – до пяти. Стоит учесть, что минимальный взнос по льготным программам составляет 20% от стоимости жилья, а для рыночной ипотеки – 10%. На *рисунке 2* в динамике представлены данные по стоимости первоначального взноса в средних зарплатах по ДФО с IV квартала 2019 г. по I квартал 2024 г.

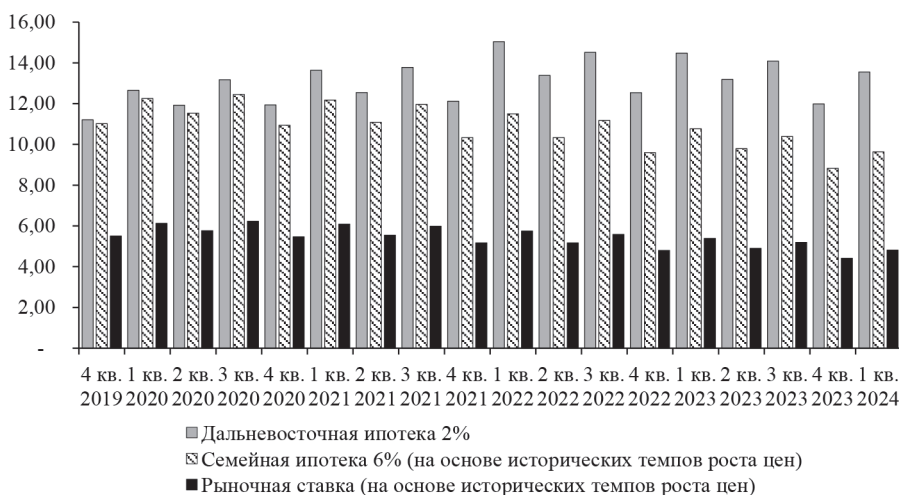

Рис. 2. Стоимость первоначального взноса для квартиры 50 м² на первичном рынке, выраженная в средних зарплатах по ДФО, ед.

Источник: расчеты автора на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы и Росстата [2].

Несмотря на значительное отличие в первоначальном взносе, *основным фактором спроса* на дальневосточную ипотеку является низкий процентный платеж (см. *рис. 3*). В среднем он составляет 19,8% от сред-

ней зарплаты по ДФО, против 29,9% — для семейной ипотеки и 55,3% — для рыночной. Данные представлены для ипотечной программы на максимальный срок — 20 лет. В динамике заметно, что для последних периодов различие между льготными программами сокращается — менее 6% разницы для I квартала 2024 г.

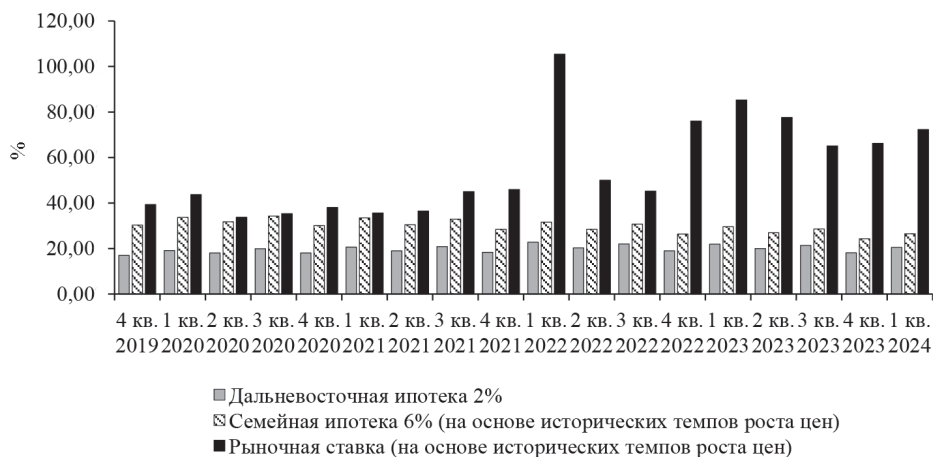

Рис 3. Затраты на ежемесячный ипотечный платеж для квартиры 50 м² на первичном рынке от средней зарплаты по ДФО

Источник: расчеты автора на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы и Росстата.

По причине разных характеристик заемщиков в данной работе не ставится цель определения факторов спроса на льготную ипотеку в сравнении с рыночными программами [3, с. 32]. Целью является оценка эффективности программы для трех групп участников: потребителей, застройщиков и государства. Эффективность определяется в контексте расширения рынка недвижимости, объемов ипотечного кредитования, доступности жилья и расходов на содержание программы.

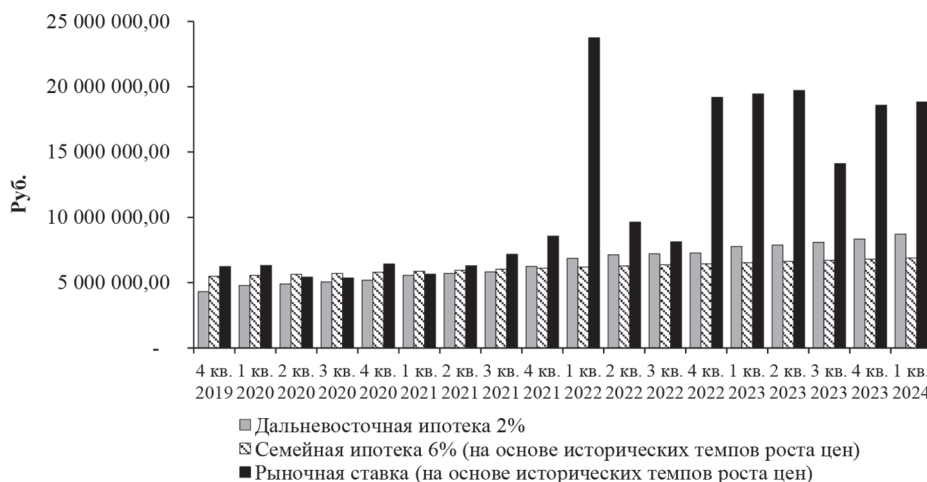
Рассмотрим эффективность программы для покупателей на рынке первичной недвижимости, государства как организатора программы и застройщиков.

Результаты программы для покупателей квартир

Несмотря на то, что программа действует на территории одиннадцати регионов России, ее можно назвать *адресной*. На январь 2024 г. население этих субъектов Федерации составляло 5,4% от численности населения страны [2]. При этом не все жители регионов округа проходят по условиям для участия в программе.

Для оценки финансовой выгоды для потребителей от ввода программы оценим итоговую стоимость квартиры 50 м^2 с учетом всех платежей при ипотеке на 10 лет. Для оценки стоимости квартиры по программе «Дальневосточная ипотека» использованы фактические цены на каждый период и ставка 2% годовых. Для оценки двух альтернативных сценариев используются смоделированные цены. На основе цен за III квартал 2019 г. рассчитываются цены последующих периодов с учетом исторических темпов роста — 1,35% в квартал на первичном рынке. Для оценки темпов роста использовался период со II квартала 2010 г. по III квартал 2019 г. Первый сценарий включает в себя стоимость квартиры под 6% годовых по программе семейной ипотеки. Семейная ипотека запущена в 2018 г. и, соответственно, не могла стать причиной взрывного роста цен после 2020 г. Второй сценарий включает в себя стоимость квартиры под рыночную ставку по ипотеке, которая приблизительно равняется ключевой ставке плюс 2%.

Результаты моделирования представлены на рисунке 4. Существенная выгода для потребителя от ввода дальневосточной ипотеки присутствовала только первые два квартала программы. С учетом того, что фактически кредитование по программе началось только в 2020 г., финансово выгодным был только один квартал. Примечательно, что даже рыночная ставка отличается от стоимости по льготным программам не так значительно в периоды, когда ставка не повышалась до заградительного уровня.

Примечание: данные представлены для фактических цен по ставке программы дальневосточной ипотеки и для гипотетических цен с учетом исторических темпов роста для семейной ипотеки и рыночной ставки.

Рис. 4. Стоимость квартиры 50 м^2 с учетом платежей по ипотеке в среднем по ДФО

Источник: расчеты автора на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы.

Наиболее неожиданный вывод данного исследования состоит в том, что кредитование ускорилось именно в IV квартале 2021 г., когда стоимость квартиры по дальневосточной ипотеке *стала устойчиво выше*, чем при сохранении исторических темпов роста цен по программе семейной ипотеки (см. рис. 5).

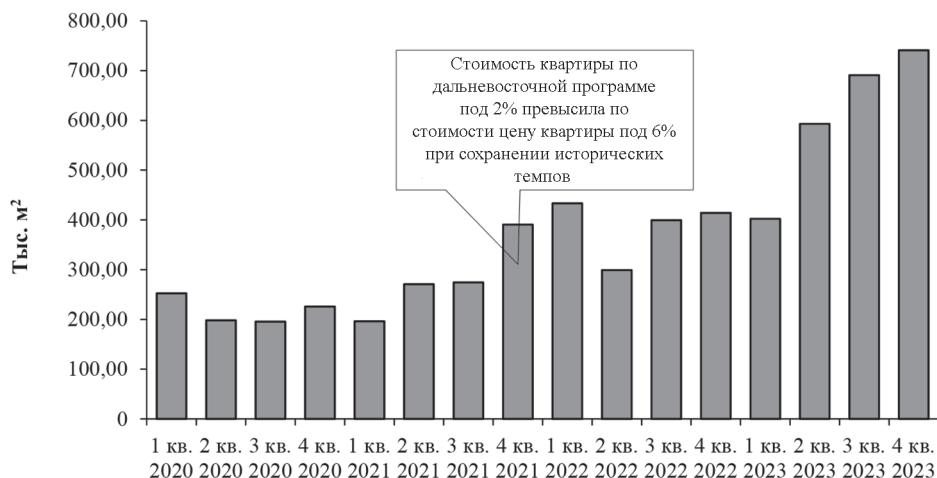

Рис. 5. Объем приобретенного жилья в регионах ДФО по программе дальневосточной ипотеки

Источник: расчеты автора на основе данных ДОМ.РФ [4].

Как будет показано далее, *рост ввода общей площади обусловлен именно жилыми помещениями*, доля которых в портфеле застройщиков выросла с момента запуска программы. Свидетельством того, что катализатор активизации строительного рынка — именно льготная ипотека, является динамика выданных ипотечных займов (см. рис. 6). За исключением отдельных шоковых периодов для экономики, темпы роста ипотечных займов росли в каждом периоде и опережали средние по стране. Темпы роста представлены к одноименному месяцу предыдущего года и составляют в среднем 39% в месяц для регионов ДФО.

Поведение потребителей на рынке недвижимости в настоящий момент нельзя назвать нерациональными. Несмотря на рекордные темпы роста цен на новостройки, покупать вторичное жилье (см. рис. 7) не было рациональным действием ни в одном периоде (на вторичное жилье льготные программы в крупных городах не распространяются). Во многом это объясняет различие в ценах на 25,8% между первичным и вторичным рынком в I квартале 2024 г. В *таблице 1* представлены цены за квартиру 50 м² в новостройках в разрезе регионов.

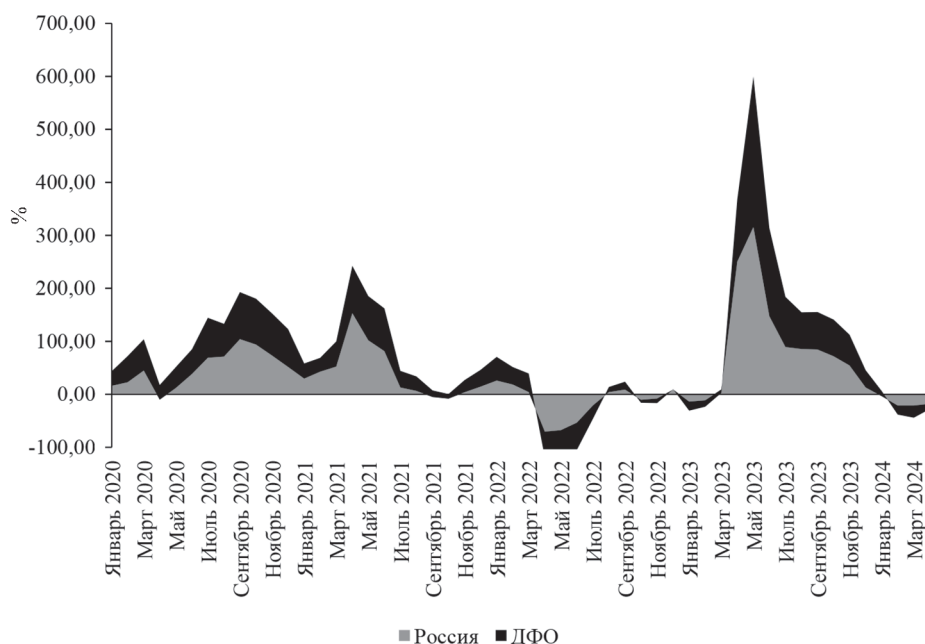

Рис. 6. Динамика выданных ипотечных займов к предыдущему году

Источник: расчеты автора на основе данных Банка России [5].

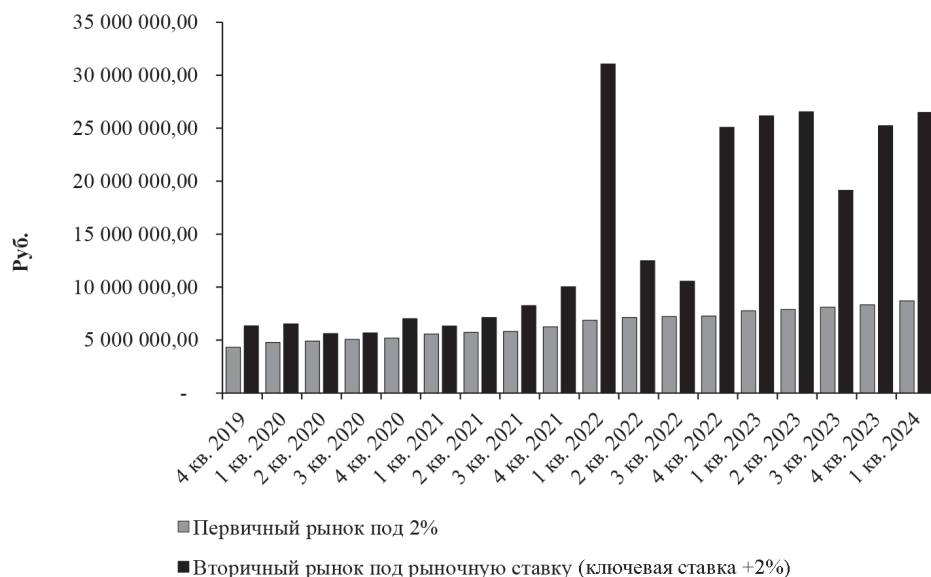

Рис. 7. Итоговая стоимость квартиры на первичном рынке по дальневосточной программе и вторичном рынке по рыночной ипотеке в регионах ДФО

Источник: расчеты автора на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы.

Задача обеспечения населения в ДФО новым жильем успешно реализуется, однако происходит это не за счет роста доступности жилья. Как будет показано далее, существенную выгоду от запуска программы получили застройщики и производители строительных материалов. Суммарная стоимость жилья для потребителей даже выросла, но темпы ипотечного кредитования растут одновременно с ценами. Возможной причиной, помимо нерациональных факторов, является изменение структуры платежей. Для среднего покупателя недвижимости в ДФО более приемлемым вариантом является накопление на высокий первоначальный взнос с последующей уплатой низких платежей, существенно уступающих средней зарплате по регионам. Напротив, до запуска программы рыночная ипотека включала низкий первоначальный взнос и высокие процентные платежи. Это свидетельствует о сдержанных зарплатных ожиданиях участников ипотечного рынка.

Т а б л и ц а 1

Стоимость квартиры 50 м² для различных ипотечных программ с учетом платежей по ипотеке в разрезе трех крупнейших участников программы и в среднем по ДФО

Субъект Федерации	2019	2020	2021	2022	2023	2024
<i>Фактические цены в руб. и ставка по ипотеке 2% (дальневосточная программа)</i>						
ДФО	4 312 804	5 187 874	6 244 205	7 269 623	8 339 510	8 705 146
Республика Саха	4 904 096	5 839 754	6 782 102	7 488 601	8 394 077	9 026 790
Приморский край	5 714 350	6 735 353	7 446 636	9 228 004	9 742 083	9 990 029
Хабаровский край	4 390 278	5 399 587	6 705 339	6 706 807	7 973 067	8 751 959
ДФО	4 312 804	5 187 874	6 244 205	7 269 623	8 339 510	8 705 146
<i>Гипотетические цены в руб. на основе исторических темпов роста и при ставке 6%</i>						
Республика Саха	6 545 314	6 904 774	7 283 975	7 684 001	8 105 996	8 215 068
Приморский край	7 909 207	8 343 570	8 801 788	9 285 171	9 795 100	9 926 899
Хабаровский край	5 724 489	6 038 870	6 370 517	6 720 377	7 089 451	7 184 844
ДФО	5 491 776	5 793 377	6 111 542	6 447 179	6 801 250	6 892 765
<i>Гипотетические цены в руб. на основе исторических темпов роста и при рыночной ставке</i>						
Республика Саха	7 500 667	7 728 374	10 293 092	23 084 797	22 349 423	22 650 149
Приморский край	9 063 634	9 338 790	12 437 936	27 895 139	27 006 530	27 369 920
Хабаровский край	6 560 034	6 759 185	9 002 271	20 189 812	19 546 659	19 809 672
ДФО	6 236 852	6 426 192	8 558 770	19 195 154	18 583 685	18 833 741

Источник: расчеты автора на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы.

Результаты программы для государства

При запуске дальневосточной ипотеки государство стремилось сделать жилье в ДФО более доступным и повысить активность строителей в данных регионах. Обе цели достигаются, но и затраты на реализацию программы выросли (см. рис. 8). Связано это не только с ростом ввода новых площадей (и кредитования), но и с ростом процентной ставки. На момент запуска программы ставка составляла 4,5% против 16% на конец I квартала 2024 г. При ставке по льготной программе в 2% и средней премии за ипотеку в 2% к ключевой ставке процент возмещения банкам недополученной прибыли примерно равняется ключевой ставке.

Рис. 8. Объем приобретенного жилья по дальневосточной ипотеке и процент компенсации банкам

Источник: расчеты автора на основе данных ДОМ.РФ и Банка России.

Дальневосточная ипотека — самая массовая программа в ДФО (см. рис. 9). Для участников рынка, соответствующих требованиям программы, нет повода выбирать семейную ипотеку под 6% или льготную под 8%.

Три региона обеспечивают 2/3 от выданных ипотечных займов по федеральному округу (см. табл. 2). Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что жилье в них подорожало сильнее, но это — не единственный фактор ценообразования.

Основной проблемой для дальнейшей реализации программы является риск сохранения высоких процентных ставок. Таким образом, льготная ипотека в ДФО — один из катализаторов текущей инфляции (и последующего повышения ключевой ставки), но не его основная причина.

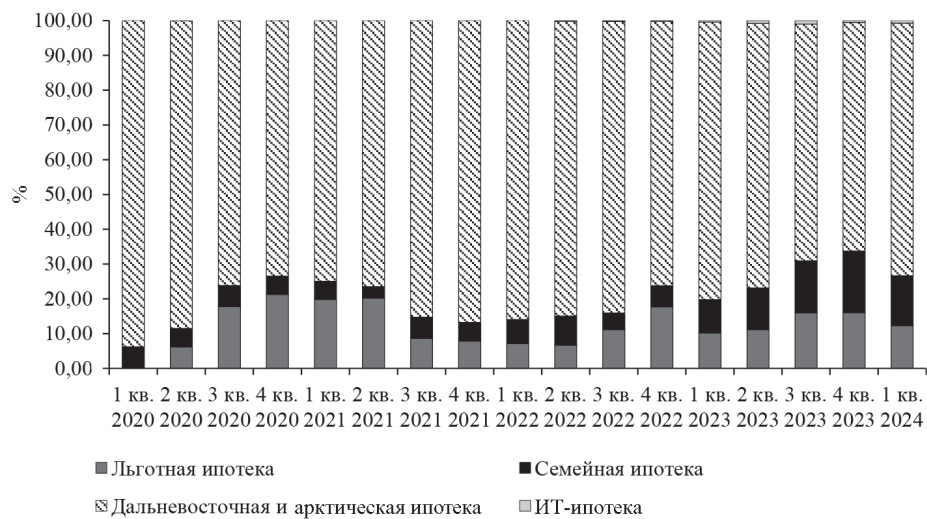

Рис. 9. Доли рынка для льготных ипотечных программ в ДФО

Источник: расчеты автора на основе данных ДОМ.РФ.

Т а б л и ц а 2

Соотношение выданных ипотечных займов по программе дальневосточной ипотеки в регионах ДФО, %

Субъект Федерации	IV кв. 2020	IV кв. 2021	IV кв. 2022	IV кв. 2023	I кв. 2024
Приморский край	31,57	30,92	25,75	24,65	30,03
Республика Саха	17,42	18,86	23,55	25,27	18,34
Хабаровский край	16,54	14,42	13,65	13,70	16,29
Амурская область	11,44	11,69	13,34	10,82	9,22
Сахалинская область	6,37	7,62	5,57	5,51	6,73
Забайкальский край	4,33	5,41	6,08	6,65	9,27
Республика Бурятия	4,75	5,55	7,48	9,41	5,89
Магаданская область	4,78	3,86	2,92	1,67	1,68
Чукотский АО	1,58	0,84	0,66	0,34	0,48
Камчатский край	1,05	0,71	0,89	1,79	1,80
Еврейская АО	0,18	0,12	0,10	0,19	0,26

Источник: расчеты автора на основе данных ДОМ.РФ.

Результаты программы для строительной отрасли

Застройщики являются основными выгодоприобретателями в результате реализации программы льготного ипотечного кредитования в ДФО. Стоимость стройматериалов выросла, но у строителей маржинальность увеличилась в 2,5 раза (см. рис. 10) по отношению к средним значениям до 2020 г. Вероятно, что перекося в сторону застройщиков — это основной проблемный момент в реализации программы. Установление потолка цен привело бы к ожидаемому дефициту на первичном рынке. Для того чтобы снизить спрос и замедлить рост цен, регулятор поднял размер первоначального взноса по программе. Результат данных мер покажут итоги 2024 г.

Рис. 10. Объем выданных ипотечных займов по программе дальневосточной ипотеки и маржинальность застройщиков

Источник для рыночной стоимости недвижимости: Единая межведомственная информационно-статистическая система. Для себестоимости: Единая межведомственная информационно-статистическая система — до 2022 г. После 2022 г. — Союз инженеров-сметчиков. Данные на 2022 г. представлены на конец I квартала 2022 г.

Как следует из динамики портфеля застройщиков в ДФО на рисунке 11, с 2020 г. наблюдается плавное увеличение доли жилой недвижимости к общему объему введенных площадей. В таблице 3 представлена себестоимость и рыночная стоимость квадратного метра по регионам.

Вероятно, что для выравнивания соотношения благ от программы помогло бы усиление конкуренции за потребителя путем большего включения банковской отрасли в программу. Структура банковской отрасли в регионах значительно изменилась за последние годы [6, с. 140], но пока это не отразилось на реализации программы.

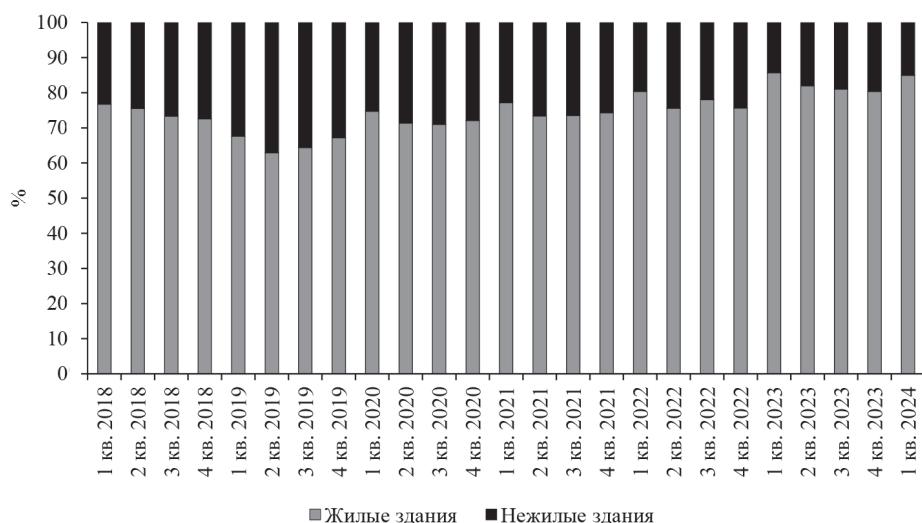

Рис. 11. Соотношение между строительством жилых и нежилых помещений в ДФО

Источник: расчеты автора на основе данных Единой межведомственной информационно-статистической системы.

Т а б л и ц а 3

Себестоимость и рыночная стоимость квадратного метра в разрезе трех крупнейших центральных регионов – участников программы и в среднем России и ДФО, руб.

Субъект Федерации	2019	2020	2021	2022	2023	1 кв. 2024
<i>Себестоимость одного квадратного метра на первичном рынке</i>						
Россия	42 869	44 863	49 431	71 622	77 083	81 103
ДФО	55 364	57 997	80 682	80 500	86 637	91 157
г. Москва	66 381	66 381	78 636	138 352	148 901	156 668
г. Санкт-Петербург	52 967	53 495	64 171	127 983	137 741	144 926
Республика Саха	61 949	68 136	80 212	93 341	100 458	105 698
Приморский край	54 895	52 883	57 432	99 987	107 610	113 223
Хабаровский край	63 928	56 431	68 166	93 906	101 066	106 338
<i>Рыночная стоимость одного квадратного метра на первичном рынке</i>						
Россия	64 059	79 003	98 909	122 343	140 371	167 581
ДФО	67 966	85 117	98 558	115 382	136 826	142 825
г. Москва	203 190	231 309	299 031	374 658	340 837	337 492
г. Санкт-Петербург	120 600	133 281	184 667	231 245	222 717	259 191
Республика Саха	80 461	95 813	111 274	122 865	137 721	148 102
Приморский край	93 755	110 507	122 177	151 404	159 838	163 906
Хабаровский край	72 031	88 591	110 014	110 038	130 814	143 593

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система и Союз инженеров-сметчиков.

Заключение

Основной результат проведенного анализа — отражение значимой роли структуры платежей при выборе ипотечной программы заемщиками. Для потребителя более приемлемой опцией является накопление на высокий первоначальный взнос с последующей уплатой низких платежей, существенно уступающих средней зарплате по регионам. Напротив, до запуска программы рыночная ипотека включала низкий первоначальный взнос и высокие процентные платежи, и данная программа не пользовалась высоким спросом. При отсутствии других значимых факторов, например, удвоения зарплат или снижения цен на жилье, рост спроса вызван изменившейся структурой ипотечных платежей.

Данное наблюдение может быть использовано государством для конструирования других адресных ипотечных программ, связанных с отдельными регионами или социальными/профессиональными группами заемщиков. Участники рынка кредитования и строительные организации могут использовать соотношение выданной ипотеки по рыночным и льготным программам как дополнительный фактор для прогнозирования спроса на рынке недвижимости. Также часть участников банковского рынка начала вводить услугу с единовременной уплатой комиссии (которая не является частью первоначального взноса) для значительного снижения процентных платежей по ипотеке. Спрос на данную услугу может свидетельствовать об умеренно консервативных ожиданиях заемщиков по своим доходам в будущих периодах.

Список литературы

1. Статистические данные по рыночной стоимости и себестоимости на первичном и вторичном рынке жилья // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31456/>
2. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2024 г. и в среднем за 2023 г. и компоненты ее изменения // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/OkPopul_Comp2024_Site.xlsx
3. *Шарафиева М.В.* Прогнозирование роста объемов выдач ипотечного жилищного кредитования на основе факторного анализа // Банковское дело. 2022. № 5. С. 27–35.
4. Статистические данные ДОМ.РФ по количеству и сумме выданных кредитов по льготным программам в ДФО. URL: <https://xn--dlaqf.xn--plai/programmy-gosudarstvennoj-podderzhki/operational-reporting/?program=Дальневосточная+и+Арктическая+ипотека>
5. Статистические данные Банка России по рынку ипотечного кредитования // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/
6. *Домашенко Д.В.* Анализ региональных трансформаций в банковской системе России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 1 (109). С. 138–152.

References

1. Statisticheskie dannye po rynochnoi stoimosti i sebestoimosti na pervichnom i vtorichnom rynke zhil'ia [Statistical Data on Market Value and Cost in the Primary and Secondary Housing Market], *EMISS* [EMISS]. (In Russ.). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/31456/>
2. Otsenka chislennosti postoiannogo naseleniia na 1 ianvaria 2024 g. i v srednem za 2023 g. i komponenty ee izmeneniia [Estimation of the Resident Population as of January 1, 2024 and on Average for 2023 and Components of Its Change], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/OkPopul_Comp2024_Site.xlsx
3. Sharafieva M.V. Prognozirovaniye rosta ob"emov vydach ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniia na osnove faktornogo analiza [Forecasting the Growth of Mortgage Lending Volumes Based on Factor Analysis], *Bankovskoe delo* [Banking], 2022, No. 5, pp. 27–35. (In Russ.).
4. Statisticheskie dannye DOM.RF po kolichestvu i summe vydannykh kreditov po l'gotnym programmam v DFO [Statistical Data of DOM.RF on the Number and Amount of Loans Issued under Preferential Programs in the Far Eastern Federal District]. (In Russ.). Available at: <https://xn--d1aqf.xn--plai/programmy-gosudarstvennoj-podderzhki/operational-reporting/?program=Дальневосточная+и+Арктическая+ипотека>
5. Statisticheskie dannye Banka Rossii po rynku ipotechnogo kreditovaniia [Statistical Data from the Bank of Russia on the Mortgage Lending Market], *Bank Rossii* [Bank of Russia]. (In Russ.). Available at: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/
6. Domashchenko D.V. Analiz regional'nykh transformatsii v bankovskoi sisteme Rossii [Analysis of Regional Transformations in the Russian Banking System], *Federalizm* [Federalism], 2023, Vol. 28, No. 1 (109), pp. 138–152. (In Russ.).

RESULTS OF THE FAR EAST MORTGAGE PROGRAM FOR CONSUMERS, DEVELOPERS, AND THE GOVERNMENT

The volume of mortgage loans issued in eleven regions of the Far Eastern Federal District at the end of 2023 increased 2.5 times by the start of the Far Eastern Mortgage program in 2020. The most interesting result of the program is an increase in demand for primary real estate and a simultaneous decrease in the affordability of this housing. Since the start of the program, prices have increased by 116% vs. 26% while maintaining historical growth rates. By the end of 2021, the price of an apartment, including interest under the Far East Program, has become higher than that of an apartment while maintaining the historical rate of price appreciation under the family mortgage rate. The program has effectively made housing less affordable. The main conclusion is that for program participants (young families under 35), the most effective benefit of stimulating home buying is lower interest payments, not down payments. The main beneficiaries of rising prices and the scale of lending are developers. Considering the increased price of construction materials, the developers' margin in the Far Eastern Federal District in 2023 increased to 58%. On the one hand, the government has achieved its goal of boosting the housing market in the Far East and has found an effective tool to encourage young families to buy real estate. This is evidenced by the extension of the program until 2030. On the other hand, several economic shocks led to a significant increase in the key interest rate and the accompanying growth of the program implementation costs.

Keywords: discounted mortgage, mortgage, regional lending, targeted lending, real estate market, region.

JEL: G2

Дата поступления — 24.06.2024 г.

ТОМТОСОВ Александр Федорович

научный сотрудник научной лаборатории «Исследования денежно-кредитной системы и анализа финансовых рынков»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Tomtosov.AF@rea.ru

TOMTOSOV Aleksandr F.

Research Fellow of the Scientific Laboratory of Monetary System Research and Financial Market Analysis;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: Tomtosov.AF@rea.ru

Для цитирования:

Томтосов А.Ф. Результаты реализации программы дальневосточной ипотеки для потребителей, застройщиков и государства // Федерализм. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 63–77. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-63-77>

Л.В. ДМИТРИЕВА

ХАРАКТЕРИСТИКА БАЗОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ

В настоящее время малые города России переживают сложный период, связанный с изменением экономической ситуации, демографическими тенденциями и финансовыми ограничениями. Эти факторы оказывают значительное влияние на жизнь горожан и требуют глубокого изучения и анализа. Цель статьи — выявление общих особенностей малых форм расселения как части региональной социально-экономической системы для выработки предложений по формированию специфических мер, связанных с социально-экономическим развитием малых городов. Исследования проводились на выборке данных из 82 регионов России за 2018–2022 гг. по 11 статистическим гипотезам. В работе использованы современные методы статистического анализа, в т.ч. проверки нормальности распределения (статистика Шапиро-Уилка), равенства дисперсий (критерий Ливиня) и метод статистической проверки гипотез на основе критерия Манна-Уитни. Расчеты производились в среде программной системы Python с использованием библиотек NumPy и Pandas для предварительной обработки данных и SciPy и XlsxWriter для статистического анализа и экспорта результатов расчетов. Рассмотрены такие социально-экономические показатели, как среднедушевые денежные доходы населения, валовой региональный продукт и инвестиции в основной капитал на душу населения, средний оборот организаций и доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Показано, что в рамках существующей административной структуры регионального управления регионы с различным уровнем урбанизации имеют статистически значимые различия по этим показателям. При этом не выявлено подобных различий в отношении таких индикаторов, как расходы и доходы консолидированных бюджетов на человека, общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, коэффициент рождаемости, индекс зрелости населения и динамика изменения численности населения за 10 лет (2012–2022 гг. включительно).

Ключевые слова: малый город, региональная политика, пространственное развитие, эндогенное развитие территории, отток населения, качество жизни.

JEL: R10, R58, O18

В настоящее время в России 85% городов относится к малым (с населением до 100 тыс. чел.), в которых проживает *четверть населения страны*¹. Эти города практически повсеместно испытывают последствия депопуляции и концентрации населения в крупных населенных пунктах. В результате, по данным переписи населения 2002 и 2020 гг., при приросте количества городских жителей на 7% численность населения, проживающего в малых городах, уменьшилась на 5,8%.

Для предотвращения опустынивания территорий и обеспечения экономической безопасности необходимо изучение малых городов, выявление тенденций их роста и разработка специальных мер для сбалансированного развития страны, эффективного освоения и использования территорий.

В связи с недостаточностью муниципальных статистических данных по малым городам, а также их искажением, связанным с наличием большого числа предприятий малого бизнеса, не предоставляющих полную статистическую отчетность, с целью изучения специфики развития территорий автором разработана методика анализа региональных данных на основе статистических процедур. Цель статьи — формулирование, проверка и интерпретация статистических гипотез относительно ключевых социально-экономических показателей развития регионов в зависимости от уровня их урбанизации и выработка на этой основе направлений проектирования региональной политики развития малых городов.

Теоретический обзор

В исследованиях предметной области малых городов обычно применяется системный подход, в рамках которого выявляются как основы их типологизации, так и отдельные особенности развития. Так, О.Н. Яницкий [1] рассматривает модель малого города в историческом контексте вместе с присущими ему характеристиками в разных экономических укладах, а также проводит анализ темпоритмов взаимодействия и метаболизма составляющих агентов и сред. Е.М. Бухвальд изучает аспект малых городов в контексте стратегии пространственного развития страны для решения задач экономического выравнивания регионов России [2, с. 15]. Автор предлагает меры, направленные на повышение действенности государственной политики в отношении моногородов, а также механизмы встраивания государственной политики в отношении малых городов в систему стратегического планирования [2, с. 18, 26]. Ряд работ посвящен определению стратегических приоритетов развития городов и выработке практических рекомендаций (например, Жихаревич и др. [3]). Проблемы системы управления малыми и средними городами,

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 18.05.2024).

в т.ч. на региональном уровне, исследуются Вологодским научным центром РАН [4]. В качестве одного из выводов исследования выдвигается тезис о том, что «разработка стратегий на региональном уровне представляется более эффективным инструментом управления развитием малых и средних городов» [4, с. 65].

Иллюстрацией отдельных аспектов изучения данной тематики могут служить исследования в области народных промыслов как «точек роста» [5] и развития малых городов и поселений, а также их значение для туризма [6]. Важную роль применительно к формату малого города имеет изучение моделей развития городов, в частности, анализ ориентации на креативную экономику в рамках парадигмы «медленный город» [7, с. 18], подхода «солидарный город» [8], концепции «сетевого города» [9, с. 108] и «нового урбанизма» [10].

Однако при этом, на наш взгляд, вопросы количественной оценки факторов развития нередко остаются нераскрытыми и определяются на экспертном или социологическом уровне, т.е. не формализуются.

Методика исследования

В основу данного исследования положено 11 гипотез о социально-экономических характеристиках регионов с преобладающей долей населения, проживающего в малых городах и населенных пунктах сельского типа.

1. Население субъекта за 10 лет снижается быстрее в регионах, где больше населения живет в городах и поселениях численностью менее установленного критерием ранжирования (далее — малые населенные пункты).

2. Индекс зрелости населения (отношение численности населения старше трудоспособного возраста к численности населения младше трудоспособного возраста) больше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах.

3. Коэффициент рождаемости выше в регионах, где больше людей проживает в малых населенных пунктах.

4. Уровень жизни населения (денежные доходы населения) меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах.

5. Количество малообеспеченных граждан (с доходами ниже уровня прожиточного минимума) в процентах от общей численности населения субъекта больше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах

6. Жилищные условия (общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя) лучше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах.

7. Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах.

8. Инвестиции на душу населения меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах.

9. Средний оборот организаций (рассчитанный как оборот организаций на число организаций) меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах.

10. Доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на душу населения меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах.

11. Расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на душу населения меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах.

В исследовании первоначально проводилась классификация регионов по индикатору, отражающему структуру расселения². В частности, использовались три варианта группировки регионов для проверки статистической гипотезы (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Варианты критериев расчета показателя для ранжирования регионов

Методика расчета индикатора	1 вариант ранжирования	2 вариант ранжирования	3 вариант ранжирования
	Соотношение городского населения, проживающего в регионе в населенных пунктах свыше 50 тыс. чел., к общей численности населения региона	Соотношение городского населения, проживающего в регионе в населенных пунктах свыше 100 тыс. чел., к общей численности населения региона	Соотношение городского населения, проживающего в регионе в населенных пунктах свыше 250 тыс. чел., к общей численности населения региона

Источник: составлено автором.

Далее перечень регионов ранжировался по возрастанию в соответствии со значением индикатора и делился на 2 равные группы. При этом в первую группу включались регионы с наименьшим значением индикатора (из верхней половины списка), а во вторую – половина регионов с большими значениями индикатора. Затем был сформулирован ряд предположений (гипотез), относящихся к социально-экономическому развитию региона, и проведен их статистический анализ [11].

С учетом исследований оценки социально-экономических эффектов, связанных с отдельными аспектами расселения, в частности агломерационного развития [12] и развития сельских территорий [13], были сформулированы гипотезы в отношении зависимости ключевых

² Для устранения искажений результатов, возможных при наличии в исходных данных выбросов (аномально больших и/или аномально малых значений признаков) по причине искажений, вносимых статистикой крупных городов федерального значения, из исходного массива были исключены данные по Москве, Санкт-Петербургу и Севастополю. Исследования проводились на данных из 82 регионов России за 2018–2022 гг. Ключевой характеристикой, согласно которой формировались группы, была выбрана доля населения, проживающего в целевых населенных пунктах (свыше 50, свыше 100 и свыше 250 тыс. чел.).

экономических показателей региона (ВРП, инвестиции, оборот организаций) от особенностей структуры расселения.

При формировании качественной среды развития сельских территорий [14] важно оценивать, во-первых, особенности обеспечения граждан, проживающих на таких территориях, жилыми площадями, во-вторых, то, что малые города России теряют население, особенно трудоспособный сегмент [15, с. 44]. В связи с этим в статье сформулирован ряд демографических гипотез в отношении численности населения, рождаемости, а также возрастной структуры населения.

Рассмотрим далее порядок проверки сформулированных гипотез с учетом выбранного уровня статистической значимости α , равного 0,05.

Шаг 1. Формулировка статистических гипотез:

- нулевая гипотеза (H_0): отсутствуют статистически значимые различия между группами регионов по исследуемому показателю;
- альтернативная гипотеза (H_1): статистически значимые различия между группами регионов по исследуемому показателю имеются.

Шаг 2. Проверка нормальности распределения данных в каждой группе с помощью теста Шапиро-Уилка и вычисление p -value (р-значения). Если оно меньше уровня значимости α , то нулевая гипотеза о нормальности распределения отвергается.

Шаг 3. Проверка равенства дисперсий между группами с помощью критерия Ливиня. Аналогично, если р-значение меньше α , то нулевая гипотеза о равенстве дисперсий отвергается.

Шаг 4. Выбор статистического критерия для проверки гипотезы о различиях между группами:

- если распределение данных в обеих группах нормальное и дисперсии равны, то используется t-тест Стьюдента для независимых выборок;
- в противном случае, если распределение данных хотя бы в одной группе не является нормальным либо же дисперсии этих групп не равны, то используется непараметрический критерий Манна-Уитни.

Шаг 5. Проверка гипотезы на основе выбранного критерия α . Аналогично, если р-значение меньше α , то нулевая гипотеза об отсутствии различий между группами отвергается.

Шаг 6. И, наконец, делаются выводы по результатам проверки гипотезы для каждого показателя.

Для проведения автоматизированной проверки гипотез были использованы программные средства на основе языка программирования *Python* третьей версии и библиотек *NumPy* и *Pandas* для предварительной обработки данных, а также *SciPy* и *XlsxWriter* для расчета статистик и экспорта данных в формате приложения *MS Excel*.

Результаты исследования

В соответствии с описанной методикой нами проверена каждая из гипотез и сделаны выводы о ее достоверности. Ниже с целью демонстрации результатов расчетов по статистически значимым гипотезам приведены промежуточные результаты расчетов, а по гипотезам, которые *не подтвердились* (не являются статистически значимыми) — только выводы.

Гипотеза 1. Население субъекта Российской Федерации за 10 лет снижается более интенсивно в регионах, где большая часть населения проживает в малых населенных пунктах. Вывод: по результатам расчетов нет статистически значимых различий между группами для показателя «Динамика изменения численности населения за 2012–2022 гг. (в процентах)», т.е. гипотеза статистически не подтверждается.

Гипотеза 2. Индекс зрелости населения (отношение численности населения старше границы трудоспособного возраста к численности жителей, не достигших этого возраста) больше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах. Вывод: нет статистически значимых различий между группами регионов.

Гипотеза 3. Коэффициент рождаемости выше в регионах, где больше людей проживает в малых населенных пунктах. Вывод: нет статистически значимых различий между группами для показателя «Коэффициент рождаемости в 2022 г.».

Гипотеза 4. Уровень жизни населения (денежные доходы населения) меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах (см. табл. 2).

Вывод: имеются статистически значимые различия между группами для показателя «Среднедушевые денежные доходы населения в месяц рублей в 2022 г.» при первом варианте ранжирования. При этом среднее значение для регионов группы 1 составляет: 38 305,7 тыс. руб.; для регионов группы 2 — 43 092,6 тыс. руб.

Гипотеза 5. Количество малообеспеченных граждан (с доходами ниже уровня прожиточного минимума) в процентах от общей численности населения субъекта Российской Федерации больше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах (см. табл. 3).

Вывод: имеются статистически значимые различия между группами для показателя «численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в процентах от общей численности населения субъекта в 2022 г.» для первого и второго варианта ранжирования. При этом среднее значение для регионов группы 1 при первом варианте ранжирования — 13,8%; для регионов группы 2 — 10,8%.

Гипотеза 6. Жилищные условия (общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя) лучше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах. Таким образом, нет статистически значимых различий между группами для показателя «Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя в 2022 г.».

Гипотеза 7. ВРП на душу населения меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 2

Результаты проверки статистической значимости гипотезы 4

Варианты	Ранжирование 1 – свыше 50 тыс. чел.)	Ранжирование 2 – свыше 100 тыс. чел.)	Ранжирование 3 – свыше 250 тыс. чел.)
Проверка нормальности распределения (критерий Шапиро-Уилка)	Группа 1: критерий 0,628, р-значение 0,000 < 0,005. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2: критерий 0,723, р-значение 0,000 < 0,005. H0 о нормальности распределения для группы 2 отвергнута	Группа 1: критерий 0,682, р-значение 0,000 < 0,005. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2: критерий 0,864, р-значение 0,000 < 0,005. H0 о нормальности распределения для группы 2 отвергнута	Группа 1: критерий 0,695, р-значение 0,000 < 0,005. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2: критерий 0,865, р-значение 0,000 < 0,005. H0 о нормальности распределения для группы 2 отвергнута
Проверка равенства дисперсий (критерий Ливиня)	Критерий Ливиня 0,114, р-значение 0,737 > 0,05, гипотеза H0 о равенстве дисперсий не отвергается	Критерий Ливиня 3,353, р-значение 0,071 > 0,05, гипотеза H0 о равенстве дисперсий не отвергается	Критерий Ливиня 3,417, р-значение 0,068 > 0,05, гипотеза H0 о равенстве дисперсий не отвергается
Проверка гипотезы по критерию Манна-Уитни	Критерий Манна-Уитни: 593,000, р-значение 0,022 < 0,05. H0 об отсутствии различий между группами отвергается	Критерий Манна-Уитни: 694,000, р-значение 0,176 > 0,05 H0 об отсутствии различий между группами не отвергается	Критерий Манна-Уитни: 849,000, р-значение: 0,941 > 0,05 H0 об отсутствии различий между группами не отвергается
Наличие статистически значимых различий между группами	Да	Нет	Нет

Источник: составлено автором.

Т а б л и ц а 3

Результаты проверки статистической значимости гипотезы 5

Варианты	Ранжирование 1 – свыше 50 тыс. чел.)	Ранжирование 2 – свыше 100 тыс. чел.)	Ранжирование 3 – свыше 250 тыс. чел.)
Проверка нормальности распределения (критерий Шапиро-Уилка)	Группа 1; критерий 0,931, р-значение $0,015 < 0,05$. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,980, р-значение $0,687 > 0,05$, H0 о нормальности распределения не отвергается	Группа 1; критерий 0,946, р-значение $0,049 < 0,05$. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,977, р-значение $0,573 > 0,05$, H0 о нормальности распределения не отвергается	Группа 1; критерий 0,927, р-значение $0,011 < 0,05$. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,980, р-значение $0,697 > 0,05$, H0 о нормальности распределения не отвергается
Проверка равенства дисперсий (критерий Ливиня)	Критерий Ливиня 7,422, р-значение $0,008 < 0,05$, H0 о равенстве дисперсий отвергнута	Критерий Ливиня 9,901, р-значение: $0,002 < 0,05$, H0 о равенстве дисперсий отвергнута	Критерий Ливиня 5,791, р-значение: $0,018 < 0,05$, H0 о равенстве дисперсий отвергнута
Проверка гипотезы по критерию Манна-Уитни	Критерий Манна-Уитни 1138,000, р-значение $0,006 < 0,05$, гипотеза об отсутствии различий между группами отвергнута	Критерий Манна-Уитни 1111,000, р-значение $0,012 < 0,05$, гипотеза об отсутствии различий между группами отвергнута	Критерий Манна-Уитни 1039,500, р-значение $0,066 > 0,05$, гипотеза об отсутствии различий между группами не отвергнута
Наличие статистически значимых различий между группами	Да	Да	Нет

Источник: составлено автором.

Т а б л и ц а 4

Результаты проверки статистической значимости гипотезы 7

Варианты	Ранжирование 1 – свыше 50 тыс. чел.)	Ранжирование 2 – свыше 100 тыс. чел.)	Ранжирование 3 – свыше 250 тыс. чел.)
Проверка нормальности распределения (критерий Шapiro-Уилка)	Группа 1; критерий 0,366, р-значение 0,000<0,05. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,473, р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения отвергается	Группа 1; критерий 0,462, р-значение 0,000<0,05. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,540, р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения отвергается	Группа 1; критерий 0,446, р-значение 0,000<0,05. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,601, р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения отвергается
Проверка равенства дисперсий (критерий Ливиня)	Критерий Ливиня 006, р-значение 0,940>0,05, H0 о равенстве дисперсий не отвергнута	Критерий Ливиня 2,399, р-значение 0,125>0,05, H0 о равенстве дисперсий не отвергнута	Критерий Ливиня 1,727, р-значение 0,193>0,05, H0 о равенстве дисперсий не отвергнута
Проверка гипотезы по критерию Манна–Уитни	Критерий Манна–Уитни 522,000, р-значение 0,003<0,05, гипотеза об отсутствии различий между группами отвергнута	Критерий Манна–Уитни 637,000, р-значение 0,060>0,05, гипотеза об отсутствии различий между группами не отвергнута	Критерий Манна–Уитни 751,000, р-значение 0,409>0,05, гипотеза об отсутствии различий между группами не отвергнута
Наличие статистически значимых различий между группами	Да	Нет	Нет

Источник: составлено автором.

Вывод: имеются статистически значимые различия между группами для показателя «ВРП на душу населения рублей в 2021 г.». Гипотеза «ВРП на душу населения меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах» подтверждается. При этом среднее значение для регионов группы 1 при первом варианте ранжирования — 806 427,6 руб. на человека, для регионов группы 2 — 983 118,6 руб. на человека.

Гипотеза 8. Инвестиции на душу населения меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах (см. табл. 5).

Вывод: имеются статистически значимые различия между группами для показателя «Инвестиции в основной капитал на душу населения рублей в 2022 г.» при первом варианте ранжирования. При этом среднее значение для регионов группы 1 при первом варианте ранжирования — 227 232,9 руб. на человека, для регионов группы 2 — 253 550 руб. на человека.

Гипотеза 9: Средний оборот организаций (рассчитанный как оборот организаций на число организаций) меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах (см. табл. 6).

Вывод: имеются статистически значимые различия между группами для показателя «Средний оборот организаций, миллионов рублей в 2022 г.» при 1 и 2 вариантах ранжирования. При этом среднее значение для регионов группы 1 при первом варианте ранжирования — 39,7 млн руб., для регионов группы 2 — 75,7 млн руб.

Гипотеза 10. Доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на человека меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах.

Вывод: нет статистически значимых различий между группами для показателя «Доходы консолидированных бюджетов (тыс. руб. на человека) в 2022 г.».

Гипотеза 11. Расходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации на душу населения меньше в регионах, где больше населения живет в малых населенных пунктах.

Вывод: нет статистически значимых различий между группами для показателя «Расходы консолидированных бюджетов тысяч рублей на человека в 2022 г.».

Для проверки статистически значимых гипотез по результатам расчетов за 2022 г. (за исключением показателя ВРП за 2021 г.) и использования полученных результатов для последующих исследований, указанные гипотезы также были перепроверены на аналогичных данных за 2020 и 2018 гг. По результатам расчетов указанные гипотезы *статистически значимы* и на данных предыдущих периодов *по первому варианту ранжирования*.

Результаты проверки статистической значимости гипотезы 8

Варианты	Ранжирование 1 – свыше 50 тыс. чел.)	Ранжирование 2 – свыше 100 тыс. чел.)	Ранжирование 3 – свыше 250 тыс. чел.)
Проверка нормальности распределения (критерий Шапиро-Уилка)	Группа 1; критерий 0,435, р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,393, р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения отвергается	Группа 1; критерий 0,488 р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,545, р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения отвергается	Группа 1; критерий 0,475, р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,564, р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения отвергается
Проверка равенства дисперсий (критерий Ливиня)	Критерий Ливиня 000, р-значение 0,993>0,05, H0 о равенстве дисперсий не отвергнута	Критерий Ливиня 3,440, р-значение 0,067>0,05, H0 о равенстве дисперсий не отвергнута	Критерий Ливиня 2,640, р-значение 0,108>0,05, H0 о равенстве дисперсий не отвергнута
Проверка гипотезы по критерию Манна-Уитни	Критерий Манна-Уитни 581,000, р-значение 0,016<0,05, гипотеза об отсутствии различий между группами отвергнута	Критерий Манна-Уитни 695,000, р-значение 0,179>0,05, гипотеза об отсутствии различий между группами не отвергнута	Критерий Манна-Уитни 882,000, р-значение 0,704>0,05, гипотеза об отсутствии различий между группами не отвергнута
Наличие статистически значимых различий между группами	Да	Нет	Нет

Источник: составлено автором.

Т а б л и ц а 6

Результаты проверки статистической значимости гипотезы 9

Варианты	Ранжирование 1 – свыше 50 тыс. чел.)	Ранжирование 2 – свыше 100 тыс. чел.)	Ранжирование 3 – свыше 250 тыс. чел.)
Проверка нормальности распределения (критерий Шapiro-Уилка)	Группа 1; критерий 0,812, р-значение 0,000<0,05. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,393, р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения отвергается	Группа 1; критерий 0,377, р-значение 0,000<0,05. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,620, р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения отвергается	Группа 1; критерий 0,372, р-значение 0,000<0,05. H0 о нормальности распределения для группы 1 отвергнута. Группа 2; критерий 0,656, р-значение 0,000<0,05, H0 о нормальности распределения отвергается
Проверка равенства дисперсий (критерий Ливиня)	Критерий Ливиня 1,264, р-значение 0,264>0,05, H0 о равенстве дисперсий не отвергнута	Критерий Ливиня 0,809, р-значение 0,371>0,05, H0 о равенстве дисперсий не отвергнута	Критерий Ливиня 0,526 р-значение 0,470>0,05, H0 о равенстве дисперсий не отвергнута
Проверка гипотезы по критерию Манна-Уитни	Критерий Манна-Уитни 547,000, р-значение 0,007<0,05, гипотеза об отсутствии различий между группами отвергнута	Критерий Манна-Уитни 618,000, р-значение 0,040<0,05, гипотеза об отсутствии различий между группами отвергнута	Критерий Манна-Уитни 736,000, р-значение 0,335>0,05, гипотеза об отсутствии различий между группами не отвергнута
Наличие статистически значимых различий между группами	Да	Да	Нет

Источник: составлено автором.

Заключение

Обобщая результаты статистической проверки гипотез в сфере *демографии* (коэффициент рождаемости, индекс зрелости населения, динамика изменения его численности за 10 лет), отметим, что статистически значимых различий между регионами с большей долей населения, проживающего в малых населенных пунктах, не имеется.

Это — *важнейший вывод* для дальнейших исследований демографических процессов на территориях. Несмотря на тенденцию к усилению урбанизации, статистически значимых различий между регионами с преобладающей структурой расселения по малым городам и сельским поселениям по выбранным демографическим показателям не выявлено. Это свидетельствует о наличии значительного исследовательского потенциала в выявлении иных факторов, влияющих на демографическую ситуацию в регионе.

В части гипотез, касающихся *социальных индикаторов* (денежные доходы населения, доля населения от общей численности с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2022 г.), результаты анализа свидетельствуют о наличии статистически значимых различий между регионами, где большая доля населения проживает в населенных пунктах с численностью до 50 тыс. чел. При этом в части уровня бедности наличие статистически существенных отличий выявлено и между регионами при признаке ранжирования в 100 тыс. чел. Последнее означает, что тенденция более низких доходов населения и увеличения уровня бедности на определенных территориях в значительной степени обусловлена структурой расселения в данном регионе. Этот аспект следует учитывать при выработке подходов к решению государственных задач ликвидации бедности, повышению уровня жизни населения и выработке иных мер государственной политики.

В частности, рассматривая указанные задачи сквозь призму экономического развития, можно сделать вывод об эффективности реализации на таких территориях особых стимулирующих режимов налогообложения и мер поддержки при создании новых рабочих мест с заработной платой выше текущего уровня. Это может служить альтернативой затратам на осуществление социальных программ поддержки граждан и домохозяйств, доходы которых находятся ниже уровня прожиточного минимума. Соотношение возможностей установления льготных территориальных режимов для ведения предпринимательской деятельности и потенциальным снижением расходов на предоставление социальной поддержки жителям таких территорий станет предметом наших дальнейших исследований.

При этом индикатор «общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя в 2022 г.», не показывает статистически значимых различий между регионами, где большая доля населения проживает в малых населенных пунктах.

Все выдвинутые *гипотезы*, связанные с экономическим развитием территории (ВРП на душу населения, инвестиции на душу населения, средний оборот организаций), *оказались статистически значимыми*.

Иначе говоря, полученные результаты свидетельствуют о том, что регионы, где проживает большее количество населения в городах с численностью до 50 тыс. чел., в целом *находятся в менее благоприятных экономических условиях*. Более низкие значения ВРП на душу населения и среднего оборота организаций указывают на пониженный уровень экономической активности в этих регионах, а более низкие инвестиции на душу населения увеличивают данный разрыв, т.к. замедляется процесс обновления основных фондов. Представляется целесообразным принять эти выводы за основу при проектировании и реализации политики экономического развития в населенных пунктах с численностью до 50 тыс. чел., а также в рамках общей государственной политики по отношению к регионам с соответствующей пространственной структурой расселения.

Таким образом, с учетом подтвержденных гипотез в отношении экономических индикаторов развития регионов можно сделать вывод о необходимости выработки на государственном уровне специфических подходов и инструментов для обеспечения возможностей содействовать на региональном уровне экономическому развитию населенных пунктов с численностью населения до 50 тыс. чел. Это особенно актуально в контексте решения задач, связанных с неравномерностью пространственного развития Российской Федерации, усилением дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития.

Гипотезы по финансовому обеспечению населения в рамках доходов и расходов консолидированных бюджетов на душу населения оказались статистически незначимы. Это свидетельствует о том, что дотациями на выравнивание бюджетной обеспеченности, а также субсидиями на реализацию отдельных мероприятий в регионах в целом обеспечивается балансирование бюджетов регионов, несмотря на то, что в части дифференциации денежных доходов населения и уровня бедности различия между группами регионов подтверждаются.

Таким образом, в рамках существующей административной структуры регионального управления, регионы, имеющие большую долю населения, проживающего в малых городах и сельских территориях, имеют статистически значимые различия в показателях: среднедушевые денежные доходы населения, ВРП на душу населения, доля населения от общей численности с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, инвестиции в основной капитал на душу населения, средний оборот организаций. При этом статистически значимых различий по индикаторам — расходы и доходы консолидированных бюджетов на человека, общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, коэффициент рождаемости, индекс зрелости

населения, динамика изменения численности населения за 10 лет (с 2012 до 2022 г. включительно) — между указанными группами *не выявлено*.

Указанные статистически подтвержденные гипотезы обуславливают необходимость выделения населенных пунктов численностью до 50 тыс. чел. *в качестве особого объекта управления*, требующего разработки специфических подходов и решений для обеспечения их социально-экономического развития. С учетом сказанного приоритетами политики развития малых городов, на наш взгляд, должны стать задачи социально-экономического развития, направленные на преодоление бедности, создание условий для стимулирования инвестиций, поддержку малого и среднего бизнеса, а также формирование комфортной среды, которая могла бы компенсировать более низкий уровень доходов населения.

Список литературы

1. Яницкий О.Н. Малые города России: междисциплинарный анализ // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 4. С. 52–64.
2. Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Малые и моногорода в Стратегии пространственного развития Российской Федерации: доклад. М.: Институт экономики РАН, 2019. 44 с.
3. Жихаревич Б.С., Лебедева Н.А., Русецкая О.В., Прибышин Т.К. Стратегии малых городов: территория творчества. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2017. 68 с.
4. Ускова Т.В., Секушина И.А. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 56–70.
5. Берендеева А.Б. Отрасль народных промыслов как фактор, ресурс, «точка роста» в развитии малых городов и поселений // На пути к гражданскому обществу. 2021. № 2 (42). С. 33–37.
6. Труба А.С. Международный опыт решения вопросов развития малых городов // Теория и практика мировой науки. 2020. № 2. С. 2–11.
7. Преображенский Ю.В. «Медленные» и «быстрые» города: специфика и модели развития // Социология города. 2020. № 1. С. 16–25.
8. Попов Е.А. Стратегии солидарного города в российских малых городах (на примере алтайского края) // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21. № 2. С. 329–346.
9. Оборин М.С., Пахалов А.М., Шерешева М.Ю. Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2017. № 4. С. 100–117.
10. Иванькина Н.А., Перькова М.В. Концепция Нового урбанизма: предпосылки развития и основные положения // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2018. № 8. С. 75–84.
11. Методология и методы научных исследований в экономике и менеджменте: пособие для вузов / Н. Б. Завьялова, А. Н. Головина, Д. В. Завьялов и др.; под ред. Н.Б. Завьяловой, А.Н. Головиной. Москва; Екатеринбург, 2014. 282 с.
12. Кузнецов Н.И. Особенности методик оценки агломерационного развития в России // Федерализм. 2020. № 2. С. 190–197.

13. Ухалина О.В., Седова Н.В., Горячева А.В., Кузьмин В.Н. Перспективы стратегического развития сельских территорий // Техника и оборудование для села. 2023. № 4 (310). С. 43–48.

14. Лаврентьева И.В., Джавахия В.В., Седова Н.В. Критерии оценки и алгоритм расчета индекса качества среды сельских территорий // Федерализм. 2022. Т. 27. № 2. С. 62–81.

15. Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Поселенческий аспект стратегии пространственного развития для России // Федерализм. 2019. № 1. С. 38–55.

References

1. Ianitskii O.N. Malye goroda Rossii: mezhdistsiplinarnyi analiz [Small Towns of Russia: Interdisciplinary Analysis], *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Scientific Result. Sociology and Management], 2018, Vol. 4, No. 4, pp. 52–64. (In Russ.).

2. Bukhval'd E.M., Kol'chugina A.V. Malye i monogoroda v Strategii prostranstvennogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii: doklad [Small and Single-Industry Towns in the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation: Report]. Moscow, Institut ekonomiki RAN, 2019, 44 p. (In Russ.).

3. Zhikharevich B.S., Lebedeva N.A., Rusetskaia O.V., Pribyshin T.K. Strategii malykh gorodov: territorii tvorchestva [Strategies of Small Towns: The Territory of Creativity]. Saint Petersburg, MTsSEI "Leont'evskii tsentr", 2017, 68 p. (In Russ.).

4. Uskova T.V., Sekushina I.A. Strategicheskie priority razvitiia malykh i srednikh gorodov [Strategic Priorities for the Development of Small and Medium-Sized Cities], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2021, Vol. 14, No. 1, pp. 56–70. (In Russ.).

5. Berendeeva A.B. Otrasl' narodnykh promyslov kak faktor, resurs, "tochka rosta" v razvitiia malykh gorodov i poselenii [The Branch of Folk Crafts as a Factor, Resource, "Point of Growth" in the Development of Small Towns and Settlements], *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu* [On the Way to Civil Society], 2021, No. 2 (42), pp. 33–37. (In Russ.).

6. Truba A.S. Mezhdunarodnyi opyt resheniia voprosov razvitiia malykh gorodov [International Experience in Solving Issues of Development of Small Towns], *Teoriia i praktika mirovoi nauki* [Theory and Practice of World Science], 2020, No. 2, pp. 2–11. (In Russ.).

7. Preobrazhenskii Iu.V. "Medlennye" i "bystrye" goroda: spetsifika i modeli razvitiia ["Slow" and "Fast" Cities: Specifics and Development Models], *Sotsiologiya goroda* [Sociology of the City], 2020, No. 1, pp. 16–25. (In Russ.).

8. Popov E.A. Strategii solidarnogo goroda v rossiiskikh malykh gorodakh (na primere altaiskogo kraia) [Strategies of a Solidary City in Russian Small Towns (On the Example of the Altai Region)], *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Research], 2023, Vol. 21, No. 2, pp. 329–346. (In Russ.).

9. Oborin M.S., Pakhalov A.M., Sheresheva M.Iu. Effektivnost' strategicheskogo planirovaniia razvitiia malykh gorodov na osnove setevogo mekhanizma koordinatsii [The Effectiveness of Strategic Planning for the Development of Small Towns Based on a Network Coordination Mechanism], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics], 2017, No. 4, pp. 100–117. (In Russ.).

10. Ivan'kina N.A., Per'kova M.V. Kontseptsiiia Novogo urbanizma: predposylki razvitiia i osnovnye polozheniia [The Concept of New Urbanism: Prerequisites

for Development and Basic Provisions], *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V.G. Shukhova* [Bulletin of the Belgorod State Technological University Named after V. G. Shukhov], 2018, No. 8, pp. 75–84. (In Russ.).

11. Zav'ialova N.B., Golovina A.N., Zav'ialov D.V. et al. Metodologiya i metody nauchnykh issledovaniy v ekonomike i menedzhmente: posobie dlia vuzov [Methodology and Methods of Scientific Research in Economics and Management: a Handbook for Universities], edited by N.B. Zav'ialovoi, A.N. Golovinoi. Moscow, Ekaterinburg, 2014. 282 p. (In Russ.).

12. Kuznetsov N.I. Osobennosti metodik otsenki aglomeratsionnogo razvitiia v Rossii [Features of Estimation Methods of Agglomeration Development in Russia], *Federalizm* [Federalism], 2020, No. 2, pp. 190–197. (In Russ.).

13. Ukhalina O.V., Sedova N.V., Goriacheva A.V., Kuz'min V.N. Perspektivy strategicheskogo razvitiia sel'skikh territorii [Prospects for Strategic Development of Rural Areas], *Tekhnika i oborudovanie dlia sela* [Machinery and Equipment for the Village], 2023, No. 4 (310), pp. 43–48. (In Russ.).

14. Lavrent'eva I.V., Dzhavakhiia V.V., Sedova N.V. Kriterii otsenki i algoritm rascheta indeksa kachestva sredi sel'skikh territorii [Evaluation Criteria and Algorithm for Calculating the Environmental Quality Index of Rural Areas], *Federalizm* [Federalism], 2022, Vol. 27, No. 2, pp. 62–81. (In Russ.).

15. Bukhval'd E.M., Kol'chugina A.V. Poselenceskii aspekt strategii prostranstvennogo razvitiia dlia Rossii [The Settlement Aspect of the Spatial Development Strategy for Russia], *Federalizm* [Federalism], 2019, No. 1, pp. 38–55. (In Russ.).

CHARACTERISTICS OF THE BASIC SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF THE DEVELOPMENT OF SMALL TOWNS IN RUSSIA

Currently, small towns in Russia are going through a difficult period due to changes in the economic situation, demographic trends and financial constraints. These factors have a significant impact on the lives of citizens and require in-depth study and analysis. The purpose of the study is to identify the general features of small forms of settlement as part of the regional socio-economic system for the further development of proposals for the formation of specific measures for the socio-economic development of small towns. The research was conducted on a sample of data from 82 regions of Russia for 2018–2022 according to 11 statistical hypotheses. The work used modern methods of statistical analysis, including testing the normality of distribution (Shapiro-Wilk statistics), equality of variances (Livigne criterion) and the method of statistical testing of hypotheses based on the Mann-Whitney test. Calculations were performed in the Python software environment using the NumPy and Pandas libraries for data preprocessing and SciPy and XlsxWriter for statistical analysis and export results. The following socio-economic indicators are considered: average per capita cash income of the population, gross regional product and investment in fixed capital per capita, average turnover of organizations and the share of the population with cash income below the subsistence level. It is shown that, within the framework of the existing administrative structure of regional governance, regions with different levels of urbanization have statistically significant differences in these indicators. At the same time, no such differences were found in relation to indicators such as expenditures and revenues of consolidated budgets per person, the total area of residential premises per inhabitant on average, the fertility rate, the population maturity index and the dynamics of population change over 10 years (2012–2022 inclusive).

Keywords: small town, regional policy, spatial development, endogenous development of the territory, population outflow, quality of life.

JEL: R10, R58, O18

Дата поступления – 27.05.2024 г.

ДМИТРИЕВА Людмила Владиславовна

кандидат экономических наук, первый заместитель Председателя;
Правительство Ивановской области / ул. Пушкина, д. 9, г. Иваново,
153000;

доцент кафедры экономической теории, экономики и предпринима-
тельства;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Ивановский государственный университет» /
ул. Ермака, д. 39, г. Иваново, 153025.

e-mail: ludmilavd@yandex.ru

DMITRIEVA Liudmila V.

Cand. Sc. (Econ.), First Deputy Chairman;

The Government of the Ivanovo Region / 9, Pushkin Str., Ivanovo, 153000;

Associate Professor of the Department of Economic Theory, Economics and
Entrepreneurship;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ivanovo
State University” / 39, Ermaka Str., Ivanovo, 153025.

e-mail: ludmilavd@yandex.ru

Для цитирования:

Дмитриева Л.В. Характеристика базовых социально-экономических
факторов развития малых городов России // Федерализм. 2024. Т. 29.
№ 2 (114). С. 78–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-78-95>

О.В. СПИЦЫНА

НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАТЕГИРОВАНИЯ В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ РОССИИ

Крупнейшие российские города как объекты стратегирования заслуживают особого внимания, поскольку позиционируются как центры экономического роста с большим потенциалом решения задач по жизнеобеспечению региона. Вместе с тем утверждение стратегий крупнейших городов, как и других муниципальных образований, отнесено к компетенции местного самоуправления, полномочия и функции которого, а также ресурсная база законодательно отграничены и не соотносятся со сложной системой муниципального образования мегаполиса, с экономической, социальной, территориальной, общественной, управленческой, административной составляющими. Обозначенные противоречия, недостатки организационного и правового характера могут влиять на полноту применения стратегирования в разработке и реализации долгосрочных планов развития городов. Стратегическое планирование в государственном управлении находится в процессе развития, однако неопределенность относительно системообразующего документа целеполагания, недостаточность методического обеспечения, скоординированности деятельности участников стратегического планирования, адаптированности к условиям глобальных вызовов не позволяют в полной мере использовать его потенциал для управления экономическим развитием как в целом страны, так и отдельных регионов и муниципальных образований. Поэтому необходимы инструменты и способы совершенствования практики стратегирования с учетом современных реалий, а также трансформация механизмов стратегического управления в крупнейших городах, нацеленная на устранение противоречий между компетенциями, полномочиями, ресурсами местного самоуправления и масштабом стратегических задач, подлежащих решению в крупнейшем городе.

Ключевые слова: муниципальное образование, регион, стратегия социально-экономического развития, управление экономическим развитием, крупнейшие города.

JEL: R58, R12, P41, H70, O18

Стратегирование как процесс создания и претворения в жизнь программ, планов действий и мероприятий, связанных в пространстве и во времени, нацеленных на достижение стратегических целей и решение стратегических задач, имеет огромный потенциал управления экономическим развитием как страны, так и отдельных регионов и муниципальных образований. Вместе с тем стратегирование в государственном управлении еще находится в процессе развития, совершенствования правового регулирования и методического обеспечения.

**Направления трансформации стратегирования
в современных условиях**

Анализируя недостатки сложившейся системы стратегирования, можно отметить отсутствие вертикали целеполагания, четкой иерархической структуры документов стратегического планирования, порядка координации деятельности федеральных и региональных органов власти в сфере стратегического планирования [1, с. 45–48]. Отмечаются недостатки правовой базы и прежде всего самого понятия «стратегия», установленного Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ), полагая, что такая формулировка, как «документ, определяющий приоритеты, цели и задачи», законодательно сводит стратегирование к определению приоритетов, целей и задач и не предусматривает обязательную реализацию поставленных целей [2, с. 693]. Недостаточность нормативного регулирования и методического обеспечения стратегического планирования, отсутствие базового целеполагающего ориентира *приводят к несогласованности и несбалансированности документов стратегического планирования* по приоритетам, целям задачам, срокам реализации, финансовым и иным ресурсам [3, с. 693]. Практики внешнего контроля¹ указывают на недостаточную актуализацию документов стратегического планирования в соответствии с документами, определяющими национальные цели и стратегические задачи социально-экономического развития страны, на проблемы открытости и доступности информации, а также на несогласованность стратегических документов, правовых и оперативных актов органов управления публичной власти.

Применительно к актуальной повестке глобальных вызовов исследователями отмечается отсутствие экономико-правовых механизмов и конкретных институтов, способных обеспечить устойчивую реализацию стратегических планов, их адекватную экономическую обеспечен-

¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Стратегический аудит формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в 2017-2018 годах и истекшем периоде 2019 года», утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 10 декабря 2019 года. URL: <https://storage.strategy24.ru/files/news/202002/a60e677dfacf6699b302475614cf7ebd.pdf>

ность и должную защищенность от деструктивного воздействия [4, с. 22–23]. Принципиально важным представляется вывод о том, что ключевые документы, регулирующие практику стратегического планирования (в т.ч. и Федеральный закон № 172-ФЗ), преимущественно базируются на гипотезе устойчивого роста национальной экономики при отсутствии каких-либо существенных факторов негативного воздействия. Вместе с тем неинтегрированность в правовую базу специфических методов и инструментов, необходимых в условиях нестабильной экономической среды, привело к малопродуктивности методов стратегического планирования в современных реалиях [5, с. 7, 10].

В качестве инструментов и способов решения обозначенных проблем предлагаются различные варианты.

Во-первых, определенность с *центральной, системообразующим документом целеполагания*. По мнению ряда исследователей, таким документом может быть Стратегия национальной безопасности Российской Федерации², устанавливающая стратегические национальные приоритеты и интересы, определяющая вызовы и угрозы [1, с. 53], основанная на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны. Отправной точкой стратегирования может стать Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, сформированная на принципах гибкого целеполагания, методических основах сценарного варианта и с учетом особенностей планирования в условиях нарастания экономической нестабильности и неопределенности [5, с. 20].

Во-вторых, дальнейшее распространение практики реализации положений Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.³, соотносящихся с национальными и региональными целями развития, в т.ч. расширение национального перечня показателей целей устойчивого развития и их дезагрегирование на уровень субъектов развития⁴.

В-третьих, возможной стратегической перспективой с учетом современной геополитической ситуации и политико-экономической си-

² Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 г.

⁴ Отчет о результатах параллельного экспертно-аналитического мероприятия «Анализ достижения субъектами Российской Федерации показателей целей устойчивого развития при реализации документов стратегического планирования в период с 2020 года по истекший период 2022 года» (со Счетной палатой Республики Татарстан, Счетной палатой Владимирской области, Контрольно-счетной палатой Волгоградской области, Контрольно-счетной палатой Воронежской области, Контрольно-счетной палатой Липецкой области, Контрольно-счетной палатой Нижегородской области, Счетной палатой Самарской области, Контрольно-счетной палатой Тверской области, Контрольно-счетной палатой Челябинской области, Контрольно-счетной палатой Москвы и Контрольно-счетной палатой города Севастополя), утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 30 мая 2023 года. URL: <https://www.sptulobl.ru/law/Bul-9-2023.pdf>

туации внутри страны рассматривается вариант реставрации элементов директивного планирования на примере практики программирования и планирования Китая, в основе которой лежит комплексная стратегическая программа по пятилеткам, планы развития ключевых объектов экономики и инфраструктуры, а также отдельных отраслей и регионов [2, с. 698].

В-четвертых, для повышения обоснованности и сбалансированности документов стратегического планирования особого внимания заслуживает системный подход.

Предлагается учесть практический опыт функционирования экономики на различных этапах [5, с. 20], разработать количественные модели формирования обоснованных прогнозов на базе внутренних взаимосвязей в структуре фактических тенденций регионального развития [1, с. 53], информационную модель взаимодействия документов стратегического планирования с методическим инструментарием, балансировкой системы целей, задач и показателей, позволяющую верифицировать связи между параметрами и выявлять несоответствия по принципу преемственности и правилам декомпозиции [6, с. 186–188].

Наконец, в-пятых, применительно к выбору инструментов стратегирования в условиях неопределенности, которые бы в полной мере соответствовали условиям российской экономики, относят следующее: сценарный вариант планирования; стратегирование в разрезе нескольких временных горизонтов; опору на государственное (муниципальное) – частное партнерство; формирование адекватных финансовых резервов как в публичном, так и в частном секторах экономики [5, с. 15–16]. При этом делается акцент на вертикаль управления как при адаптационном стратегировании, так и в практике стратегического планирования в целом, с определением роли федерального центра принятия решений в установлении адаптационных механизмов и условий их применения, в т.ч. с учетом конкретной ситуации в различных группах регионов [5, с. 20].

Таким образом, очевидно, что современные реалии требуют трансформации механизмов управления и экономического развития на всех уровнях. При этом одной из первостепенных задач становится обеспечение эффективности стратегического планирования для достижения национальных целей развития.

При такой постановке весьма логичной основой для выстраивания новой архитектуры стратегирования становятся национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.⁵ и поставленные задачи по их достижению. При этом очевидно, что для формирования завершенной целостной системы стратегического планирования вопросы актуализации механизмов развития и стратегирования необходимо рассматривать комплексно, в т.ч. с учетом

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

обеспечения национальной безопасности и современных тенденций пространственного развития. Этот подход справедлив и в случае с крупнейшими городами страны.

***Особенности крупнейших городов — муниципальных образований
как объектов стратегического планирования***

С точки зрения обеспечения устойчивости национальной экономики в условиях федеративного устройства важным, особенно в новых условиях глобальных вызовов, представляется *максимальное вовлечение субфедерального уровня* (субъектов Российской Федерации и местного самоуправления) в процесс совершенствования государственного стратегического управления. Однако на этом уровне еще не накоплен достаточный опыт («критическая масса»), способный «претворить презентационные планы в реальные рабочие планы деятельности» [4, с. 28]. Особого внимания заслуживают такие муниципальные образования как крупнейшие города — региональные столицы.

На сегодняшний день таких городов в России 14⁶. Это — перспективные крупные центры экономического роста Российской Федерации⁷, центры концентрации ресурсов и решения различных разнонаправленных задач.

В *таблице 1* представлены доли указанных городов в экономических показателях соответствующих регионов — субъектов Российской Федерации (республик, краев и областей). В крупнейших городах сосредоточен значительный человеческий, производственный и инвестиционный потенциал. Доля крупнейших городов в таких показателях социально-экономического развития соответствующих регионов как «среднегодовая численность работников организаций», «инвестиции в основной капитал», «наличие основных фондов организаций», «объем отгруженных товаров собственного производства (обрабатывающие производства)», «объем работ, выполненных по виду экономической деятельности “Строительство”», «оборот розничной торговли» составляет до 50% и более (*таблица 1*, статистические данные за 2021–2022 гг.).

Как правило, мегаполисы отличаются от других муниципальных образований более высоким качеством жизни, доступностью социальных сервисов, применением технологических новаций. Вместе с тем требуется и решение достаточно сложных задач по обеспечению транспортной доступности, развитию инженерной и социальной

⁶ Новосибирск (1,63 млн чел.), Екатеринбург (1,54 млн чел.), Казань (1,32 млн чел.), Красноярск (1,2 млн чел.), Нижний Новгород (1,2 млн чел.), Челябинск (1,18 млн чел.), Уфа (1,16 млн чел.), Самара (1,16 млн чел.), Ростов-на-Дону (1,14 млн чел.), Краснодар (1,14 млн чел.), Омск (1,1 млн чел.), Воронеж (1,05 млн чел.), Пермь (1,03 млн чел.), Волгоград (1,02 млн чел.). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

инфраструктуры, предотвращению экономических кризисов, уплотненности городского пространства, что в свою очередь требует применения эффективных инструментов экономического развития, научно обоснованных методов долгосрочного планирования всех составляющих жизнеобеспечения мегаполиса.

Т а б л и ц а 1

Удельный вес крупнейших городов – муниципальных образований в основных показателях социально-экономического развития регионов, %

Город	Средняя годовая численность работников	Инвестиции в основной капитал	Основные фонды	Обрабатывающие производства	Объем строительства	Оборот розничной торговли
Воронеж	53,6	54,8	59,8	36,9	69,1	59,3
Краснодар	29,6	33,5	44,7	9,7	30,1	46,1
Волгоград	53,2	54,2	71,4	47,0	69,8	62,8
Ростов-на-Дону	37,2	55,8	56,6	30,4	64,0	35,5
Уфа	40,5	54,2	67,0	50,9	52,2	51,3
Казань	36,1	35,1	43,9	14,2	37,8	54,2
Пермь	47,2	50,2	40,8	37,9	39,2	60,2
Нижний Новгород	48,9	44,2	60,1	39,4	43,4	57,7
Самара	45,4	32,1	62,4	24,8	42,4	51,2
Екатеринбург	41,5	56,6	35,3	22,9	74,9	57,8
Челябинск	40,8	27,2	41,0	31,0	37,1	53,3
Красноярск	37,6	18,3	34,6	31,4	нет данных	63,8
Новосибирск	64,1	62,0	71,9	63,2	56,6	82,0
Омск	70,5	90,3	85,8	94,8	77,0	83,3

Источник: составлено по [7].

Вместе с тем закон «О стратегическом планировании» не дифференцирует полномочия муниципальных образований в зависимости от их масштаба и статуса. Правила стратегирования едины и для небольшого сельского поселения, и для столицы региона, в которой проживает более 1 млн чел. На сегодняшний день *центральный документ целеполагания* – стратегия социально-экономического развития (и, соответственно, план мероприятий по ее реализации) на муниципальном уровне *является факультативным документом*, т.к. такие документы законодательно обязательными не яв-

ляются, а «могут разрабатываться, утверждаться и реализовываться» по решению органов местного самоуправления. Обязательными же к принятию и реализации на муниципальном уровне остаются документы стратегического планирования, предусмотренные Бюджетным кодексом Российской Федерации и применяемые для различных горизонтов бюджетного планирования (прогноз социально-экономического развития, бюджетный прогноз, муниципальные программы).

При анализе принципов стратегического планирования и полномочий органов местного самоуправления применительно к крупнейшим городам обращает на себя внимание наличие некоторых противоречий. Так, одним из принципов стратегирования в России, согласно Федеральному закону № 172-ФЗ, является разграничение полномочий. Это означает, что участники стратегического планирования самостоятельно определяют цели и задачи социально-экономического развития (в данном контексте — муниципальных образований), а также пути достижения этих целей и решения задач. При этом принятие решения о разработке стратегии социально-экономического развития муниципального образования и ее утверждение отнесено к исключительной компетенции местного самоуправления⁸, *полномочия и функции которого*, а также ресурсная база законодательно отграничены и не соотносятся со сложной системой муниципального образования мегаполиса (с экономической, социальной, территориальной, общественной, управленческой, административной и другими составляющими), со множеством элементов, относящихся к различным уровням власти и формам собственности, со своими интересами, полномочиями, компетенциями, ресурсами. Приведем пример, иллюстрирующий ресурсную обеспеченность на уровне местного самоуправления.

Основу активов местного самоуправления составляет местный бюджет, а бюджетообразующими источниками доходов в значительной мере являются налог на доходы физических лиц и межбюджетные трансферты из вышестоящих бюджетов, в основном строго целевого назначения. Это обусловлено централизацией на вышестоящем уровне основной доли налоговых доходов, собираемых на территории муниципального образования с последующим перераспределением по уровням бюджетов в соответствии с полномочиями органов государственной власти и местного самоуправления. Объемы доходов бюджетов крупнейших городов и их соотношение объемами доходов бюджетов соответствующих субъектов Федерации приведены в *таблице 2* (по данным за 2022 г.).

Таким образом, очевидно, что органы местного самоуправления не обладают достаточными ресурсами и полномочиями как для принятия решений, определяющих долгосрочные стратеги-

⁸ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

ческие цели муниципалитета, задачи по их достижению, необходимые механизмы и ресурсы, так и для их практической реализации.

Для устранения указанных противоречий стратегирования в крупнейшем городе можно предложить два варианта.

Т а б л и ц а 2

Соотношение доходов бюджетов крупнейших городов – муниципальных образований и бюджетов субъектов Российской Федерации

Субъект Федерации / крупнейший город	Показатели доходов бюджетов		
	Доходы консолидированного бюджета субъекта Федерации, млн руб.	Доходы бюджета крупнейшего города – административного центра субъекта Федерации	
		всего, млн руб.	доля в доходах бюджета субъекта Федерации, %
Воронежская область / Воронеж	208 011,5	39 027,2	18,8
Краснодарский край / Краснодар	524 277,1	51 597,9	9,8
Волгоградская область / Волгоград	181 019,9	32 943,0	18,2
Ростовская область / Ростов-на-Дону	343 082,6	54 363,5	15,8
Республика Башкортостан / Уфа	329 549,8	45 839,2	13,9
Республика Татарстан / Казань	517 310,9	39 830,9	7,7
Пермский край / Пермь	256 930,6	49 720,6	19,4
Нижегородская область / Нижний Новгород	331 518,7	68 314,9	20,6
Самарская область / Самара	339 418,1	46 504,9	13,7
Свердловская область / Екатеринбург	450 919,5	66 329,6	14,7
Челябинская область / Челябинск	300 892,4	53 823,4	17,9
Красноярский край / Красноярск	444 973,7	52 102,6	11,7
Новосибирская область / Новосибирск	322 556,2	67 307,8	20,9
Омская область / Омск	159 801,2	34 016,0	21,3
<i>Итого</i>	<i>4 710 262,2</i>	<i>701 721,5</i>	<i>14,9</i>

Источник: составлено по [8, с. 980–983] и отчетности об исполнении бюджетов, размещенной на официальных сайтах органов местного самоуправления.

Первый вариант. Стратегия города утверждается и реализуется как отдельный документ стратегического планирования, она учитывает всю многогранность и многозадачность элементов сложной системы ме-

гаполиса, соответственно с релевантным ресурсным и организационным обеспечением. Для этого в разработке стратегии необходимо участие представителей всех заинтересованных структур, широкое обсуждение с общественностью, экспертным сообществом, а при ее реализации — системное и эффективное межуровневое и межведомственное взаимодействие. Реализация такой стратегии возможна с применением элементов проектной деятельности на основе синтеза стратегического, государственного и проектного управления. Соответственно, требуется проработка вопроса о механизме утверждения стратегии и органе, принимающем решения.

Второй вариант. Стратегия города как отдельный документ не разрабатывается, а является частью стратегии региона. Управление стратегией осуществляется на региональном уровне, органы местного самоуправления выполняют мероприятия в соответствии с полномочиями и имеющимися в распоряжении ресурсами.

Некоторые противоречия системы в крупнейших городах

Отмечаемые недостатки системы стратегирования справедливы и, возможно, даже более очевидны на муниципальном уровне. Стратегии муниципалитетов, как отмечено выше, не являются обязательными документами стратегического планирования, а какие-либо требования, руководства, методические подходы к формированию и реализации муниципальных стратегий не приняты ни на федеральном, ни на региональном уровне. В результате каждое муниципальное образование, принимающее решение о стратегировании, *само устанавливает и утверждает правила* разработки, реализации, мониторинга, корректировки документов стратегического планирования. При этом региональное стратегирование, в свою очередь, регулируется нормативными правовыми актами субъектов Федерации. В результате практика стратегирования на субфедеральном уровне представляет собой многообразие подходов и вариантов, зачастую даже без формальных признаков единства подходов в системе управления «регион — муниципалитет». Это прослеживается по сопоставлению периодов, на которые рассчитана стратегия, проведению (либо не проведению) корректировки стратегии при существенном изменении условий и задач, сопряжению дат утверждения и корректировки стратегий муниципалитета и соответствующего региона. Наглядно это иллюстрирует *таблица 3*.

На *рисунке* показано, что единый период стратегического планирования отсутствует, в основном срок действующих стратегий рассчитан на период до 2030 г. или до 2035 г. (в отдельных случаях, это 2025, 2026 или 2034 гг.). В нескольких регионах *не согласованны* между собой и сроки действия стратегий муниципалитета и субъекта Федерации.

Т а б л и ц а 3

Сведения о согласованности сроков принятия, корректировки и периодов действия стратегий крупнейших городов – муниципальных образований и субъектов Российской Федерации

Крупнейший город/ субъект Федерации	Дата утверждения стратегии		Дата последней корректировки стратегии		Период действия стратегии	
	Муниципалитет	Субъект Федерации	Муниципалитет	Субъект Федерации	Муниципалитет	Субъект Федерации
Воронеж / Воронежская область	19.12.2018	17.12.2018	-	23.12.2019	До 2035	До 2035
Краснодар / Краснодарский край	19.11.2020	11.12.2018	-	05.12.2023	До 2030	До 2030
Волгоград / Волгоградская область	25.01.2017	24.12.2021	30.01.2014	13.10.2023	До 2034	До 2030
Ростов-на-Дону / Ростовская область	21.12.2018	26.12.2018	15.08.2023	25.09.2023	До 2035	До 2030
Уфа / Республика Башкортостан	19.12.2018	20.12.2018	23.12.2020	17.05.2023	До 2030	До 2030
Казань / Республика Татарстан	14.12.2016	17.06.2015	16.12.2021	25.12.2019	До 2030	До 2030
Пермь / Пермский край	22.04.2014	01.12.2011	22.08.2023	06.12.2012	До 2030	До 2026
Нижний Новгород / Нижегородская область	-	21.12.2018	-	17.04.2023	До 2022	До 2035
Самара / Самарская область	26.09.2013	12.07.2017	13.12.2022	28.06.2022	До 2025	До 2030
Екатеринбург / Свердловская область	10.06.2003	21.12.2015	25.05.2018	05.07.2023	До 2030	До 2030
Челябинск / Челябинская область	29.06.2021	31.01.2019	-	08.04.2024	До 2035	До 2035
Красноярск / Красноярский край	18.06.2019	30.10.2018	-	-	До 2030	До 2030
Новосибирск / Новосибирская область	24.12.2018	19.03.2019	-	27.12.2022	До 2030	До 2030
Омск / Омская область	19.12.2018	12.10.2022	19.07.2023	22.03.2023	До 2030	До 2030

Источник: составлено по данным правовых актов об утверждении стратегий, размещенных в системе Консультант Плюс.

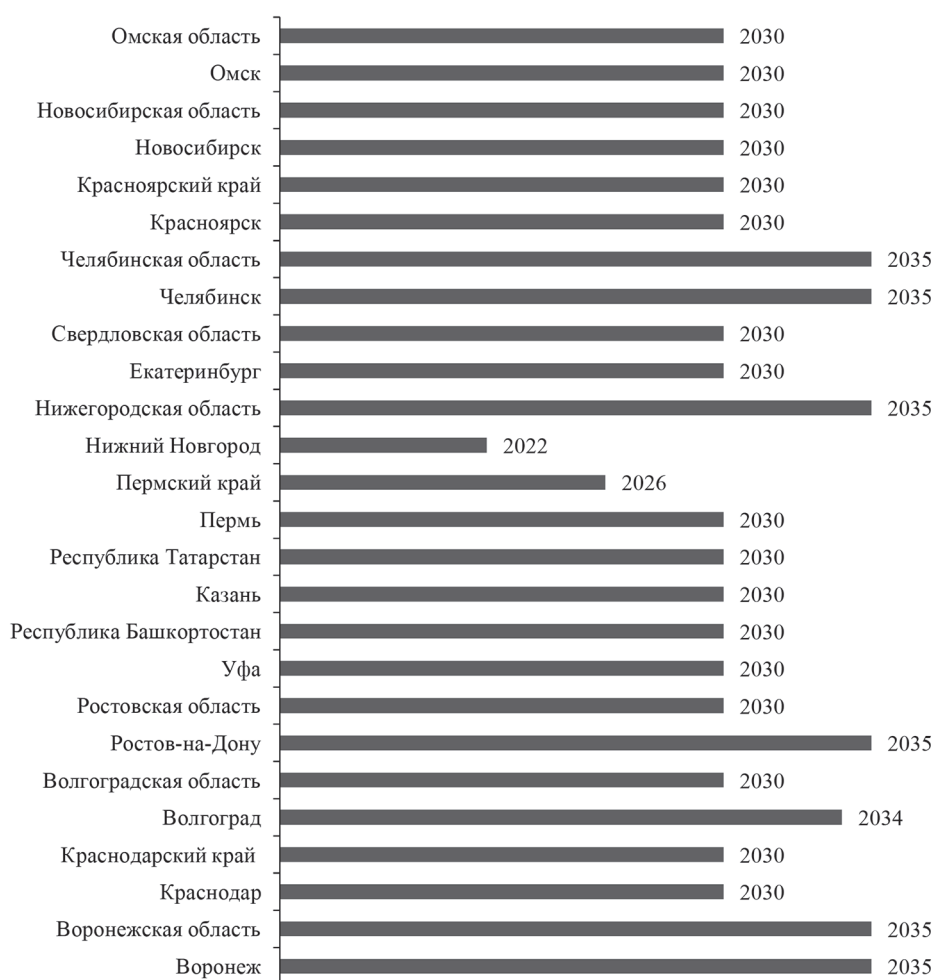

Рис. Периоды действия стратегий крупнейших городов и субъектов Российской Федерации

В большинстве случаев не прослеживается согласованность дат принятия региональных и муниципальных стратегий и их последующих корректировок. В ряде регионов и муниципалитетов стратегии зафиксированы еще на допандемийном периоде, т.к. показатели стратегий не корректировались с 2018–2019 гг. Вышеизложенные примеры могут свидетельствовать об отсутствии единой системы стратегирования на субфедеральном уровне и недостаточной востребованности стратегий в процессе государственного и муниципального управления в регионах. Для более детального анализа ситуации требуется исследование ключевых показателей стратегий, а также определение критериев оценки полученных данных.

Список литературы

1. Митрофанова И.В., Авксентьев В.А., Суций С.Я. О необходимости совершенствования основ государственного стратегического планирования в РФ // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 2. С. 44–55.
2. Метелева Е.Р. Четверть века практики стратегирования в Российской Федерации: краткий обзор проблем и перспектив // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32. № 4. С. 690–700.
3. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения // Инновации. 2020. № 2 (256). С. 24–28.
4. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Стратегическое планирование и новые ориентиры политики регионального развития в Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 5. С. 21–41.
5. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Стратегирование в условиях неопределенности: цели и инструменты // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2023. № 1. С. 7–26.
6. Формирование институтов регулирования рисков стратегического развития / В.И. Авдийский, П.Ю. Барышников, В.П. Бауэр [и др.]. М.: Когито-Центр, 2019. 454 с.
7. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 460 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 01.06.2024).
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. 1126 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.06.2024).

References

1. Mitrofanova I.V., Avksent'ev V.A., Sushchii S.Ia. O neobkhodimosti sovershenstvovaniia osnov gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniia v RF [On the Need to Improve the Foundations of State Strategic Planning in the Russian Federation], *Regional'naia ekonomika. Iug Rossii* [Regional Economics. South of Russia], 2020, Vol. 8, No. 2, pp. 44–55. (In Russ.).
2. Meteleva E.R. Chetvert' veka praktiki strategirovaniia v Rossiiskoi Federatsii: kratkii obzor problem i perspektiv [A Quarter of a Century of Strategizing Practice in the Russian Federation: a Brief Overview of Problems and Prospects], *Izvestiia Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Baikal State University], 2022, Vol. 32, No. 4, pp. 690–700. (In Russ.).
3. Lenchuk E.B. Strategicheskoe planirovanie v Rossii: problemy i puti resheniia [Strategic Planning in Russia: Problems and Solutions], *Innovatsii* [Innovations], 2020, No. 2 (256), pp. 24–28. (In Russ.).
4. Bukhval'd E.M., Valentik O.N. Strategicheskoe planirovanie i novye orientiry politiki regional'nogo razvitiia v Rossiiskoi Federatsii [Strategic Planning and New Guidelines for Regional Development Policy in the Russian Federation], *Ekonomika: vchera, segodnia, zavtra* [Economics: Yesterday, Today, Tomorrow], 2015, No. 5, pp. 21–41. (In Russ.).
5. Ivanov O.B., Bukhval'd E.M. Strategirovanie v usloviakh neopredelennosti: tseli i instrumenty [Strategy Under Conditions of Uncertainty: Goals and Tools], *ETAP: ekonomicheskaiia teoriia, analiz, praktika* [STAGE: Economic Theory, Analysis, Practice], 2023, No. 1, pp. 7–26. (In Russ.).

6. Avdiiskii V.I., Baryshnikov P.Iu., Bauer V.P. et al. Formirovanie institutov regulirovaniia riskov strategicheskogo razvitiia [Formation of Institutions for Regulating Risks of Strategic Development]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2019, 454 p. (In Russ.).

7. Regiony Rossii. Osnovnye sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli gorodov. 2022: Stat. sb. [Regions of Russia. Basic Socio-Economic Indicators of Cities. 2022: Stat. Sat.], *Rosstat* [Rosstat], Moscow, 2022, 460 p. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (accessed 01 June 2024).

8. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2023: Stat. sb. [Regions of Russia. Socio-economic indicators: Stat. Sat.], *Rosstat* [Rosstat]. Moscow, 2023, 1126 p. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed 01 June 2024).

TRANSFORMATION DIRECTIONS FOR STRATEGIC PLANNING IN MAJOR RUSSIAN CITIES

Major Russian cities, as objects of strategic planning, deserve special attention due to their positioning as centers of economic growth with significant potential for addressing the region's vital issues. However, the approval of strategies for major cities, like other municipalities, falls within the competence of local self-government. The powers and functions of local self-government, as well as its resource base, are legislatively delineated and do not align with the complex system of a municipal megacity, encompassing economic, social, territorial, public, managerial, and administrative components. These outlined contradictions, along with organizational and legal shortcomings, can affect the comprehensiveness of applying strategic planning in the development and implementation of long-term urban development plans. Strategic planning in public administration is in a developmental phase; however, uncertainty regarding a systemic goal-setting document, insufficient methodological support, lack of coordinated activities among strategic planning participants, and adaptation to global challenges prevent the full utilization of its potential for managing economic development both at the national level and in individual regions and municipalities. Therefore, tools and methods for improving the practice of strategic planning in light of contemporary realities are necessary, along with the transformation of strategic management mechanisms in major cities aimed at eliminating the discrepancies between the competencies, powers, and resources of local self-government and the scale of strategic tasks to be addressed in a major city.

Keywords: municipal entity, region, socio-economic development strategy, economic development management, major cities.

JEL: R58, R12, P41, H70, O18

Дата поступления — 05.06.2024 г.

СПИЦЫНА Ольга Владимировна

Аудитор;

Контрольно-счетная палата городского округа город Воронеж /
ул. Средне-Московская, д. 10, г. Воронеж, 394018.

e-mail: spicinaov@mail.ru

SPITSYNA Olga V.

Auditor;

Voronezh Chamber of Control and Accounts / 10, Sredne-Moskovskaya Str.,
Voronezh, 394018.

e-mail: spicinaov@mail.ru

Для цитирования:

Спицына О.В. Направления трансформации стратегирования в крупнейших городах России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 96–109.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-96-109>

Р.А. БАБКИН

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА МОСКОВСКОЙ МЕТРОПОЛИИ

Ввиду масштабов концентрации населения и экономики Москва является мегаполисом, формирующим вокруг себя обширную зону влияния. Накопленный экономический и финансовый потенциал столицы, а также ее огромный потребительский спрос устойчиво выступают в качестве важнейших факторов развития окружающих регионов Нечерноземья. Эти регионы могут рассматриваться в качестве периферии Московской метрополии — складывающейся вокруг Москвы наагломерационной пространственной структуры. На протяжении постсоветского периода наблюдается устойчивый тренд на централизацию демографических, экономических и инвестиционных ресурсов в Москве и Московской области. Активный прирост населения, проникновение инвестиций и активная субурбанизация в ближайшей к Москве 50–60-километровой зоне происходит на фоне социально-экономической депрессии сельской местности, малых и средних городских центров в более удаленных от столицы районах. На сегодняшний день Москва и 60-километровая зона вокруг нее концентрируют 65% населения метрополии, а также свыше 80% ее валового продукта и инвестиций в основной капитал. Эта же зона активных суточных маятниковых трудовых миграций в Москву (до 1,5 млн чел. ежедневно), которые совершают от 15 до 60% всего проживающего здесь трудоспособного населения. Наряду с этим существуют предпосылки для перспективного развития в составе метрополии и более удаленных территорий. В частности, наблюдается интеграция региональных рынков труда с московским посредством альтернативных форматов работы: свыше миллиона жителей периферии являются отходниками, широко распространена удаленная и гибридная занятость. Немаловажным фактором социально-экономического развития «обескровленной» сельской местности периферийной метрополии служит заполнение ее 4 млн горожанами-дачниками в летний сезон. Таким образом, вхождение в состав Московской метрополии окружающих столицу регионов наряду с рисками создает для них уникальные интеграционные возможности и задает стратегический вектор пространственного развития.

Ключевые слова: Московская метрополия, регион, данные сотовых операторов, маятниковые трудовые миграции, валовый региональный продукт, инвестиционная привлекательность.

JEL: R10, R11, R12

Москва, являясь главным экономическим и политическим центром России, привлекает трудовые, финансовые и инвестиционные ресурсы из всех регионов страны, а ее развитие стимулируется агломерационным эффектом и административной рентой столичного статуса [1; 2]. В постсоветский период вокруг нее наблюдается процесс складывания наднагломерации — *метрополии*, в результате срастания ареала влияния столичной агломерации с зонами влияния других региональных агломераций ЦФО¹ [3; 4; 5]. Тренд на метрополизацию, характерный для всего мира (достаточно вспомнить Босваш в США, дельту Жемчужной реки в Китае или Токайдо в Японии), в российских реалиях приобретает специфику *в виде гипертрофии крупных центров*, обезлюживания сельских и малых городских населенных пунктов при одновременном складывании альтернативной системы расселения в виде дач [5].

Традиционно изучение системы расселения Москвы ограничивается Московской областью [6; 7], однако ограничивать влияние столицы одним лишь Подмосковьем было бы неправильно. Ее значительное воздействие испытывают на себе и другие регионы Центральной России: формируются классические центр-периферийные отношения, в которых центр эксплуатирует ресурсы периферии (потоки трудовых ресурсов), в свою очередь становясь источником инноваций и капитала для них (в виде инвестиции или, например, дачных рекреантов) [8; 9].

Отметим, что многие предпосылки создания Московской метрополии активизировались именно в постсоветский период. Основными событиями, определившими ее структуру, стали:

- переход к рыночной экономике и терциализация экономики Москвы и окружающих ее регионов;
- развитие транспортной инфраструктуры (строительство скоростных автодорог, железных дорог и т.д.);
- возникновение новых форм торговли и досуга;
- рост социально-экономической дифференциации между центром и периферией;
- развитие альтернативных форматов маятниковых трудовых миграций (отходничество, вахта, гибридная занятость и т.д.);
- массовый приток иностранной рабочей силы;
- активная дачная субурбанизация;
- расширение границ Москвы.

В современный период одновременно с углублением процессов взаимодействия между Москвой и окружающими территориями происходит смена демографических трендов. Население нечерноземных областей стареет, наблюдается переход от естественного прироста к убыли населения, а также продолжается миграционный отток населения и его концентрация в крупных городских центрах.

¹ Что такое метрополии и как их развивать в России. URL: <https://www.csr.ru/ru/news/chto-takoe-metropolii-i-kak-ih-razvivat-v-rossii/> ; Большие данные для пространственного анализа. URL: <https://www.csr.ru/ru/research/bolshie-dannye-dlya-prostranstvennogo-analiza/>

Важным фактором развития метрополии стал возрастающий градиент в уровне доходов между населением Москвы и сопредельных регионов, что привело к *существенному увеличению ареала сбора маятниковых миграций*. Подобная ситуация в меньших масштабах сложилась и в региональных центрах, экономически возвысившихся над своими регионами. Помимо этого, произошло возрождение известного по дореволюционным временам явления *отходничества* (удлиненных ритмов маятниковых миграций) в столицу из сопредельных регионов, значительно усилившее интеграционные связи Московского региона с соседними областями.

Среди последних свидетельств приоритетности развития наднагломерации в Центральной России стало анонсированное президентом Российской Федерации на дне города Москвы в сентябре 2023 г. продление Московских центральных диаметров (МЦД) до центров сопредельных регионов (Тулы, Калуги, Твери и т.д.), встретившее позитивный отклик в экспертном и научном сообществе².

Структура расселения Московской метрополии

В статье проанализированы 10 субъектов Российской Федерации, которые можно отнести к Московской метрополии:

- Москва (ядро);
- Московская область (субъядро);
- периферия — Владимирская, Ивановская, Калужская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская и Ярославская области.

Как показывают исследования³ [8], именно на эти субъекты Федерации распространяется наиболее сильное социально-экономическое влияние Москвы, выраженное прежде всего в наличии тесных миграционных связей (маятниковые миграции, отходничество, дачная субурбанизация), а также в масштабном проникновении в них московского капитала.

Регионы, входящие в состав Московской метрополии, — чрезвычайно разные по своим демографическим и экономическим характеристикам, а целостный анализ ее пространственной структуры требует рассмотрения *нескольких основных взаимосвязанных структур*: расселения, экономики, инвестиций, рынка труда и дачной рекреации.

Только в Москве и Московской области в постсоветский период происходил рост населения с преобладанием механического прироста над естественным на протяжении 1990–2022 гг. (если не принимать во внимание краткосрочный период стрессовых миграций 1990–1995 гг.)⁴. В остальных регионах наблюдалось сокращение населения в этот временной период за счет и механической, и естественной убыли. С 2010 г. неустойчивой стабилизации численности населения смогли добиться

² Путин заявил о продлении диаметров наземного метро в том числе до Калуги и Тулы. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18694203>

³ Что такое метрополии и как их развивать в России. URL: <https://www.csr.ru/ru/news/chto-takoe-metropolii-i-kak-ih-razvivat-v-rossii/>

⁴ Население // Федеральная служба государственной статистики. 1991–2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

Ярославская и Калужская области, что можно объяснить улучшившейся экономической обстановкой, привлекающей мигрантов из менее благополучных регионов.

Среди регионов метрополии *нет субъектов Федерации (помимо Москвы), где наблюдался бы естественный рост населения*, что служит отражением демографического кризиса «стареющих» регионов Центральной России. Одновременно происходит активный миграционный приток в Москву и Подмоскowie. Следовательно, столичный регион является привлекательным для мигрантов. При этом применительно к другим регионам метрополии важно отметить, что наблюдаемый миграционный отток, как правило, осуществляется в Москву и Подмоскowie, т.е. остается в пределах метрополитенского ареала.

Для лучшего понимания структуры и динамики расселенческой ткани метрополии необходимо произвести анализ пространственной дифференциации упомянутых регионов. Основу расселенческого и экономического каркаса составляет сеть городских населенных пунктов. Регионы, слагающие Московскую метрополию, характеризуются разным уровнем развития городской сети и направленности ее социально-экономических изменений. Общую направленность социально-экономического развития городской системы расселения можно проанализировать при помощи представленной в *таблице 1 матрицы переходов городов из одного класса людности в другой* за 20-летний период с 2002 по 2022 г.

Таким образом, на территории метрополии в 2002 г. находилось 218 городов, а по данным на 2022 г. — 217⁵. За это время произошли некоторые изменения в структуре городов в связи:

- 1) с переходом населенных пунктов из категории «рабочий поселок» в категорию «город»⁶;
- 2) с переходом населенных пунктов из категории «поселок городского типа» в категорию «город»⁷;
- 3) с вхождением в состав других городов на правах микрорайонов⁸;
- 4) с включением городов в состав столицы Щербинки и Троицка (с сохранением статуса города).

Из матрицы мы видим, что численность *городов с населением до 10 тыс. чел.* увеличилась с 34 до 46. Это произошло за счет сокращения населения в 12-ти городах, ранее относившихся к категории городов 10–25 тыс. чел. Остальные 34 города сохранили свою категорию, практически во всех случаях сократив свое население (исключением стали Медынь в Калужской области и Верея — самый маленький город Московской области), что свидетельствует о *серьезном кризисе самых малых городов метрополии*.

⁵ Включая Москву без входящих в ее состав Троицка и Щербинки.

⁶ Белоусово и Кремёнки (Калужская обл.).

⁷ Ермолино (Калужская обл.), Голицыно, Кубинка, Старая Купавна, Котельники, Белоозёрский (Московская область).

⁸ Северо-Задонск в состав города Донской и Сокольники в состав города Новомосковск в Тульской области; Сходня в состав города Химки, Ожерелье в состав города Кашира, Юбилейный в состав города Королёв, Железнодорожный в состав города Балашиха и Климовск в состав города Подольск в Московской области.

Т а б л и ц а 1

Матрица переходов городов из одного класса плотности в другой

Население (в тыс. чел.)	В 2002 г. ↓	0-10	10-25	25-50	50-100	100-200	200-300	300-400	400-500	500-750	750-1000	>1000	Исчезли
0-10	34	34											
10-25	72	12	52	4									4
25-50	47		9	33	2								3
50-100	35			6	22	6							1
100-200	2				1	12	4	1		1			1
200-300	1					1							
300-400	3							3					
400-500	2								2				
500-750	3								1	2			
750-1000	-												
>1000	1											1	
Появились	8		7		1								
Итого в 2022 г. →		46	68	43	26	19	4	4	3	3	-	1	

Источник: рассчитано по [10].

Следующая категория городов (10–25 тыс. чел.) несколько уменьшилась с 72 до 68. В 12 из них сократилось население, еще 4 были включены в состав других центров. Наряду с этим 7 населенных пунктов получили городской статус, еще 9 городов перешли в данную категорию из состава 25-тысячников. Кроме того, города Киржач, Балабаново, Апрелевка, Лосино-Петровский смогли повысить свой статус. Причем первые три в связи с включением в их состав соседних поселков и деревень. В свою очередь из 52 городов, сохранивших свою категорию, только 12 сохранили или увеличили людность (из них 10 – в Московской области), что также *подтверждает кризис малых городов*.

Число городов с людностью 25–50 тыс. чел. за полтора десятилетия изменилось с 47 до 43. За данный период повысили свою категорию только два города – Дзержинский и Донской (за счет слияния с городом Северо-Задонск). Девять городов перешли в более низкую категорию, что объясняется наложением друг на друга естественной и миграционной убыли населения. Кроме того, Котельники получили статус города, войдя в данную категорию, а города Вышний Волочек, Рославль, Ярцево и Кимры потеряли статус 50-тысячников. Также город Юбилейный вошел в состав Королева, а Троицк и Щербинка стали частью Москвы. Из сохранивших категорию 33 городов 27 потеряли население, и только 6 выросли (5 из них – в Московской области). Таким образом, и в верхнем эшелоне малых городов наблюдается кризисная ситуация, характерная для небольших населенных пунктов Центральной России.

Число городов категории 50–100 тыс. чел. уменьшилось с 35 в 2002 г. до 26 в 2018 г. Изменения произошли как за счет выбытия четырех городов в меньшую категорию, так и за счет перехода 6 городов Московской области (Реутов, Долгопрудный, Раменское, Домодедово, Красногорск и Пушкино) в разряд 100-тысячников. Кроме того, Климовск вошел в состав Подольска. Из 22 городов, сохранивших свою категорию, в указанный период 12 потеряли население, а 10 увеличили (все в Московской области). В результате мы видим, что *средние города внешней периферии метрополии* (примерно на удалении более 50–60 км от Москвы) также находятся в неблагоприятном демографическом положении.

Число городов-стотысячников уменьшилось с 20 до 19. Наряду с 6 городами, перешедшими в данную категорию из группы 50-тысячников, 6 – покинули категорию, повысив численность своего населения. Статус 100-тысячника потерял Сергиев Посад. Город Железнодорожный покинул группу, войдя в состав Балашихи, а крупный город Рыбинск в результате депопуляции понизил свою людность с 220 до 190 тыс. чел.

Вместо покинувшего группу 200-тысячников Рыбинска в нее вошли 4 города – спутника Москвы: Мытищи, Королев, Люберцы и Химки, прибавив население на 25–50%. Их рост объясняется интенсивным жилищным строительством, муниципальными реформами по изменению

административных границ и становлением этих городов как ближних пригородов Москвы. Таким же путем к существующим трем *300-тысячникам* (Владимиру, Калуге и Смоленску) прибавился Подольск, а место выбывшей из состава *полумиллионников* Тулы заняла Балашиха (присоединившись в этом статусе к Рязани и Ярославлю). Тверь и Иваново же, наряду с Тулой, сформировали группу *400-тысячников*.

В целом в метрополии наблюдается *катастрофичное положение малых и средних городов* (расположенных далее 50–60 км от МКАД), жителей которых перетягивают более крупные города – Москва, областные центры, а также города Московской агломерации, что отчетливо видно на *рисунке 1*. Дополнительно на миграционный отток здесь накладывается и депопуляция «старого» населения областей Нечерноземья.

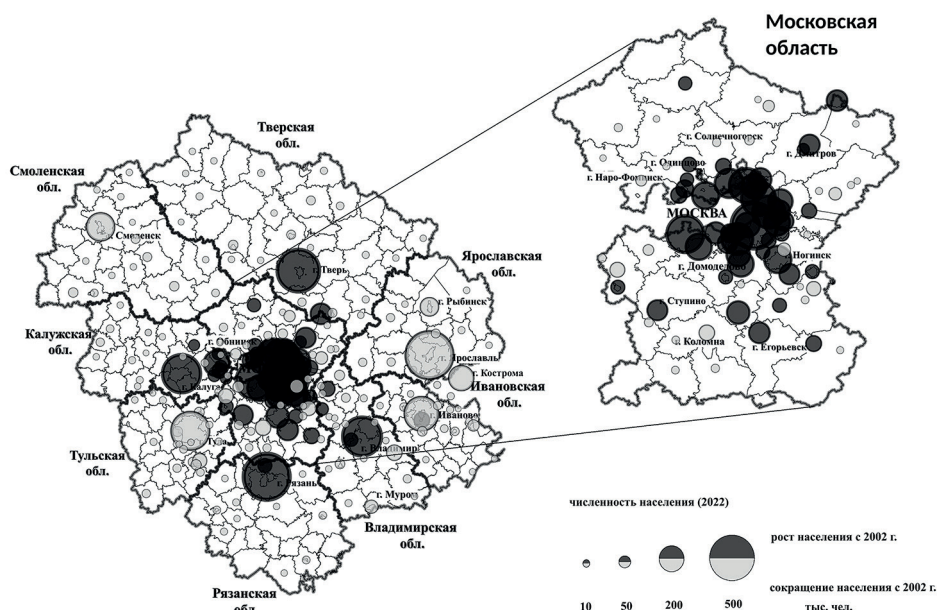

Рис. 1. Динамика системы расселения Московской метрополии в 2002–2022 гг.

Источник: составлено на основе [10].

Около 90% малых городов в большей или меньшей степени в 2002–2022 гг. теряли свое население. Несколько лучше обстоит ситуация среди средних городов, где в обозначенный период сохранили или улучшили свои позиции 40% городов (в основном в 50–60-километровой зоне удаленности от Москвы). Среди крупных и крупнейших центров треть также теряла население. Наконец, отдельно стоит сказать о Москве, которая *увеличила свое население почти на 2,5 млн чел.*

Экономическая структура Московской метрополии

Экономическая деятельность распределена в регионах еще более неравномерно, чем население. На рисунке 2 представлена *диспозиция экономической деятельности* на основе анализа экономических карт регионов метрополии.

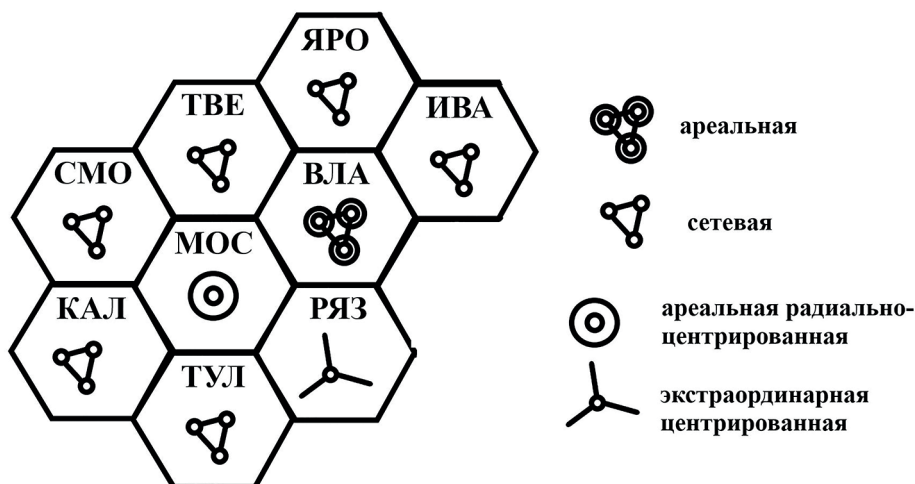

Рис. 2. Пространственная диспозиция экономической деятельности регионов Московской метрополии

Источник: составлено на основе анализа экономических карт.

Можно увидеть, что *ареальную диспозицию хозяйственной деятельности* имеет Владимирская область, где она достаточно равномерно сосредоточена по всему региону.

Сетевую диспозицию имеют Ивановская, Смоленская, Тверская, Тульская, Калужская и Ярославская области. Здесь экономическая деятельность хоть и не имеет повсеместного распространения, но опирается на достаточно развитую систему опорных пунктов-городов.

Экстраординарную центрированную диспозицию имеет Рязанская область, где экономическая деятельность практически полностью сосредоточена в административных центрах.

Московская область характеризуется *ареальной радиально-центрированной экономической структурой*, связанной с тяготением всех форм экономической деятельности к Москве.

Согласно экономическим показателям, регионы столичной метрополии формируют экономическое ядро страны. На них приходится треть всего странового ВВП⁹. При этом за постсоветский период *совокупная роль регионов метрополии возросла* — с 19,5% ВВП в 1995 г. до почти 30% в 2022 г. (см. табл. 2).

⁹ Вторая по размерам Санкт-Петербургская агломерация формирует в пять раз меньший объем ВРП.

Т а б л и ц а 2

Доля регионов Московской метрополии в ВВП России в 1995 и 2022 гг.

Субъект Федерации	2022		Доля в 1995, %
	ВРП в трлн руб.	Доля, %	
<i>РФ в целом</i>	<i>140,67</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>
Владимирская область	0,78	0,55	0,76
Ивановская область	0,36	0,26	0,46
Калужская область	0,69	0,49	0,58
Рязанская область	0,62	0,44	0,74
Смоленская область	0,48	0,34	0,56
Тверская область	0,63	0,45	0,83
Тульская область	1,00	0,71	0,88
Ярославская область	0,75	0,53	1,05
Московская область	7,72	5,49	3,38
г. Москва	28,51	20,27	10,25
<i>Московская метрополия</i>	<i>41,55</i>	<i>29,54</i>	<i>19,49</i>

Источник: рассчитано по [11].

Однако возросшая доля столичной метрополии в России обеспечена исключительно Москвой и Московской областью. Вклад остальных регионов столичной метрополии в общестрановую экономику на протяжении постсоветского периода был не просто небольшим (каждый регион приносил не более 0,75% ВВП, а большинство – менее 0,5%), он *поступательно сокращался*. За четверть века все периферийные регионы утратили от 20% (Тульская и Калужская области) до половины (Ярославская область) от своей прежней доли в валовом страновом продукте.

В результате можно говорить о *существенном усилении роли Москвы и ее ближайшей периферии* (условно в границах Московской области) в экономике страны при значительном ослаблении внешней периферии в виде остальных регионов метрополии. В то же время сложившаяся в метрополии структура расселения и диспозиция экономической деятельности формирует предпосылки для перспективного *выстраивания многоуровневой иерархизированной системы* расселения и экономики.

Инвестиционная структура Московской метрополии

С точки зрения *привлечения инвестиций* несомненный лидер метрополии – Москва. Концентрируя пятую часть всей экономики России, столичные и глобальные функции, она привлекла в 2022 г. 5,92 трлн руб. инвестиций в основной капитал (в пересчете на душу населения это 453 тыс. руб.), или 21,2% всех инвестиций в российские регионы, тогда

как вся метрополия целиком в этот год сосредоточивала в себе 29,4% инвестиций (см. рис. 3).

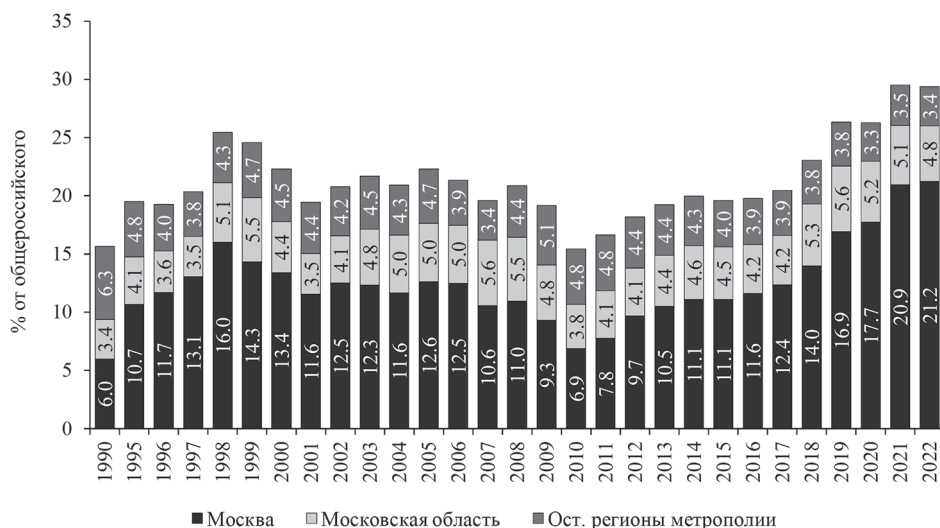

Рис. 3. Доля Московской метрополии в объеме инвестиций в основной капитал в России в постсоветский период (1990, 1995–2022 гг.)

Источник: рассчитано по [12].

Большой объем налоговых доходов позволяет столице генерировать значительный объем инвестиций из собственного бюджета, а столичный статус — привлекать федеральные инвестиции¹⁰. На Московскую область приходится уже более чем вчетверо меньшая доля страновых капитальных вложений — 4,8% в 2022 г., а на остальные регионы метрополии вместе взятые — только 3,4%. Стоит отметить, что в отдельные годы на протяжении постсоветского периода роль Москвы и Московской области снижалась. Например, в 2007–2014 гг. доля Москвы составляла в инвестициях метрополии менее половины объема (а не 3/4, как сейчас).

Стоит отметить, что «немосковские» регионы метрополии существенно отстают от двух столичных субъектов Федерации не только по доле в инвестициях страны, но и по *душевым показателям инвестиций*. Сопоставимые с Московской областью (155 тыс. руб. на душу населения) значения привлеченных инвестиций наблюдаются лишь в Тульской, Владимирской и Калужской областях (125–145 тыс. руб. на душу населения). В остальных регионах душевые показатели существенно меньше и варьируют в диапазоне 65–95 тыс. руб., что в 5–7 раз ниже показателя по Москве.

Регионы метрополии значительно различаются между собой и по *отраслевой структуре инвестиций в основной капитал*. В наблюдающихся различиях явно отражается центрo-периферийная закономерность: заметно бóльшая диверсифицированность капитальных вложений наблюдается в Москве и Московской области (при малой доле инвести-

¹⁰ В среднем от 10 до 16% инвестиций в основной капитал Москвы — бюджетные.

ций в промышленный комплекс заметная часть инвестиционных потоков направлена в научную и техническую деятельность, а также в большое разнообразие прочих третичных секторов экономики). При этом в окраинных субъектах метрополии вложения преимущественно направлены в промышленные сектора, а, если взглянуть чуть глубже, в ограниченное число секторов промышленной специализации этих регионов.

Тенденция вытеснения или переливания потоков отчетливо прослеживается при анализе инвестиционных показателей и характеристик на локальном уровне, в частности, на *рисунке 4*, где показано распределение инвестиций в основной капитал по муниципалитетам и расположение льготных инвестиционных площадок для инвесторов, проанализированных по открытым источникам.

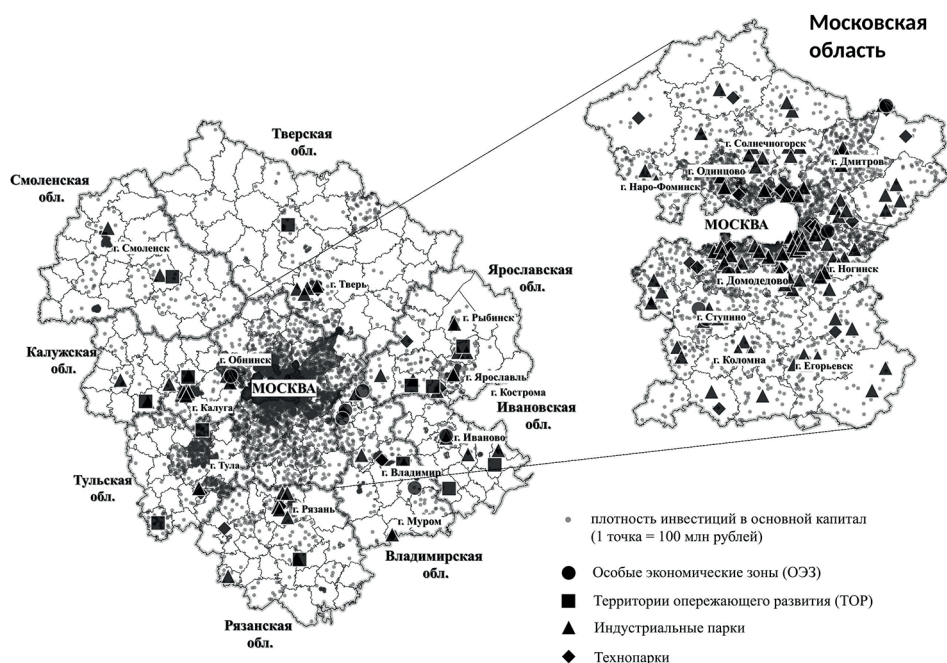

Рис. 4. Инвестиционная инфраструктура и инвестиции в основной капитал по муниципальным образованиям Московской метрополии в 2022 г.

Источник: составлено на основе данных муниципальной статистики и инвестиционных порталов ЦФО и отдельных регионов метрополии.

На сегодняшний момент около половины таких площадок оказываются сосредоточены на территории Московской области: 5 из 12 особых экономических зон, 102 из 146 промышленных парков и 19 из 72 технопарков.

В целом за последние десятилетия инвестиционный ландшафт Московской области стал более однородным. Противоположная ситуация наблюдается в остальных регионах метрополии: новые очаги инвестиционной активности пока не стали ретрансляторами инвестиционных потоков вглубь своих регионов, а, напротив, усилили

внутрирегиональную дифференциацию. Таким образом, имеет место выраженная пространственная диффузия инвестиционных потоков в соответствии с *эффектом соседства* (от Москвы в Московскую область, а затем в прилегающие к ней муниципалитеты остальных регионов), а не в соответствии с *иерархическо-волновой моделью* распространения — от крупных центров к меньшим.

Структура рынка труда Московской метрополии

Помимо стягивания населения метрополии к ее ядру в результате переезда на ПМЖ значительная часть жителей периферии вовлекается в орбиту тяготения столицы, *формально не меняя места своего проживания*, посредством различных форм трудового взаимодействия. К настоящему времени в столичной метрополии сложилась наивысшая за всю ее историю дифференциация типов трудовых практик. Наряду с масштабными и относительно изученными ежедневными маятниковым трудовым миграциями приобретает популярность удаленная и гибридная занятость. Сотни тысяч людей вовлечены в *отход и полутотход*¹¹ [13].

На *рисунке 5а* показана модель разделения метрополии на зоны с преимущественными суточными и удлинненными циклами трудовой мобильности граждан.

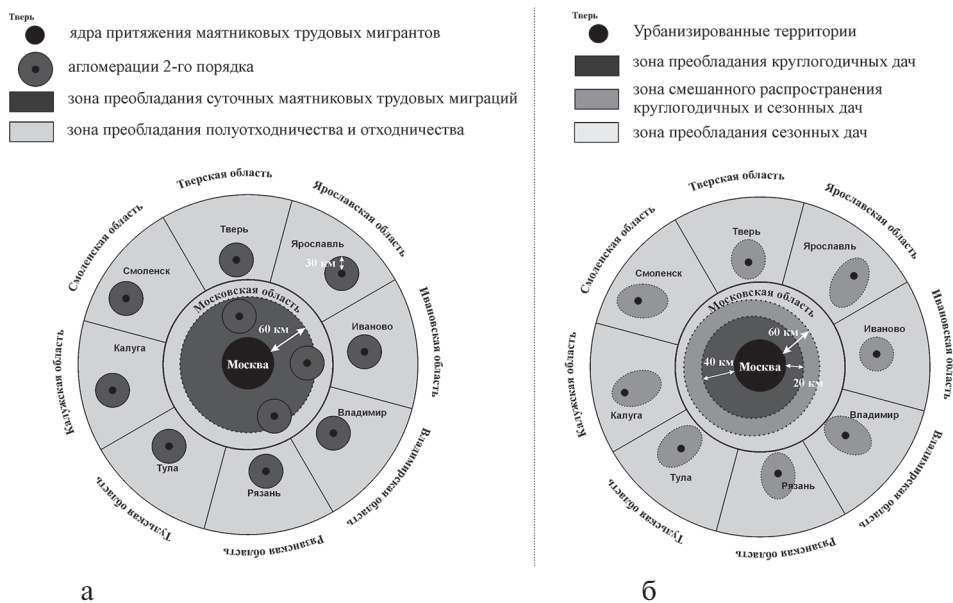

Рис. 5. Структуризация Московской метрополии по типам трудовой (а) и дачной (б) мобильности

Источник: составлено по [5; 8; 14].

¹¹ Расширение за их счет зоны трудового тяготения Москвы на значительную часть регионов Нечерноземья — одно из доказательств объективного формирования Московской метрополии, границы которой гораздо шире принятых в научной литературе границ агломерации.

Первая зона характеризуется активным участием жителей в *ежедневных маятниковых трудовых миграциях*. Численность ежедневных маятниковых мигрантов из Московской области в столицу оценивается в 1,2–1,5 млн чел. при значительно меньшем обратном потоке (0,3–0,4 млн чел.) [14]. Дополнительно, на порядок меньшие, но устойчивые агломерации второго эшелона формируются вокруг всех рассматриваемых региональных столиц, а также некоторых крупных городов Подмосковья. Там же распространена замещающая трудовая мобильность, когда на место выезжающих в Москву жителей Московской области приезжают жители периферийных регионов метрополии.

Как и для других индикаторов социально-экономического развития, для трудовой мобильности характерен ярко выраженный центр-периферийный градиент. Это приводит к тому, что зона с высокой интенсивностью ежедневных трудовых корреспонденций охватывает лишь ближние и среднеудаленные пригороды. Так, доля граждан, работающих в Москве, снижается с 60% у МКАД до 15% на расстоянии 60 км от центра Москвы.

На расстоянии более 60 км от центра агломерации охват населения маятниковыми миграциями становится ниже границы в 15%, а на расстоянии 150 км маятниковые трудовые миграции практически полностью затухают.

За 60-километровой зоной от МКАД доминирование ежедневных трудовых миграций ослабевает, и значительная часть остальной территории Подмосковья охватывается уже *недельными (полуотходническими) и отходническими форматами* трудового взаимодействия с ядром.

Ареал «сбора» полуотходников и отходников для Москвы гораздо шире границ Московской области. По оценкам Росстата на 2022 г., основное место работы в Москве имели более 1,3 млн жителей других регионов страны¹². Причем Московская область обеспечивала только половину отходников и полуотходников, работающих в Москве, *остальная часть приезжала на работу из других регионов страны*, в т.ч. половина — из остальных регионов метрополии.

Нельзя исключать из внимания сектор рынка труда, образованный *гибридной и удаленной занятостью*.

Столичный регион, отличающийся наибольшей в стране концентрацией ИТ, креативных и иных индустрий, сосредоточивает и огромную массу удаленщиков. Расчеты мэрии Москвы в 2021 г. показали, что до 15% работников столицы, или 700–900 тыс. чел., работают удаленно¹³. Иные исследования, например, опросы сервисов Работа.ру¹⁴,

¹² Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>.

¹³ В мэрии назвали число работающих на удаленке в Москве сотрудников. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6051c8419a79476d5a8faef0>

¹⁴ Москва лидирует по числу удаленных сотрудников в России. URL: <https://hr-media.ru/moskva-lidiruet-po-chislu-udalennyh-sotrudnikov-v-rossii>

*Superjob.ru*¹⁵, ВЦИОМ¹⁶, дают еще большие значения удаленки — 16–38% от всех занятых. При этом география удаленщиков Москвы не ограничивается столицей и Подмосковьем, а *охватывает всю территорию России и даже другие страны*. При этом можно полагать, что жители регионов метрополии наиболее плотно вовлечены в такой формат занятости, что безусловно положительно влияет на территории их постоянного проживания (тратят свои более высокие московские зарплаты у себя дома).

Наконец, отдельного рассмотрения заслуживает сегмент рынка труда, связанный с *иностранной рабочей силой*. Москва обладает огромным и диверсифицированным рынком труда, который активно принимает иностранных мигрантов и является главным центром их притяжения на всем постсоветском пространстве. Имеющиеся данные МВД и Социального фонда (см. *таблицу 3*) показывают, что Московская метрополия концентрирует 46–58% всех иностранных трудовых мигрантов в стране.

Т а б л и ц а 3

Оценка численности иностранных трудовых мигрантов и их отдельных категорий в Московской метрополии в 2021–2023 гг., тыс. чел.

Показатель	Источник данных	Москва	Московская область	Остальные регионы Метрополии	Суммарно по Метрополии	Российская Федерация
Количество работников — иностранных мигрантов, 2021 г.	Социальный фонд России	684,9	222,2	106,2	1 013,3	1 753,7
Иностранные граждане в среднегодовой численности трудовых ресурсов, 2022 г.	ЕМИСС, данные баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда Росстата	967,4	496,5	187,1	1 651,0	3 471,5
Количество действительных патентов, конец 2023 г.	МВД России	546,0	330,4	110,4	986,8	2 133,1
Количество проживающих иностранцев, октябрь 2021 г. — октябрь 2022 г.	Данные сотовых операторов	910	915	н/д	н/д	н/д

Источник: рассчитано по данным сотовых операторов¹⁷ [15; 16].

¹⁵ Рожкова Е., Сутулин П., Каляпина Е. Работодатели конкурируют за сотрудников дистанционно. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2022/10/12/945024-rabotodateli-konkuriruyut-za-sotrudnikov-distantsionno>

¹⁶ Один из дома: удаленка в постпандемической жизни. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odin-iz-doma-udalenka-v-postpandemicheskoi-zhizni>

¹⁷ Предоставлены автору Департаментом информационных технологий Москвы.

При этом стоит принимать во внимание, что данные официальной статистики не всегда позволяют получить достоверные оценки числа и размещения временных и особенно нелегальных мигрантов. Например, данные сотовых операторов только для Москвы и области фиксируют *недоучет 0,4–0,9 млн иностранных работников*.

Таким образом, мы видим, что система трудовых связей плотно стягивает все пространство метрополии, которое служит продолжением рынка труда Москвы. Именно на регионы метрополии приходится почти 100% всех ежедневных трудовых маятниковых мигрантов и 75% трудовых мигрантов, работающих в удлинённых трудовых циклах в Москве. Метрополия является и крупнейшим местом концентрации вакансий удаленной занятости, а также главным аттрактором для иностранной рабочей силы в стране.

Дачно-рекреационная структура Московской метрополии

Постсоветский период ознаменовался активной дачной субурбанизацией всех регионов метрополии, ставших, по сути, местами проникновения московских дачников. На сегодняшний день Московская метрополия – крупнейший ареал распространения дач в стране (а по некоторым оценкам и в мире) [17]. Лидирует она и по новациям, включая изменения в характере использования дач и формах дачной мобильности.

Строительство дач происходило и в советское время, но после распада СССР приняло новый размах и вышло на качественно новый уровень, дополнившись новыми форматами их использования (в частности, как второго дома). С точки зрения пространственного развития метрополии, дачи выполняют три важные функции:

- 1) служат местами рекреации горожан в границах метрополии;
- 2) позволяют сохранять сильно деградировавшую за последнее столетие систему сельского расселения в Нечерноземье;
- 3) распространяют городской образ жизни на сельскую местность.

Стоит отметить, что дезурбанизация западного типа на территории метрополии *пока слабо выражена*. Если в Европе и Северной Америке в пригородной сельской местности круглый год проживают представители среднего класса, то на территориях Московской метрополии это либо богатые люди, живущие в изолированных коттеджных поселках (почти все из которых находятся в ближайшем 60-километровом поясе от МКАД), либо относительно небогатые граждане, живущие на деньги от сдачи городского жилья. Тем не менее число горожан, отдыхающих летом в сельской местности метрополии, уже превышает численность сельских жителей [18]. Так, по данным сотовых операторов, круглогодичную модель дач использует свыше 1 млн жителей метрополии и еще около 3 млн регулярно выезжают на дачи в летний сезон [5], а с учетом жителей других регионов метрополии их численность может превышать 4 млн чел.

Анализ сезонных колебаний численности населения по данным сотовых операторов позволяет разработать модель дачного расселения метрополии с выделением трех зон с разным *режимом использования дачного жилья*, представленных на рисунке 5б.

В 20-километровой зоне от МКАД (по некоторым направлениям, например, юго-запад и запад — до 40 км) распространена *круглогодичная втородомность*. Дачники, проживающие здесь, зачастую ведут образ жизни близкий западным субурбиям с ежедневными маятниковыми миграциями в город. При этом имеется и российская специфика — активный переток из вторых домов здесь в третьи дома — «*дальние дачи*», расположенные на более удаленных от Москвы территориях.

Следующий пояс (примерно 20–60 км от МКАД) — территории с распространением как круглогодично, так и сезонно населенных дач.

За шестидесятым километром от кольцевой автодороги до рубежей метрополии располагается самый большой в мире ареал *сезонного второго жилья* [17; 18].

Таким образом, функциональная организация дачного жилья в столичной метрополии *в основном подчинена центрo-периферийному градиенту*, хотя имеются и искажения, связанные с престижностью ряда направлений (западный и юго-западный румбы Подмосковья) и наличием природных аттракторов (например, живописных водоемов). Кроме того, на выделенные зоны, накладываются меньшие ареалы дачного расселения, формируемые вокруг других городов метрополии, особенно региональных центров. Наконец, нельзя не сказать и про активный процесс трансформации дачного жилья в селитебную застройку в прилегающих к Москве территориях (особенно в Новой Москве), что приводит к постепенному отодвиганию границы зоны распространения круглогодичных дач.

Заключение

Московская метрополия — пространственная структура, сформированная в ходе многовекового исторического процесса, а позиционная устойчивость территории метрополии как ключевого центра России неизменна на протяжении более чем 500 лет. Развитие агломерационных и урбанизационных процессов, заметно ускорившихся во второй половине XIX в. и в XX в., в общем виде сформировали структуру современной метрополии, определили иерархию ее центров и подцентров. В свою очередь совершенствование транспортной системы и возрастающая дифференциация в доходах между населением столицы и окружающих регионов привели к росту трудовых маятниковых миграций, что привело к слиянию границ агломераций соседних региональных столиц с Московской.

На протяжении всего постсоветского периода наблюдается устойчивый тренд на концентрацию демографических, экономических и инвестиционных ресурсов в Москве и Московской области. Динамика

ключевых социально-экономических показателей свидетельствует о том, что Москва оттягивает на себя не только молодежь и квалифицированные кадры, но и инвестиционные потоки, которые необходимы соседним регионам для развития. Несмотря на то, что процессы пространственной диффузии инвестиционных потоков от центра к периферии метрополии однозначно имеют место, радиус охвата интенсивным притоком инвестиций пока ограничивается Московской областью и прилегающими к ней муниципалитетами сопредельных регионов.

На сегодняшний день сложилась четкая центрально-периферийная структура Московской метрополии: наблюдается стягивание населения метрополии к центру, а большинство малых и средних городов за пределами 50–60-километровой зоны от МКАД испытывают устойчивую депопуляцию.

Экономическое и инвестиционное развитие происходит в поле высокодинамичного расселения. Рынок труда столицы тесно связан с регионами метрополии как ежедневными маятниковыми трудовыми миграциями, так и более длинными трудовыми циклами. Ареал широкого распространения ежедневных маятниковых трудовых миграций охватывает территорию лишь на расстоянии до 60 км от Московской кольцевой автодороги, а на расстоянии 150 км от столицы маятниковые трудовые миграции практически полностью затухают. За шестидесятым километром МКАД преимущество над ежедневным маятниковым перенимают удлиненные рабочие циклы — полутототходничество и отходничество. Число работающих в столице отходников составляет порядка 1,3 млн чел. (из которых 1 млн чел. приезжают работать из регионов метрополии), что сопоставимо с числом ежедневных трудовых коммьютеров, прибывающих в город из Московской области.

Поле расселения динамично не только благодаря трудовой, но и в результате рекреационной мобильности жителей. Московская метрополия является крупнейшим сосредоточением дачного жилья не только в России, но и в мире: около 1 млн москвичей проживает на дачах в круглогодичном режиме, а еще 3 млн — в теплый период года. Значительное распространение дач среди жителей других городов метрополии позволяет утверждать, что сеть сезонного расселения на территории метрополии может превышать 4 млн чел., формируя альтернативную систему расселения, поддерживающую жизнеспособность во многом деградировавшего каркаса сельского расселения Нечерноземья в летний период.

Таким образом, несмотря на продолжающуюся централизацию расселенческой и экономической структур метрополии, она оформляется *в единую пространственную систему*, в рамках которой каждой территориальной подсистеме отводится своя роль. Метрополитенский формат развития способен улучшить связность всех входящих в ее состав регионов, гармонизировать отношения между сельской и городской местностями, создать благоприятные условия для компромиссного развития населенных пунктов различного вида и статуса. Такой

путь развития может помочь снять многие проблемы, связанные с взаимодействием города и деревни, формируя взаимоинтегрированный сельско-городской континуум, объединяющий преимущества сельской и городской жизни, коммуникационную близость мегаполиса и природно-рекреационных аттракторов.

Наконец, постиндустриальный характер и лидирующее значение метрополии в общероссийском контексте выдвигают ее на первый план в вопросах конкуренции глобальных мировых центров и возлагают на нее основную роль в представлении страны на международной арене.

Список литературы

1. Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra. Москва как физическое и социальное пространство. 2012. № 6 (57). С. 6–19.
2. Дружинин А.Г. Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42.
3. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Демоскоп Weekly. 2012. № 517–518. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/demoscope517.pdf> (дата обращения: 03.11.2022).
4. Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения наднагломерационного уровня в России // Известия РАН. Сер. географическая. 2019. № 4. С. 31–45.
5. Makhrova A.G., Babkin R.A., Kirillov P.L., Kazakov E.E. Moscow Dachas: Will the Second Home Become the First? // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11. № 4. P. 555–568.
6. Argenbright R. Moscow on the Rise: From Primate City to Megaregion // The Geographical Review. 2013. № 103 (1). P. 20–36.
7. Makhrova A.G., Kirillov P.L., Bochkarev A.N. Commuting of the Population in the Moscow Agglomeration: Estimating Commuting Flows Using Mobile Operator Data // Regional Research of Russia. 2017. Vol. 7. № 1. P. 36–44.
8. Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, ред. А.В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 379 с.
9. Friedmann J. Regional Development Policy: A case Study of Venezuela. Boston: MIT Press, 1966. 276 p.
10. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2004–2022 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>
11. Валовой региональный продукт. 1995–2022 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>
12. Инвестиции в основной капитал. 1995–2022 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>
13. Плюсин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 288 с.
14. Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 68–78.

15. Иностранные граждане в среднегодовой численности трудовых ресурсов. 2022 // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36730>
16. Численность иностранной рабочей силы (патенты). 2023 // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58169>
17. Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 4. С. 22–32.
18. Махрова А.Г., Медведев А.А., Нefeldова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. № 2. С. 64–74.

References

1. Zubarevich N.V. Renta stolichnogo statusa [Rent of Metropolitan Status], *Pro et Contra. Moskva kak fizicheskoe i sotsial'noe prostranstvo* [Pro et Contra. Moscow as a Physical and Social Space], 2012, No. 6 (57), pp. 6–19. (In Russ.).
2. Druzhinin A.G. Prolongatsiia “moskvotsentrichnosti” rossiiskogo prostranstva: pro et contra [Prolongation of the “Moscow-Centricity” of the Russian Space: Pro et Contra], *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies], 2018, No. 5, pp. 29–42. (In Russ.).
3. Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. Moskva: megapolis? aglomeratsiia? megalopolis? [Moscow: a Metropolis? Agglomeration? Megalopolis?], *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2012, No. 517–518. (In Russ.). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/demoscope517.pdf> (accessed 03 November 2022).
4. Antonov E.V., Makhrova A.G. Krupneishie gorodskie aglomeratsii i formy rasseleniia nadaglomeratsionnogo urovnia v Rossii [The Largest Urban Agglomerations and Forms of Settlement at the Supra-Glomeration Level in Russia], *Izvestiia RAN. Ser. Geograficheskaiia* [Izvestia of the Russian Academy of Sciences. Ser. Geographical], 2019, No. 4, pp. 31–45. (In Russ.).
5. Makhrova A.G., Babkin R.A., Kirillov P.L., Kazakov E.E. Moscow Dachas: Will the Second Home Become the First? *Regional Research of Russia*, 2021, Vol. 11, No. 4, pp. 555–568.
6. Argenbright R. Moscow on the Rise: From Primate City to Megaregion, *The Geographical Review*, 2013, No. 103 (1), pp. 20–36.
7. Makhrova A.G., Kirillov P.L., Bochkarev A.N. Commuting of the Population in the Moscow Agglomeration: Estimating Commuting Flows Using Mobile Operator Data, *Regional Research of Russia*, 2017, Vol. 7, No. 1, pp. 36–44.
8. Staroosvoennye raiony v prostranstve Rossii: istoriia i sovremennost' [Old-Developed Areas in Russia: History and Modernity], edited by T.G. Nefedova, A.V. Starikova. Moscow, Tovariishchestvo nauchnykh izdaniia KMK, 2021, 379 p. (In Russ.).
9. Friedmann J. Regional Development Policy: A case Study of Venezuela. Boston: MIT Press, 1966, 276 p.
10. Regiony Rossii. Osnovnye sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli gorodov. 2004–2022 [Regions of Russia. Basic Socio-Economic Indicators of Cities. 2004–2022], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206>
11. Valovyi regional'nyi product. 1995–2022 [Gross regional product. 1995–2022], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

12. Investitsii v osnovnoi kapital. 1995–2022 [Investments in fixed capital. 1995–2022], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>
13. Plusnin Iu.M., Zausaeva Ia.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. Otkhodniki [Waste Workers]. Moscow, Novyi khronograf, 2013, 288 p. (In Russ.).
14. Makhrova A.G., Babkin R.A. Analiz pul'satsii sistemy rasseleniia Moskovskoi aglomeratsii s ispol'zovaniem dannykh sotovykh operatorov [Analysis of Pulsations of the Settlement System of the Moscow Agglomeration Using Data from Cellular Operators], *Regional'nye issledovaniia* [Regional Studies], 2018, No. 2 (60), pp. 68–78. (In Russ.).
15. Inostrannye grazhdane v srednegodovoi chislennosti trudovykh resursov. 2022 [Foreign Citizens in the Average Annual Number of Labor Resources. 2022], *EMISS* [EMISS]. (In Russ.). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/36730>
16. Chislennost' inostrannoi rabochei sily (patenty). 2023 [Number of Foreign Labor (Patents). 2023], *EMISS* [EMISS]. (In Russ.). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/58169>
17. Treivish A.I. “Dachevedenie” kak nauka o vtorom dome na Zapade i v Rossii [“Daching Studies” as a Science about the Second Home in the West and in Russia], *Izvestiia RAN. Seriiia geograficheskaiia* [Izvestia of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], 2014, No. 4, pp. 22–32. (In Russ.).
18. Makhrova A.G., Medvedev A.A., Nefedova T.G. Sadovo-dachnye poselki gorozhan v sisteme sel'skogo rasseleniia [Garden and Dacha Villages of Townspeople in the Rural Settlement System], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 5. Geografiia* [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography], 2016, No. 2, pp. 64–74. (In Russ.).

THE SPATIAL STRUCTURE OF THE MOSCOW METROPOLIS

Due to the scale of population and economic concentration, Moscow is a mega-polis forming a vast zone of influence around itself. The accumulated economic and financial potential of the capital, as well as its huge consumer demand, consistently act as the most important factors in the development of the surrounding regions of the Non-Chernozem region. These regions can be considered as the periphery of the Moscow Metropolis, a supra-agglomeration spatial structure developing around Moscow. During the post-Soviet period, there has been a steady trend towards the centralization of demographic, economic and investment resources in Moscow and the Moscow region. Active population growth, investment penetration and active suburbanization in the 50–60-kilometer zone closest to Moscow are taking place against the background of socio-economic depression in rural areas, small and medium-sized urban centers in areas more remote from the capital. Today, Moscow and the 60-kilometer zone around it concentrate 65% of the metropolitan population, as well as over 80% of its gross product and investments in fixed assets. This is also the zone of active daily pendulum labor migrations to Moscow (up to 1.5 million people daily), which are carried out by 15 to 60% of the total able-bodied population living here. Along with this, there are prerequisites for promising development as part of the metropolis and more remote territories. In particular, there is an integration of regional labor markets with Moscow, through alternative work formats – over a million residents of the periphery are othodniki (shift workers), remote and hybrid employment is widespread. An important factor in the socio-economic development of the “bloodless” rural area of the peripheral metropolis is the filling of its 4 million summer residents in the summer season. Thus, joining the Moscow Metropolis of the regions surrounding the capital, along with risks, creates unique integration opportunities for them and sets a strategic vector for their spatial development.

Keywords: Moscow metropolis, region, mobile operator data, pendulum labor migration, gross regional product, investment attractiveness.

JEL: R10, R11, R12

Дата поступления — 04.06.2024 г.

БАБКИН Роман Александрович

кандидат географических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36., г. Москва, 109992.

e-mail: babkin_ra@mail.ru

BABKIN Roman A.

Cand. Sc. (Geography), Senior Researcher of the Research Laboratory “Regional Policy and Regional Investment Processes”;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: babkin_ra@mail.ru

Для цитирования:

Бабкин Р.А. Пространственная структура Московской метрополии // Федерализм. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 110–130. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-110-130>

В.В. ВОРОЖИХИН**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ**

Стремительные изменения мироустройства, цифровая трансформация человеческой деятельности, обострение конкуренции за благоприятное будущее сформировали новый фокус борьбы за цифровые инновации. Меняется характер развития — оно становится социотехнологическим. Цифровизация принципиально меняет сферу науки и технологий, требования к знаниям и навыкам исследователей. Изменения науки выступают катализатором дальнейших изменений, скорость которых возрастает. Усиление роли искусственного интеллекта в условиях существующих ограничений его применения приводит к повышению роли человека как постановщика задач, главного партнера-участника, выгодополучателя и даже датчика. Ужесточение конкуренции за будущее и обострение геополитической ситуации приводит к росту значения науки, технологий и инноваций. Это принципиально меняет требования к организации науки, требующей дополнения существующей системы организаций сетевыми коммуникациями творческих коллективов и исследователей, формирования гибридного интеллекта за счет совместного обучения человека и искусственного интеллекта. Наука становится сетевой, выходящей за рамки организаций, обретает региональную и локальную составляющие. В условиях резкого увеличения разнообразия цифровых инноваций необходимым условием становятся научное взаимодействие исследователей, имеющих признание (рейтинг) в локальных областях знаний. Высокая скорость изменений требует включения оценки результатов научной деятельности в исследовательский процесс. Эффективные результаты нуждаются в создании процессов интеллектуального управления конвергенцией знаний и цифровыми инновациями социотехнологического развития на основе научных знаний.

Ключевые слова: цифровые инновации, автоматизация исследовательских процессов, регионализация и локализация науки, оценка результатов научной деятельности.

JEL: O32, O33

Современный мир развивается стремительно, его трансформации глубоки и многоаспектны, что отмечают подавляющее большинство исследователей. В частности, специалисты *McKinsey* считают [1], что в 2020 г. завершился третий этап послевоенного развития — эпоха рынков, которому предшествовали послевоенный бум и эпоха раздора. Проведя анализ принципиальных изменений оснований мироустройства, принципов и характеристик техплатформ, становления новой зеленой энергетики, значимых изменений демографических трендов и капитализации, они пришли к выводу, что наступила новая эра мирового развития, название которой пока не дали.

Видимо, новую эру с учетом цифровой трансформации всех видов деятельности человечества можно назвать *интеллектуальным многополярным миром*. Глобальные сети, дифференцируемые как цепочки технологий, цепочки поставок и добавленной стоимости, обеспечившие трансграничность информационных и экономических потоков, получили важные дополнения в виде глобальных цепочек культурно-духовных ценностей, которые на основе интеграции постколониальных интересов развивающихся стран усилили поляризацию между ними и коллективным Западом.

Почему лидеры мирового развития в науке, технологиях и инновациях пытаются сформировать барьеры инновационного развития России путем разрыва международных научных связей¹? Потому что ее *глобальные позиции в сфере науки, технологий, инноваций* (далее — НТИ) *оцениваются ими как неудовлетворительные*. Иначе такая акция бессмысленна. «Относительный научный упадок в России в последние десятилетия облегчил странам ОЭСР разрыв связей без серьезного подрыва собственных научных усилий»². Попробуем оценить остроту ситуации и возможные подходы к ее изменению.

Автоматизация, цифровизация и интеллектуализация науки

Цифровая трансформация принципиально меняет и сферу глобальной науки. В рамках Индустрии 4.0 прошедшая автоматизация рабочих исследовательских процессов в киберфизической инфраструктуре позволила принципиально увеличить *скорость, производительность и эффективность исследований, которая в ряде областей выросла на порядок или два*. В материаловедении время синтеза и тестирования материалов

¹ Statement on research by Commissioner Mariya Gabriel. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_22_1528 (дата обращения: 05.06.2024); Guidance On Scientific and Technological Cooperation with the Russian Federation for U.S. Government and U.S. Government Affiliated Organizations. URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2022/06/11/guidance-on-scientific-and-technological-cooperation-with-the-russian-federation-for-u-s-government-and-u-s-government-affiliated-organizations/> (дата обращения: 05.06.2024).

² OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023: Enabling Transitions in Times of Disruption. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/0b55736e-en/index.html?itemId=/content/publication/0b55736e-en> (дата обращения: 05.06.2024).

сократилось с 9 месяцев до 5 дней; в фармакологии 57% активных соединений найдены при выполнении 2,5% возможных экспериментов, по сравнению с 20% (традиционный поиск требовал построения модели для каждого соединения) [2]. Искусственный интеллект, применяемый в науке, обещает еще более грандиозные и стремительные перспективы развития пространства знаний и науки. Изменяется представление о науке, методах исследований, результатах деятельности и способах организации научной деятельности: *ядром НТИ становится интеллектуализация исследований.*

Оцифровка создает цифровые объекты, отражающие свойства изучаемых материальных объектов в технических цифровых записях — строках битов, отличающихся по размеру и сложности от отдельных битовых строк до полноценных цифровых сетей. Цифровые технологии, оперирующие с цифровыми объектами, получают распространение в рамках социального признания полезности, т.е. имеют социальную проекцию и социальные границы их применения, формируемые пользователями в рамках социального разнообразия применения цифровых объектов.

Цифровые технологии радикально меняют способ создания и структурирования услуг и продуктов, открывая новые методы создания ценности, применения и присвоения — цифровые инновации [3, pp. 223, 224]. В цифровых инновациях технологии и связанные с ними процессы оцифровки образуют неотъемлемую часть новой идеи и/или ее развития, распространения или ассимиляции. Инновационные результаты и процессы менее ограничены, и цифровые инновации обеспечивают новый уровень гибкости: инновационный процесс, а также его результаты, новые продукты или услуги постоянно пересматриваются. Цифровые инновации *выходят за рамки организаций и отраслей*, охватывая всех пользователей и потребителей, в т.ч. физических лиц, которые становятся действующими лицами процессов совместного создания новых ценностей и нового, быстро меняющегося поведения [4]. Мягкие и меняющиеся связи, повторяемость и модульность характеристик агентов, наличие возможности выбора формируют генеративность цифровых инноваций [5], представляющую собой «общую способность технологии производить спонтанные изменения, движимые большой, разнообразной и нескоординированной аудиторией» [6, p. 1980]. Многоуровневая модульная архитектура цифровых инноваций интегрирует *четыре слабо связанных уровня*: устройств, сетей, услуг и контента, созданных с помощью цифровых технологий. Дополнительным результатом деятельности, помимо продуктов, услуг и процессов, становятся реализованные бизнес-модели.

Цифровые объекты, цифровые технологии и цифровые инновации связаны между собой такими процессами, как оцифровка, цифровизация и онтологический разворот, формирующими *три ключевые характеристики цифровых инноваций* — гомогенизацию данных, перепрограммируемость и самореференцию (создание внешних эффектов,

ускоряющих создание и доступность цифровых устройств, сетей, услуг и контента, формирующих новые возможности для цифровых инноваций). Различение материальных и нематериальных объектов способствует углублению понимания отражения уникальных свойств различных цифровых объектов (см. рис. 1).

Рис. 1. Основные понятия цифровизации и их взаимосвязи

Источник: [7].

Самореференция (самосогласованность) цифровизации — это процесс, когда любое расширение и совершенствование устройств, сетей, услуг, контента становится источником развития цифровой трансформации и создания новых ценностей, что в свою очередь приводит к *постоянным изменениям* в социотехнической среде — *в рыночных предложениях, бизнес-процессах, индивидуальном поведении*. Материальные объекты, обретая цифровую часть, становятся гибридными, а их свойства меняются в соответствии с реализуемыми с цифровыми инновациями. В итоге *происходит размытие границ объектов, а также их конвергенция*.

Эти процессы характерны также для продуктов, ролей, организаций и отраслей, для когнитивных и социальных процессов, границ между работой и личной жизнью, между производителями и пользователями. С одной стороны, мир утрачивает четкость как свойство его организации, востребует вместо нее гибкость и адаптивность. С другой стороны, оцифровка реализуется в первую очередь для наиболее часто используемых и наиболее значимых объектов, к которым относятся доступные ресурсы, опора на исследователей и бизнес-процессы агентов из ближнего окружения. Следствием становится *локализация и регионализация цифровизации* — повышение плотности взаимодействия в рамках городов и регионов, т.е. *формирование цифровых субплатформ в рамках национальных экосистем*.

Непрерывное развитие пространства знаний

Формирование глобального знания резко ускорилось с созданием Интернета и цифровой трансформацией экономики. Глобальное знание непрерывно развивается и усложняется, становится супердисциплинарным. Цифровизация позволяет вести обработку больших данных с огромным количеством параметров. Например, при обучении системы генеративного искусственного интеллекта *GPT-4* использовано около 1,6 трлн показателей³. Взаимное влияние социальной и технологической сферы, взаимное дополнение развития Индустрии 5.0 и Общества 5.0 ускоряет трансформацию и приближение этапа технологической сингулярности, на котором традиционные механизмы управления не работают. Технологическая сингулярность [8] – взрыв развития, который футурологи предсказывали к 2040–2055 гг. Однако крайние оценки оптимистов и пессимистов охватывали период с 2022 по 2075 г.

Новые тренды науки включают в себя:

- переход от автоматизации и цифровизации к интеллектуализации;
- формирование цифровых платформ и экосистем;
- обработка больших данных, которые относятся ко многим агентам глобальной / национальной системы;
- повышение скорости проведения исследований;
- формирование открытой науки, исследований и инноваций;
- изменение подходов к оценке результатов научной деятельности;
- интеграция экспертизы и оценки в процесс исследований;
- сетевая организация науки: выход за пределы организаций;
- создание гибридных предметно ориентированных ячеек человеческого и искусственного интеллекта;
- многоуровневое моделирование систем: применение цифровых двойников;
- усиление роли гуманитарной составляющей: система ценностей задает систему координат оценки;
- возрастание роли человека как заказчика / главного оператора обработки данных с использованием современных интеллектуальных инструментов;
- непрерывное расширение пространства знаний;
- концентрация выигрыша при инновационной монополизации рынка: «победитель получает все»⁴ [2; 9–14].

Высокая скорость инновационного развития и обновления инноваций, усиливающаяся за счет межотраслевой конкуренции предоставления подобных продуктов, услуг, процессов и бизнес-моделей с ис-

³ GPT-4 и GPT-5: настоящее и будущее. URL: <https://www.computerra.ru/287077/gpt-4-i-gpt-5-nastoyashhee-i-budushhee/> (дата обращения: 05.06.2024).

⁴ OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023: Enabling Transitions in Times of Disruption; Клочков В.В. Цифровые двойники в прикладной науке: что это и зачем? URL: <https://www.nrczh.ru/articles/tsifrovye-dvoyniki-v-prikladnoy-nauke-cto-eto-i-zachem/> (дата обращения: 05.06.2024).

пользованием разных технологий, приводит к изменениям в системах хранения данных и защиты интеллектуальной собственности. В период пандемии *COVID-19* вместо публикаций в научных журналах, занимающих в среднем 6–8 месяцев, размещение новой научной информации в препринтах репозиториях занимало около 7 дней. Это позволило сократить время применения новых научных знаний на практике примерно в 30 раз и сберечь значимое число жизней заболевших.

В стремительно меняющемся научном пространстве цифровизация открывает принципиально новые возможности формирования экономики, основанной на знаниях, экономики предложения, в которой целенаправленно формируются научно обоснованные направления развития, опирающиеся на особенности научно-технологического и социально-экономического развития. Неповоротливые организации, обремененные поддержанием бюрократических процессов, склонные к формированию барьеров на пути обмена знаниями, придерживаемых для коммерциализации, прибегающие к административной борьбе за ресурсы и заказы, поддерживающие клановость и выгодные позиции вместо научно обоснованных, не в состоянии конкурировать с гибкими и стремительными цифровыми платформами и экосистемами. Для обеспечения технологического суверенитета и достижения глобальной конкурентоспособности в формирующемся ядре стремительного глобального развития на основе цифровых инноваций *необходимы фундаментальные преобразования всей системы организации науки.*

Стратегическая разведка вместо прогнозов

В условиях роста неопределенности, рисков и сложности традиционные системы прогнозирования не могут дать удовлетворительных результатов, даже если используются достаточно сложные прогностические системы. Практически *все подходы имеют существенные недостатки.*

Разрабатываемые модели принципиально не соответствуют сложности реальных процессов и устаревают к моменту создания. Событийный пересчет прогнозов также помогает незначительно — он работает до момента значимой трансформации механизмов развития сложной системы. В настоящее время используются подходы конструирования будущего, управления конвергенцией знаний и технологий, а также подходы стратегической разведки⁵ — глобального исследования трансформации мироустройства, включающего стратегическое прогнозирование и оценку технологий, моделирование и симуляцию, картирование систем и путей, мониторинг и оценку, а также разработку количественных показателей.

Стратегическая разведка — термин, разработанный пионерами классической теории разведки в США, сочетавших свои академические взгляды с активным участием в развитии американского разведыватель-

⁵ Strategic Intelligence. URL: <https://intelligence.weforum.org/> (дата обращения: 05.06.2024).

ного сообщества. «Борьбу за подключение разведки будущего к разработке политики можно рассматривать как основную задачу предвидения» [15]. Стратегическая разведка *реализуется за счет вовлечения международных партнеров*, всех заинтересованных сторон и обществ, а международное сотрудничество является фактором эффективного управления новыми технологиями, охватывающими весь спектр ценностей, критериев проектирования и инструментов, а также таких механизмов, как рекомендации ОЭСР⁶.

Наиболее известна система стратегической разведки ВЭФ⁷, созданная на основе определения ведущими исследовательскими организациями мира наиболее значимых глобальных агентов, технологий и вопросов, для которых разрабатываются карты глобальной трансформации (далее — КГТ). В настоящее время на сайте размещены 338 КГТ, сгруппированные по разделам: страны и регионы — 138; окружающая среда и устойчивое развитие — 20; отрасли — 21, наука и технология — 22; безопасность и управление — 18; социально-экономическое развитие — 39; цели устойчивого развития — 17; топ-10 новых технологий — 10.

Системы стратегической разведки разработаны также в КНР, США, ЕС (проект *VERA*) и Великобритании. Так, например, правительство Китая использует сложную систему стратегической разведки для мониторинга и анализа внутренней и внешней политики, стратегий, ресурсов и результатов в области НТИ, а также предоставляет стратегические рекомендации лицам, принимающим решения⁸. Институт научной и технической информации Китая собирает и распространяет данные, касающиеся отечественных патентов, талантов и достижений крупных программ финансирования науки и технологий. Он также собирает и распространяет информацию из открытых источников об иностранных источниках, тенденциях и достижениях, связанных с НТИ, способствуя передаче технологий из иностранных источников в национальные отрасли. Эти данные использованы для формирования программы «Сделано в Китае 2025», стартовавшей в 2015 г., — первой из серии национальных десятилетних стратегических инициатив, охватывающих долгосрочное комплексное развитие обрабатывающей промышленности Китая. Ее цель — построить инновационную систему мирового класса и добиться глобального доминирования в ключевых технологиях, *чтобы обеспечить крупные прорывы в течение следующих десятилетий*. Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития ставит технологии и инновации в центр усилий по модернизации Китая. Цель — *стать мировым лидером в стратегических развивающихся отраслях, передовых технологиях и фундаментальной науке*.

⁶ OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023: Enabling Transitions in Times of Disruption.

⁷ Strategic Intelligence. URL: <https://intelligence.weforum.org/> (дата обращения: 05.06.2024).

⁸ OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023: Enabling Transitions in Times of Disruption.

Управление конвергенцией

На смену развития на основе прогнозов приходит социальное *конструирование* (проектирование) и *управление конвергенцией*⁹. Цифровизация облегчает как диагностику конвергенции, так и управление ею. Научные возможности, открывающиеся благодаря конвергенции, внесут фундаментальный вклад в наше стремление найти творческие решения самых сложных проблем, стоящих перед нами как обществом [16, с. VII].

Внедрение структур управления, адаптированных к задачам конвергенции в каждом учреждении, включая инклюзивные системы управления, целеустремленное видение, эффективное управление программами, стабильная поддержка основных объектов и гибкие или каталитические источники финансирования имеют решающее значение для организаций, стремящихся построить устойчивую конвергентную экосистему [16, р. 8]. Управление конвергенцией предусматривает специальные мероприятия по снятию барьеров межличностных коммуникаций исследователей.

Возможное направление движения — создание *конвергентной производственной платформы* — системы, синергетически объединяющей разнородные материалы и процессы (например, аддитивные, субтрактивные и преобразующие) на одной платформе.

Одной из основных задач обеспечения эффективной конвергенции внутри организационных структур является управление требованиями, предъявляемыми к созданию гибридных систем людей, зданий и инструментов, не жертвуя при этом другими институциональными и системными приоритетами, которые необходимо поддерживать [17, р. 7]. Специалисты *NASEM* также уделяют внимание вопросам измерения конвергенции в науке и технике, управления конвергенцией как системой грантов, а также *управления и поддержания исследований конвергенции* с точки зрения исследователей, участвующих в проекте [18].

Секьюритизация науки

Рост геополитической напряженности приводит к растущей секьюритизации политики НТИ, определение которой в широком смысле охватывает ряд вопросов, *выходящих за рамки традиционных оборонных задач*¹⁰. К ним относится, например, биобезопасность, где многообещающие исследования в таких областях, как синтетическая биология, несут в себе присущие риски. Общие глобальные военные расходы достигли

⁹ Конвергенция — это подход к решению проблем, выходящий за пределы дисциплинарных границ, интегрирующий знания, инструменты и способы мышления из наук о жизни и здоровье, физических, математических и вычислительных наук, инженерных дисциплин и не только, формирующий всеобъемлющую синтетическую основу для решения научных и социальных проблем на стыке множества областей [16, р. 1].

¹⁰ OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023: Enabling Transitions in Times of Disruption.

2 443 млрд долл. США в 2023 г., увеличившись на 6,8% в реальном выражении по сравнению с 2022 г. Это был самый резкий рост в годовом исчислении с 2009 г. США, Китай и Россия — все они увеличили свои военные расходы¹¹. Так, повышение оборонного потенциала **США** за счет передовых технологий и исследований и разработок идет полным ходом и «должно быть поддержано». Оборонные НИОКР выросли до более чем 130 млрд долл. в оборонном бюджете на 2023 финансовый год. Поддержка *следующего поколения оборонных технологий* — автономии, дронов и технологий борьбы с дронами, искусственного интеллекта, робототехники, малых спутников, больших данных, гиперзвука, направленной энергии и распределенной «вседоменной» осведомленности — *имеет решающее значение для оборонной стратегии США*, поскольку только развернутые военные технологии, интегрированные в военные операции, а не технологии, находящиеся в лабораториях или на полигоне, повлияют на военный баланс в случае возникновения кризиса. Но для этого необходимо, чтобы инвестиционный портфель был сбалансирован таким образом, чтобы соотношение закупок и НИОКР сохраняло динамику развертывания в будущем [19].

В своем ежегодном обзоре расходов США на НИОКР Национальный совет по науке США сообщил о значительном росте расходов Министерства обороны в прошлом году — до 89,2 с 72,6 млрд долл. годом ранее. К настоящему времени произошло существенное перераспределение расходов на исследования в пользу оборонных НИОКР (см. рис. 2).

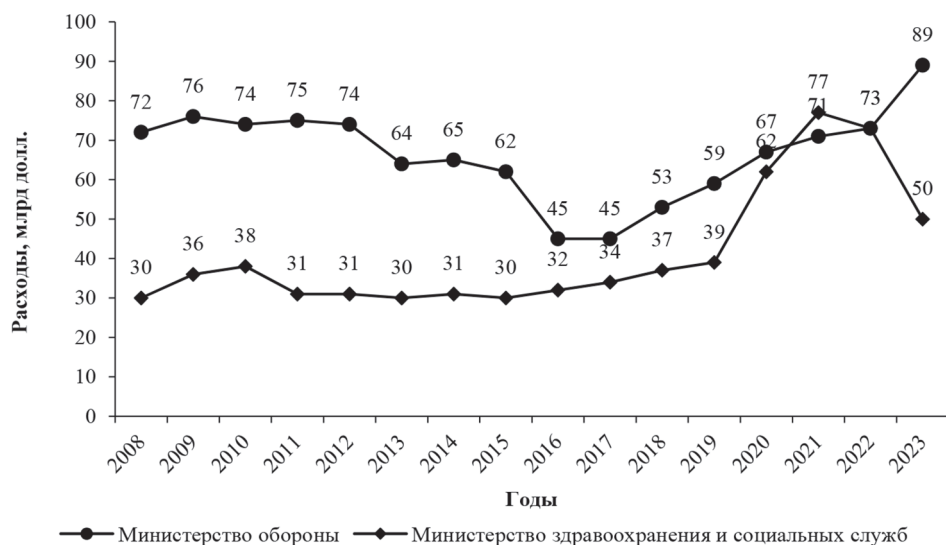

Рис. 2. Динамика расходов Министерства обороны США и Министерства здравоохранения и социальных служб США

Источник: [20].

¹¹ Nan Tian et al. Trends in world military expenditure. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-04/2404_fs_milex_2023.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

Армейский бюджет на 2024 финансовый год показывает фактическое снижение объемов НИОКР по сравнению с установленным уровнем на 2023 финансовый год, при этом значительное сокращение расходов на науку и технологии (*S&T*) на 2 млрд долл. происходит за счет сокращения фундаментальных исследований, прикладных исследований и разработки передовых технологий. Программа НИОКР армии расширилась только после того, как Конгресс увеличил финансирование (2021–2023 финансовые годы). Эти три области, известные в оборонном научно-технологическом сообществе как «семя кукурузы» для будущих технологических инноваций, должны перестать использоваться в качестве «плательщиков счетов», чтобы помочь армии справиться с более масштабными сокращениями бюджета. Программы закупок армии, НИОКР и военного строительства в 2024 финансовом году должны быть полностью профинансированы Конгрессом с целью поставить финансирование FYDP на 2025–2029 финансовые годы на стабильный инвестиционный путь. Армейские НИОКР должны ежегодно увеличиваться на 2 млрд долл. (в бюджете на 2024 финансовый год было запланировано 2,3 млрд долл.) [21].

В ЕС предлагаемый бюджет Европейского фонда обороны (*European Defence Fund – EDF*) первоначально составлял 13 млрд евро на 2021–2027 гг. Но из-за пандемии *COVID-19* он был сокращен до 8 млрд. Дополнительные 1,5 млрд евро были выделены *EDF* в рамках платформы «Стратегические технологии для Европы» (*Strategic Technologies for Europe Platform – STEP*). Однако теперь средства планируется перенести в Европейскую программу оборонной промышленности (*European Defence Industry Programme – EDIP*).

НАТО также финансирует инновации через программу ускорения двойного назначения *DIANA* (*Defence Innovation Accelerator for the North Atlantic*), а также через инновационный фонд глубоких технологий (*NATO Innovation Fund – NIF*) стоимостью 1 млрд евро. «Мы надеемся увеличить эту сумму с присоединением двух или трех новых стран до 1,5 миллиарда евро», – сказал Джеймс Аппатурай, заместитель помощника генерального секретаря НАТО по инновациям, гибридным технологиям и кибербезопасности¹².

DIANA призвана способствовать трансатлантическому сотрудничеству в области важнейших технологий, взаимодействию союзных сил и использовать гражданские инновации путем взаимодействия с научными кругами и частным сектором. В июне этого года в программе запустили ряд пилотных задач, охватывающих энергетическую устойчивость, безопасный обмен информацией, а также зондирование и наблюдение. К моменту истечения крайнего срока в августе было получено более 1 300 заявок¹³.

¹² We need actions not words, defence industry tells EU leaders. URL: <https://sciencebusiness.net/news/dual-use/we-need-actions-not-words-defence-industry-tells-eu-leaders> (дата обращения: 05.06.2024).

¹³ The Ecosystem: accelerators build local links for start-ups joining NATO programme. URL: <https://sciencebusiness.net/news/start-ups/ecosystem-accelerators-build-local-links-start-ups-joining-nato-programme> (дата обращения: 05.06.2024).

Из этого числа 44 стартапа были отобраны для присоединения к одному из пяти участвующих акселераторов: эстонскому акселератору *Diana*, возглавляемому стартап-инкубатором *Tehnopol* в Таллине; *Deep Tech Lab – Quantum* в Копенгагене; Тихоокеанскому северо-западному центру ускорения миссий в Сиэтле; *MassChallenge* в Бостоне; ускорителю *Takeoff Diana* в Турине. Помимо коучинга, 44 стартапа получают гранты в размере 100 000 евро, при этом НАТО не имеет прав интеллектуальной собственности. На втором этапе проекта *DIANA* будут выбраны 3–6 компаний, которые смогут расширить масштабы деятельности и продемонстрировать свои технологии, что позволит получить еще 300 000 евро.

В апреле 2023 г. в отчете **Европейской счетной палаты** содержится призыв к разработке долгосрочной стратегии оборонных НИОКР, чтобы гарантировать, что технологии, финансируемые ЕС, будут освоены оборонным сектором. Другие предложения пакета экономической безопасности касаются повышения безопасности исследований, контроля за экспортом технологий двойного назначения, проверки иностранных инвестиций в ЕС и выявления рисков, связанных с исходящими инвестициями в определенные технологии¹⁴.

Великобритания потратит не менее 7% растущего оборонного бюджета на исследования и разработки, а также на военную науку и технологии, что может почти удвоить расходы к 2030 г. 23 апреля 2024 г. во время визита в Польшу премьер-министр Риши Сунак изложил планы по увеличению расходов Великобритании на оборону до 2,5% ВВП к концу десятилетия, что эквивалентно дополнительным 75 млрд фунтов стерлингов за этот период — «чтобы помочь противостоять оси «автократических государств», таких как Россия, Иран и Китай». Увеличение финансирования сопровождается обещанием потратить не менее 5% бюджета Министерства обороны страны на НИОКР со следующего года и еще 2% на «поддержку использования перспективной науки и технологий в военном потенциале»¹⁵.

Обоснования экономической конкурентоспособности НТИ теперь сочетаются с обоснованиями, подчеркивающими национальную безопасность. Однако предполагаемые угрозы безопасности *выходят далеко за рамки традиционных проблем обороны* и простираются на ряд вопросов, которые имеют последствия для политики НТИ. К ним относятся:

- использование НТИ для снижения системных рисков, например, для повышения продовольственной безопасности, энергетической безопасности, безопасности здравоохранения и кибербезопасности;

¹⁴ EU Commission launches bid to expand funding of dual-use research in Horizon Europe's successor. URL: <https://sciencebusiness.net/news/dual-use/eu-commission-launches-bid-expand-funding-dual-use-research-horizon-europes-successor> (дата обращения: 05.06.2024).

¹⁵ UK sets out major pivot to defence R&D. URL: <https://sciencebusiness.net/news/dual-use/uk-sets-out-major-pivot-defence-rd> (дата обращения: 05.06.2024).

- ответственное управление технологическими изменениями для снижения ряда рисков, например, связанных с искусственным интеллектом, синтетической биологией и нейротехнологиями;
- смягчение последствий климатического кризиса и адаптация к нему; такой кризис все чаще рассматривается с точки зрения угроз, которые он представляет для национальной безопасности;
- снижение уязвимости от торговой зависимости в сфере высоких технологий и других стратегических товаров, что приведет к стремлению к технологическому суверенитету и открытой стратегической автономии.

Наряду с последствиями пандемии это давление привлекло внимание к риску, неопределенности и устойчивости как условиям и проблемам политики в области НТИ. Они способствовали растущей секьюритизации политики НТИ, где обоснования экономической конкурентоспособности политического вмешательства взаимодействуют с обоснованиями, подчеркивающими национальную безопасность, устойчивые переходы и (в гораздо меньшей степени) инклюзивность.

Повышение роли человека

В сложном мире со сложными цифровыми интеллектуальными инструментами роль человека не только не снижается, но и становится *ролью ведущего партнера перемен*. Люди, их реакции и мнения выполняют роль сложного датчика состояния и изменений сложных глобальных, национальных и региональных систем.

Расширяющееся пространство данных охватывает анализ настроений жителей. Эмоции граждан отражают их реакцию на решения и проекты, приводят к их поддержке или противодействию. Эмоции становятся проекцией особенностей и характеристик городов и стран. Мнения, ощущения и чувства горожан играют ключевую роль в создании «разумного города», «где мы не только думаем о городах, но и города думают о нас, где окружающая среда рефлекторно следит за нашим поведением» [22]. Решения органов власти реализуются через формирование платформ социальной поддержки, в рамках которых формируется и стимулируется взаимодействие, участие и сотрудничество граждан, обеспечивается доверие к органам власти за счет прозрачности предоставления информации. Цифровые социальные платформы *дают гражданам право голоса*. Они становятся *партнерами* в совместном создании информации и со-производителями услуг, формируют гражданское общество. Это послужило становлению и развитию краудсорсинга [23].

Быстрое развитие киберфизических систем привело к генерации огромного количества разнородных данных. Безопасная и конфиденциальная обработка неструктурированных данных, обмен результатами обработки и интеллектуальное взаимодействие между пользователями требуют интеграции человека (социального пространства, киберсоциальных систем, CSS) с киберфизическими системами (CPS) для разработки

человеко-киберфизических (HCPS) или киберфизических социальных (CPSS) систем. В CPSS реализуются процессы сбора данных из разнородных источников, обработки и слияния данных, а также формирования пользовательских приложений. Обработка огромных информационных потоков потребовала привлечения сотен тысяч интернет-сотрудников, знания и методы обработки информации которых отличаются значительным разнообразием, особенно когда мы имеем дело с цифровыми инновациями и нехватка или отсутствие знаний являются широко распространенными.

Попытки организации такой работы можно отнести к формированию *цифрового краудсорсинга*, используемого для решения проблем, обучения, разработки открытых инноваций, сотрудничества (см. рис. 3).

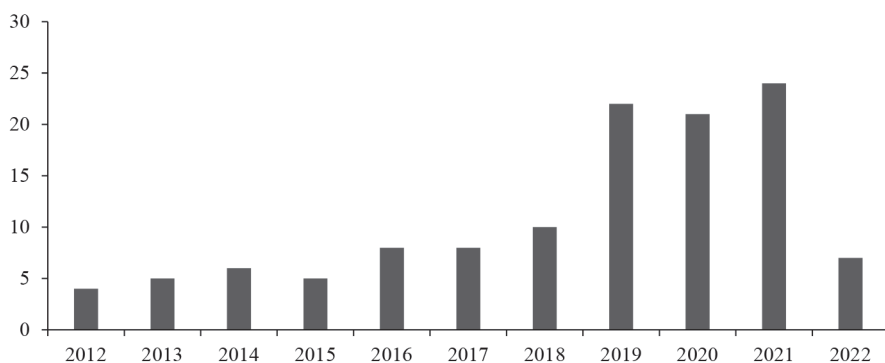

Рис. 3. Число публикаций по краудсорсингу в ССПС и больших данных

Источник: [24].

Сформировавшись в 2005–2006 гг., цифровой краудсорсинг приобрел популярность благодаря успешному применению в различных областях исследований, включая общественное здравоохранение и окружающую среду, диагностику, образование, психологию, наблюдение, обработку данных о торгах и краудсорсинговую безопасность, самоуправление. Однако в последнее десятилетие он привлек внимание исследователей в области киберфизических и социальных систем.

Формирование гибридного человеческого и искусственного интеллекта

Важнейшим трендом развития науки становится интеграция гибридного человеческого и искусственного интеллекта (ИИ) в многоуровневых совместно обучаемых ячейках. Растущая сложность научных моделей, направленных на повышение точности, стремление к моделированию с более высоким разрешением, использование ансамблей для количественной оценки неопределенности и включение растущих объемов данных с новых наблюдательных платформ указывают на важность применения более мощных и эффективных инструментов и методов,

а также расширенных вычислительных и аналитических возможностей [11, р. 3]. Интерпретируемый ИИ позволяет представить процессы и структуру формирования результатов и решений, например, в рамках создания моделей ИИ, которые имитируют научные рассуждения человека, чтобы улучшить внутреннюю интерпретируемость. Если интерпретируемый ИИ прозрачен для понимания от начала до конца, он может быть легко понят более широкой аудиторией. Оценку результатов ИИ *все равно осуществляет человек*. Агентные модели, игровые упражнения и совместное моделирование позволили решить ряд задач гуманитарных и социальных наук, однако целостные модели пока не созданы.

Для многих сложных междисциплинарных проблем необходимо учитывать процессы в естественно-научной сфере, инженерии, социальных и политических системах, например, моделирование интегрированных систем человека и Земли с помощью системы межсекторального моделирования глобальных изменений. Такие исследования также создают новые возможности для понимания и ускорения интеграции искусственного и человеческого интеллекта и распределения задач между ними. Массовые многопользовательские игры позволяют увидеть, как люди реагируют и принимают решения, включая непредвиденные последствия политического вмешательства, что позволит дополнить моделирование системных процессов «человек — Земля» на высокопроизводительных компьютерах.

Хотя ИИ имеет много потенциальных преимуществ, тем не менее решены далеко не все проблемы его применения для решения сложных задач. Значимые ограничения применения ИИ означают, что *в обозримом будущем ИИ останется неадекватным* для самостоятельной работы во многих сложных и новых ситуациях в обозримом будущем, и что людям потребуются тщательно управлять системами ИИ для достижения желаемой полезности. Люди, в свою очередь, могут страдать от плохого понимания того, что делают системы, высокой рабочей нагрузки при попытке взаимодействовать с системами ИИ, плохой осведомленности о ситуации (SA) и дефицита производительности, когда требуется вмешательство, предубеждений в принятии решений на основе входных данных системы и деградации ручного управления. Перечисленное будет продолжать создавать проблемы с точки зрения производительности человека, даже с более эффективной автоматизацией на основе ИИ [25, р. 1].

Для повышения эффективности важно рассматривать человека и ИИ *как команду*: командная конструкция (*team construct*) позволяет учитывать взаимосвязанные роли каждого члена команды, включая общение и координацию действий. Правильный выбор соотношения самосознания, осведомленности и степени контроля человеком сфер применения ИИ позволит расширить динамику и области задач, в которых ИИ может работать с людьми, согласовывать или устранять конфликты целей и синхронизировать ситуационные модели, решения,

распределение функций, приоритеты задач и планы по достижению скоординированных и утвержденных действий [25, р. 2]. Механизмы и стратегии взаимодействия в команде «человек – ИИ» имеют решающее значение для эффективности команды, включая возможность поддержки *гибкого назначения уровней автоматизации по функциям во времени*.

Доверие к ИИ признано основополагающим фактором, связанным с использованием систем ИИ. Важное значение имеет снижение предвзятости человека к ИИ. В общей сложности в исследовании представлено 57 целей, направленных на решение многих проблем, связанных с эффективным взаимодействием человека и ИИ. Эти исследовательские цели делятся на ближайшие (1–5 лет), среднесрочные (6–10 лет) и отдаленные (10–15 лет) приоритеты. Этот интегрированный набор исследовательских целей позволит добиться значительных успехов в области совместной работы человека и ИИ. Эти цели являются фундаментальными *предпосылками для безопасного внедрения ИИ в критически важные операции* и создают основу для лучшего понимания и поддержки эффективного использования систем ИИ.

Сравнительная оценка развития НТИ России и глобальных лидеров

Оценивая позиции России в сфере конкуренции за будущее в новых реалиях, мы вынуждены признать *существенное и значимое отставание*. Его отражает система разнообразных глобальных рейтингов (см. таблицы 1–3).

Т а б л и ц а 1

Позиции России в рейтинге The Global Innovation Index по годам в целом и по инновационным компонентам

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023
Место в общем рейтинге <i>Global Innovation Index</i>	46	47	45	47	51
Институты	74	71	67	89	110
Человеческий капитал и исследования	23	30	29	27	26
Инфраструктура	62	60	63	62	72
Развитость рынка	61	55	61	48	56
Развитость бизнеса	35	42	44	44	44
Результаты: знания и технологии	47	50	48	51	54
Творческие результаты	72	60	56	48	53
Условия для инновационной деятельности	41	42	43	46	58
Результаты инновационной деятельности	59	58	52	50	53

Источник: [26].

Т а б л и ц а 2

Позиции России в World Digital Competitiveness Ranking в 2017–2021 гг.

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021
Общий рейтинг	42	40	38	43	42
Знания	24	24	22	26	24
Технология	44	43	43	47	48
Готовность к будущему	52	51	42	53	47

Источник: [27].

Примечание: Россия исключена из рейтинга 2022–2023 гг. ввиду ограниченной достоверности данных.

Т а б л и ц а 3

Позиции России в рейтинге Networked Readiness Index (NRI)

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023
Рейтинг NRI	48	48	43	40	38
Технология	51	49	39	35	40
Люди	39	31	35	23	19
Управление	56	65	54	43	49
Влияние	59	60	51	69	57

Источник: [28].

Россия, занимающая сороковые места по многим рейтингам цифровой науки, *вынуждена искать уникальное решение, позволяющее переломить ситуацию* и выполнить поставленные Президентом России задачи по обретению технологического суверенитета.

Ситуация с позиций формирования перехода к цифровым инновациям сложнее, чем представляется при фрагментарном анализе, и *не может быть признана удовлетворительной*. Фрагментация управления, в т.ч. в сфере науки, формирует непреодолимые барьеры успешного развития междисциплинарной науки. Опора на организации как на ведущих научных агентов поддерживает научные кланы, заинтересованные прежде всего в обретении «места под солнцем» — гарантированных позиций в бюджетной строке, программах и конкурсах. Продолжение сложившихся тенденций — это продолжение снижения глобальной конкурентоспособности российской науки.

Необходимое развитие сетевого управления в дополнение к используемым рыночным и административным подходам недостижимо без современного высшего образования. Восстановление конкурентоспособности высшего образования в свою очередь невозможно за счет

поддержки только части университетов-лидеров: результатом становится потеря инновационного потенциала регионами, в которых нет значимого числа лучших университетов. Развитие высшего образования требует формирования современной сети университетов.

Сложившееся стратегическое отставание на фоне ускорения инновационного развития стран-лидеров *может стать национальным бедствием* через 10–15 лет.

Заключение

В советский период работы по обслуживанию исследований, анализу и синтезу данных, информации и знаний, по оценке результатов научной деятельности *требовали централизации и координации в рамках научных организаций*. Большие научные администраторы представляли результаты политическому управлению страны, получали поручения по выполнению задач и финансирование из бюджета.

Рыночные преобразования изменили схему организации науки. Приватизация вывела из-под контроля государства бизнес, который должен сам был заботиться о собственном развитии, а, значит, финансировать научные исследования, повышающие его конкурентоспособность. Но в условиях неэффективно работающей в России инновационной системы (в отличие от книжной теории) *бизнес оказался не заинтересован* в этом.

Во многом по этой причине, в отличие от практики финансирования науки и инноваций в зарубежных странах, где основную часть расходов на эти цели (до 75%) несет бизнес, в России финансирование науки *продолжает фактически осуществляться государством* и частью госкомпаний. А это воспроизводит модель, в рамках которой общество снабжает бизнес инновационным продуктом, а бизнес в лучшем случае принимает на себя риски внедрения, но не разработок.

Барьеры для научных исследований формирует также *бюрократическая машина*, работа которой периодически стремится к переключению на процесс, а не на результат. Формируются кланы и фрагментация пространства исследований и знаний. Часто в сферах одной и той же дисциплины исходные гипотезы, аксиоматики и координаты являются даже не расходящимися, а несопоставимыми, что приводит к невозможности интеграции. Ситуацию осложняет *наличие имитации в научной и образовательной деятельности*, ведущей к академическому мошенничеству и поддержке симулякров образовательной и научной деятельности.

Сложившееся положение вещей необходимо менять. И, как мы полагаем, задачи по развитию российской науки, поставленные Президентом России, работают на эту позитивную трансформацию¹⁶. На заседании Совета по науке и образованию при Президенте Российской

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий».

Федерации отмечалось, что «это прямые, конкретные задачи для отечественной науки, системы образования и технологического бизнеса. Причем от решения этих задач зависит буквально все: и реализация наших сегодняшних планов, замыслов, устремлений, и, безусловно, исторические, без всякого преувеличения, перспективы Российского государства». Также обсуждались ориентиры, как добиться выполнения поставленных задач, в числе которых были названы: уточнение требований к научным результатам; объективные, но жесткие сроки реализации решений; эффективное управление наукой; концентрация потенциала; подготовка кадров; деbüroкратизация механизмов финансирования исследований, их «четкость, ясность прозрачность и объективность»; экспертиза решений под эгидой РАН; «научная работа должна быть организована в особом боевом режиме»; «фундаментальные, поисковые исследования в России должны вестись не менее широким фронтом [чем в настоящее время], в интересах нашей страны и мировой науки»¹⁷.

В этой публикации автор не ставил перед собой задачу ответить на вопрос: какие механизмы необходимо задействовать для ответа на вызов России в сфере современной науки и технологий? Однако нельзя не понимать, что в условиях санкций, фокусом противостояния России и коллективного Запада становится конкуренция за успешное инновационное развитие, сдерживаемое ограничениями доступа отечественной науки к новейшим знаниям и технологиям. И если система организации и регулирования научной деятельности останется прежней, мы рискуем выбыть из конкуренции за успешное будущее. Поэтому, «... чем больше мы делаем, тем больше открывается горизонтов того, что нужно еще сделать. Это абсолютно очевидно, и это такой общий закон — от этого никуда не денешься. Нужно только радоваться тому, что у нас появляются новые задачи» (В.В. Путин)¹⁸.

Список литературы

1. Bradley C., Seong J., Smit S., L. Woetzel On the Cusp of a New Era? URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/on-the-cusp-of-a-new-era> (дата обращения: 05.06.2024).

2. Automated Research Workflows for Accelerated Discovery: Closing the Knowledge Discovery Loop. Washington, DC: The National Academies Press, 2022. 136 p.

3. Nambisan S et al. Digital Innovation Management // MIS Quarterly. 2017. Vol. 41. N 1. P. 223–238.

4. Hund A. et al. Digital Innovation: Review and Novel Perspective // The Journal of Strategic Information Systems. 2021. Vol. 30. Iss. 4. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2021.101695>

¹⁷ Заседание Совета по науке и образованию // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/74277> (дата обращения: 14.06.2024).

¹⁸ Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73083> (дата обращения: 05.06.2024).

5. *Tilson D. et al.* Research Commentary – Digital Infrastructures: The Missing IS Research Agenda // *Information Systems Research*. 2010. N 21 (4). P. 748–759.
6. *Yoo et al.* Organizing for Innovation in the Digitized World // *Organization Science*. 2012. N 23 (5). P. 1398–1408.
7. *Потанов А.С.* Технологическая сингулярность в контексте теории метасистемных переходов // *Компьютерные инструменты в образовании*. 2017. № 6. С. 12–24.
8. Artificial Intelligence at the Nexus of Collaboration, Competition, and Change: Proceedings of a Workshop – in Brief. Washington, DC: The National Academies Press, 2024. 12 p.
9. Artificial Intelligence in Science: Challenges, Opportunities and the Future of Research // OECD Publishing. 2023. 300 p. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/artificial-intelligence-in-science_a8d820bd-en (дата обращения: 05.06.2024).
10. Machine Learning and Artificial Intelligence to Advance Earth System Science. Washington, DC: The National Academies Press, 2022. 68 p.
11. *Reed M.S. et al.* Evaluating Impact from Research: A Methodological Framework // *Research Policy*. 2021. Vol. 50. Iss. 4. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104147>.
12. Europe's Future: Open Innovation, Open Science, Open to the World. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/15e2ff8d-c525-11e8-9424-01aa75ed71a1> (дата обращения: 05.06.2024).
13. Доклад ЮНЕСКО по науке. Наперегонки со временем. Рабочее резюме. 2021. 49 с. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377250_rus
14. *Douglas K.R.* Robinson et al. Policy Lensing of Future-Oriented Strategic Intelligence: An Experiment Connecting Fore-Sight with Decision Making Contexts // *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. Vol. 169. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120803>
15. Convergence: Facilitating Transdisciplinary Integration of Life Sciences, Physical Sciences, Engineering, and Beyond. Washington, DC: The National Academies Press, 2014. 152 p.
16. Convergent Manufacturing: A Future of Additive, Subtractive, and Transformative Manufacturing: Proceedings of a Workshop. Washington, DC: The National Academies Press, 2022. 84 p.
17. Fostering the Culture of Convergence in Research: Proceedings of a Workshop. Washington, DC: The National Academies Press, 2019. 82 p.
18. Measuring Convergence in Science and Engineering: Proceedings of a Workshop. Washington, DC: The National Academies Press, 2021. 108 p.
19. *Wayne A.* Schroeder a Future US Defense Program in an Era of Great Power Competition // *Orbis*. 2023. Vol. 67. Iss. 1. P. 85–102.
20. US Funding Snapshot: Defence R&D up, Health Spending Down. URL: <https://sciencebusiness.net/news/r-d-funding/us-funding-snapshot-defence-rd-health-spending-down> (дата обращения: 05.06.2024).
21. *Wayne A.* Schroeder Evaluating US Defense Posture in Light of Great Power Competition // *Orbis*. 2023. Vol. 67. Iss. 3. P. 389–410.
22. *Willis K.S., Nold C.* Sense and the City: An Emotion Data Framework for Smart City Governance // *Journal of Urban Management*. 2022. Vol. 11. Iss. 2. P. 142–152.
23. *Ворожихин В.В.* Краудсорсинг и самоуправление // *Самоуправление*. 2023. № 3 (136). С. 9–12.
24. *Kumar G., Narducci F., Bakshi S.* Knowledge Transfer and Crowdsourcing in Cyber-Physical-Social Systems // *Pattern Recognition Letters*. 2022. Vol. 164. P. 210–215.

25. Human-AI Teaming: State-of-the-Art and Re-search Needs. Washington, DC: The National Academies Press, 2022. 140 p.
26. Global Innovation Index. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/ (дата обращения: 05.06.2024).
27. World Digital Competitiveness Ranking. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (дата обращения: 05.06.2024).
28. Networked Readiness Index. URL: <https://networkreadinessindex.org/> (дата обращения: 05.06.2024).

References

1. Bradley C., Seong J., Smit S., L. Woetzel On the Cusp of a New Era? Available at: <https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/on-the-cusp-of-a-new-era> (accessed 05 June 2024).
2. Automated Research Workflows for Accelerated Discovery: Closing the Knowledge Discovery Loop. Washington, DC: The National Academies Press, 2022, 136 p.
3. Nambisan S et al. Digital Innovation Management, *MIS Quarterly*, 2017, Vol. 41, No. 1, pp. 223–238.
4. Hund A. et al. Digital Innovation: Review and Novel Perspective, *The Journal of Strategic Information Systems*, 2021, Vol. 30, Iss. 4. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2021.101695>
5. Tilson D. et al. Research Commentary – Digital Infrastructures: The Missing IS Research Agenda, *Information Systems Research*, 2010, No. 21 (4), pp. 748–759.
6. Yoo et al. Organizing for Innovation in the Digitized World, *Organization Science*, 2012, No. 23 (5), pp. 1398–1408.
7. Potapov A.S. Tekhnologicheskaya singularnost' v kontekste teorii metastatsionnykh perekhodov [Technological Singularity in the Context of the Theory of Metastation Transitions], *Komp'yuternye instrumenty v obrazovanii* [Computer Tools in Education], 2017, No. 6, pp. 12–24. (In Russ.).
8. Artificial Intelligence at the Nexus of Collaboration, Competition, and Change: Proceedings of a Workshop – in Brief. Washington, DC: The National Academies Press, 2024, 12 p.
9. Artificial Intelligence in Science: Challenges, Opportunities and the Future of Research, *OECD Publishing*, 2023, 300 p. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/artificial-intelligence-in-science_a8d820bd-en (accessed 05 June 2024).
10. Machine Learning and Artificial Intelligence to Advance Earth System Science. Washington, DC: The National Academies Press, 2022, 68 p.
11. Reed M.S. et al. Evaluating Impact from Research: A Methodological Framework, *Research Policy*, 2021, Vol. 50, Iss. 4. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104147>.
12. Europe's Future: Open Innovation, Open Science, Open to the World. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/15e2ff8d-c525-11e8-9424-01aa75ed71a1> (accessed 05 June 2024).
13. Doklad IuNESKO po nauke. Naperegonki so vremenem. Rabochee reziu-me [UNESCO Science Report. Racing Against Time. Work Resume], 2021, 49 p. (In Russ.). Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377250_rus
14. Douglas K.R. Robinson et al. Policy Lensing of Future-Oriented Strategic In-Telligence: An Experiment Connecting Fore-Sight with Decision Making Contexts,

Technological Forecasting and Social Change, 2021, Vol. 169. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120803>

15. Convergence: Facilitating Transdisciplinary Integration of Life Sciences, Physical Sciences, Engineering, and Beyond. Washington, DC: The National Academies Press, 2014, 152 p.

16. Convergent Manufacturing: A Future of Additive, Subtractive, and Transformative Manufacturing: Proceedings of a Workshop. Washington, DC: The National Academies Press, 2022, 84 p.

17. Fostering the Culture of Convergence in Research: Proceedings of a Workshop. Washington, DC: The National Academies Press, 2019, 82 p.

18. Measuring Convergence in Science and Engineering: Proceedings of a Workshop. Washington, DC: The National Academies Press, 2021, 108 p.

19. Wayne A. Schroeder A Future US Defense Program in an Era of Great Power Competition, *Orbis*, 2023, Vol. 67, Iss. 1, pp. 85–102.

20. US Funding Snapshot: Defence R&D up, Health Spending Down, *Science Business*. Available at: <https://sciencebusiness.net/news/r-d-funding/us-funding-snapshot-defence-rd-health-spending-down> (accessed 05 June 2024).

21. Wayne A. Schroeder Evaluating US Defense Posture in Light of Great Power Competition, *Orbis*, 2023, Vol. 67, Iss. 3, pp. 389–410.

22. Willis K.S., Nold C. Sense and the City: An Emotion Data Framework for Smart City Governance, *Journal of Urban Management*, 2022, Vol. 11, Iss. 2, pp. 142–152.

23. Vorozhikhin V.V. Kraudsorsing i samoupravlenie [Crowdsourcing and Self-Government], *Samoupravlenie* [Self-Government], 2023, No. 3 (136), pp. 9–12. (In Russ.).

24. Kumar G., Narducci F., Bakshi S. Knowledge Transfer and Crowdsourcing in Cyber-Physical-Social Systems, *Pattern Recognition Letters*, 2022, Vol. 164, pp. 210–215.

25. Human-AI Teaming: State-of-the-Art and Re-search Needs. Washington, DC: The National Academies Press, 2022, 140 p.

26. Global Innovation Index. Available at: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/ (accessed 05 June 2024).

27. World Digital Competitiveness Ranking. Available at: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (accessed 05 June 2024).

28. Networked Readiness Index. Available at: <https://networkreadinessindex.org/> (accessed 05 June 2024).

ON THE TRANSFORMATION OF THE ORGANIZATION OF SCIENTIFIC ACTIVITY IN RUSSIA

Rapid changes in the world order, digital transformation of human activity, and increased competition for a favorable future have formed a new focus of competition for digital innovation. The nature of development is changing – it is becoming socio-technological. Digitalization is fundamentally changing the field of science and technology and the requirements for the knowledge and skills of researchers. Changes in science act as a catalyst for further changes, the speed of which is increasing. Strengthening the role of artificial intelligence in the context of existing restrictions on its use leads to an increase in the role of humans as a task setter, a main partner participant, a beneficiary and even a sensor. Increasing competition for the future and aggravation of the geopolitical situation are leading to an increase in the importance of science, technology and innovation. This

fundamentally changes the requirements for the organization of science, which requires the addition of the existing system of organizations with network communications of creative teams and researchers, the formation of hybrid intelligence through the joint training of humans and artificial intelligence. Science is becoming networked, going beyond the boundaries of organizations, acquiring regional and local components. In the context of a sharp increase in the diversity of digital innovations, scientific interaction between researchers with recognition (rating) in local fields of knowledge becomes a necessary condition. The high rate of change requires the inclusion of evaluation of the results of scientific activity in the research process. Effective results require the creation of processes for intelligent management of knowledge convergence and digital innovations of socio-technological development based on scientific knowledge.

Keywords: digital innovations, automation of research processes, integration of human and artificial intelligence, convergence management, regionalization and localization of science, evaluation of scientific results.

JEL: O32, O33

Дата поступления — 05.06.2024 г.

ВОРОЖИХИН Владимир Вальтерович

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института Развития образования;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: vorozhikhin@mail.ru

VOROZHIKHIN Vladimir V.

Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher at the Research Institute for Educational Development;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: vorozhikhin@mail.ru

Для цитирования:

Ворожихин В.В. Трансформация организации научной деятельности в России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 131–152. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-131-152>

Р.О. БОБРОВСКИЙ

ОЦЕНКА ВКЛАДА УХОДЯЩИХ И УШЕДШИХ ИНОСТРАННЫХ КОМПАНИЙ В ОТРАСЛЯХ И РЕГИОНАХ РОССИИ

Несмотря на актуальность темы ухода иностранных компаний из России в настоящее время, значимые научные работы по данной тематике отсутствуют. В отдельных исследованиях предприняты попытки оценки масштабов ухода иностранных компаний из России, но в региональном разрезе подобные работы практически отсутствуют. В статье делается попытка оценить доли иностранных компаний, заявивших об уходе, приостановке деятельности, сокращении операций, отказе от инвестиций, а также реально ушедших и сокративших деятельность иностранных компаний в отраслях и регионах России. По итогам анализа установлено, что в целом по экономике на иностранные компании, заявившие об уходе, приходится 0,8% численности занятых и 2,3% выручки всех организаций, а на реально ушедшие иностранные компании — соответственно 0,6% и 1,8%. Среди наиболее пострадавших отраслей выделяется в первую очередь автомобилестроение. Среди наиболее пострадавших субъектов Российской Федерации следует выделить крупнейшие диверсифицированные (Москва, Московская область, Санкт-Петербург), промышленные диверсифицированные (Республика Татарстан, Тульская область), автомобилестроительные (Калужская, Ленинградская и Самарская области), лесоперерабатывающие (Республики Коми и Карелия, Новгородская область), а также Сахалинскую область. Наиболее критичная ситуация с точки зрения рисков для рынка труда и региональных экономик в целом складывается в автомобилестроительных и лесоперерабатывающих регионах.

Ключевые слова: иностранные компании, уход компаний, сокращение деятельности, деинвестирование, экономика региона.

JEL: R11, R12, R13

После 2022 г. экономика России наряду с санкционными ограничениями внешней торговли столкнулась с уходом иностранных компаний. Несмотря на то, что их доля в российской экономике оценивается, как правило, первыми процентами, эффект от данного процесса может быть более сильным в долгосрочном периоде, проявляясь во влиянии на смежные отрасли и технологическое развитие экономики.

В целом масштабный уход иностранных компаний из Российской Федерации *уникален и нетипичен для России и для всего мира* на современной стадии развития¹. Возможно, по этой причине проблема ухода иностранных компаний из экономики слабо охвачена научными исследованиями (как зарубежными, так и отечественными). Работы, посвященные непосредственно данной проблеме, начали появляться только после 2022 г.

В статье делается попытка дать оценку вклада уходящих иностранных компаний в экономику отраслей и регионов Российской Федерации, а также сопоставить заявления иностранных компаний с реальным уходом из России.

Обзор существующих исследований

Законодательство Российской Федерации², включает в понятие «иностранная организация» иностранные организации, их филиалы и представительства, созданные на территории России. При этом иностранные юридические лица могут создавать на территории страны присутствия также дочерние организации и иные подразделения, зачастую играющие большую экономическую роль, чем филиалы и представительства.

В данном исследовании *под иностранными компаниями понимаются* как сами иностранные юридические лица, их филиалы и представительства, так и их российские подразделения, в уставном или акционерном капитале которых на соответствующую иностранную компанию приходится не менее 10%. Критерий в 10% был выбран по определению прямых иностранных инвестиций (ПИИ), закрепленному в официальных методических рекомендациях³.

Понятие «*уход иностранной компании*» не определено законодательно или методически. В ряде исследований даются определения таких явлений, как деинтернационализация (*de-internationalization*), уход (*withdrawal*), деинвестирование (*divestment*).

Согласно работе [2], уход — это частная ситуация деинтернационализации, а деинвестирование — частный случай ухода. Деинтернационализация — это любое добровольное или насильственное действие, сокращающее участие или контакты (представленность или вовлеченность) компании в трансграничной деятельности. Уход — это сокращение любой деятельности в стране: от приостановки до полной ликвидации подразделения. Деинвестирование — закрытие или продажа бизнес-единиц в зарубежных локациях.

¹ Имеется ввиду уникальность для современного этапа развития мировой экономики. Для более продолжительного исторического периода явление не совсем уникально. К примеру, подобная ситуация была характерна для СССР начала 1920-х гг. (до НЭПа), когда большинство иностранных предприятий были национализированы. Кроме того, уход иностранных компаний (или иные ограничения с их стороны) проявились в таких странах, как Иран и в некоторой степени Китай [1].

² П. 2 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/0b14e6fceb7613ee7846b850f1402cc4565d09c/ (дата обращения: 18.02.2024).

³ Иностранные инвестиции в Российскую Федерацию. Основные понятия. URL: [https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/invest/met_invl.htm#:~:text=\(дата обращения: 18.02.2024\).](https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/invest/met_invl.htm#:~:text=(дата обращения: 18.02.2024).)

Явление ухода иностранных компаний по сравнению с явлением прихода компаний и прямого иностранного инвестирования малоизучено, в т.ч. потому, что уход сам по себе более редкое и к тому же негативное явление [2; 3]. Кроме того, проблема исследований ухода зарубежных компаний состоит в недостатке статистических данных.

Количественные оценки степени изученности вопроса позволяют сделать вывод о числе публикаций в наукометрической системе Google Scholar. На *рисунке 1* представлена динамика количества публикаций, в тексте которых присутствуют формулировки *withdrawal of foreign companies*, *foreign direct investment* (все слова и точное словосочетание).

Что касается ухода иностранных компаний (*withdrawal of foreign companies*), то наблюдается постоянный рост количества публикаций, в которых встречаются данные слова, но в 2022–2023 гг. наблюдается рост именно точного словосочетания в тексте публикаций. Касательно прямых иностранных инвестиций (*foreign direct investment*), до 2014 г. наблюдается рост числа публикаций, в тексте которых встречаются данные слова и точные словосочетания, а после 2014 г. — снижение.

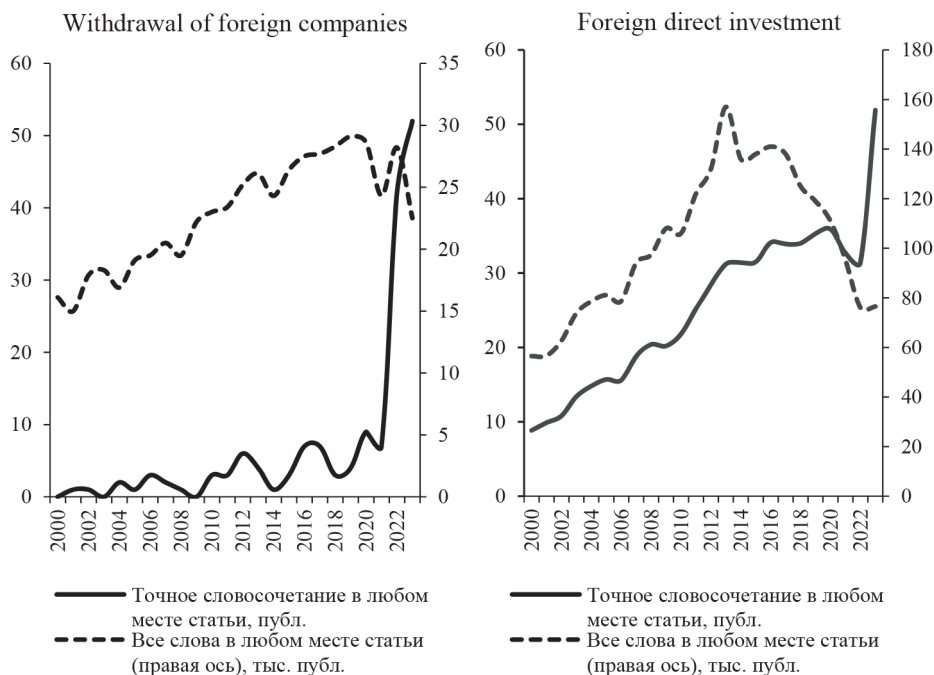

Рис. 1. Количество публикаций с упоминанием слов и точных словосочетаний *withdrawal of foreign companies*, *foreign direct investment* в тексте

Источник: составлено автором по данным Google Scholar.

Таким образом, тема ухода иностранных компаний относительно малоизучена и приобретает популярность в основном только с 2022 г. В то же время тема ПИИ (как обратного процесса) сокращает свою популярность, но результаты исследований по ней могут быть использованы в исследованиях ухода иностранных компаний.

Исследования ПИИ в регионах России были популярны в 2010-х гг., что было связано со значительным притоком ПИИ в Россию в 2000-е гг. Среди них наиболее интересны работы, определяющие факторы распределения ПИИ между регионами России [4; 5], формулирующие территориальные стратегии развития крупнейших иностранных компаний [6], предпринимающие попытки оценки влияния ПИИ на экономическое развитие регионов страны [5].

В исследованиях после 2014 г. *довольно четко проявляется направление*, связанное с влиянием кризиса, вызванного санкционными ограничениями, на экономику регионов России, в т.ч. на ПИИ в регионах [4; 7; 8]. Подобные исследования проводились и после 2022 г. [9].

Исследования влияния санкций на экономическое развитие проводились также и на примере других стран (Ирана, Югославии и др.). Например, в работе [10] выделяются краткосрочные (разрыв внешне-торговых связей, зарубежного финансирования, приводящий к росту инфляции, падению доходов населения, снижению деловой активности) и долгосрочные (снижение доступа к технологиям, уход иностранных компаний и др.) эффекты санкций.

Согласно работе [11], до 2022 г. значимых научных исследований, в которых изучается влияние санкций на деятельность иностранных компаний в регионах России, *не публиковалось*. Возможно, это следствие того, что, несмотря на отток иностранного капитала в стране после 2014 г., *массового ухода иностранных компаний не было*. После начала массовых заявлений иностранных компаний об уходе с российского рынка в 2022 г. появились оценки масштабов сокращения деятельности иностранных компаний в России.

Первая группа таких работ – перечни иностранных компаний, сделавших заявления об уходе или иных ограничениях деятельности в России, составляемые иностранными исследовательскими группами.

Один из таких перечней, используемый в данном исследовании, – перечень иностранных компаний Йельской школы менеджмента [12]. По состоянию на конец 2023 г. в него включены компании, *сделавшие соответствующие заявления*: уход (*withdrawal*) (537), приостановка деятельности (*suspension*) (505), сокращение операций (*scaling back*) (158), отказ от инвестиций (*buying time*) (175), продолжение деятельности (*digging in*) (219) (суммарно 1 594 компании). Количество компаний в данных категориях с начала 2023 г. по середину 2024 г. существенно не изменилось.

Другой перечень иностранных компаний составлен Киевской школой экономики⁴. В нем присутствуют примерно те же категории компаний по заявлениям. Тем не менее, на наш взгляд, данный перечень избыточен, и ряд компаний в нем не имел российских подразделений.

Вторая группа работ – попытки оценить доли уходящих иностранных компаний. Среди зарубежных исследований такого рода наиболее объективным мы считаем работу [13]. В данном исследовании на основе базы данных *ORBIS* составлены перечни компаний из стран ЕС и *G7* и их российских подразделений. Признаком деинвестирования ино-

⁴ Leave Russia // KSE Institute. URL: <https://leave-russia.org/> (дата обращения: 22.01.2024).

странной компании из России считается *факт продажи хотя бы одного из дочерних предприятий* в России. По итогам анализа сделан вывод, что на деинвестировавшие компании приходится 8,5% по числу компаний, 15,3% — по численности персонала, 10,4% — операционного дохода, 8,6% — всех активов компаний из стран ЕС и G7. Также в исследовании делается вывод, что в реальности деинвестирование иностранных компаний из России после 2022 г. могло быть связано с неэффективностью российских подразделений, а не с политическими решениями.

Среди отечественных материалов, появившихся в 2022–2023 гг., стоит выделить работу [11]. В ней оцениваются риски приостановки и прекращения деятельности иностранных компаний в регионах России. В качестве статистической основы приняты данные Росстата о численности работников и обороте организаций с иностранной и совместной иностранной и российской собственностью в разрезе регионов и отраслей, согласно которым на такие организации приходится 6,5% всех работников и 24,7% общего оборота всех крупных и средних организаций в России. Риски приостановки и прекращения деятельности и соответствующего высвобождения работников оценены путем умножения этих значений на 50% (за 50% условно принята доля инвестиций из недружественных стран, за исключением оффшорных). Среди субъектов Российской Федерации, подверженных наибольшему риску, авторы выделяют Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Ленинградскую, Самарскую, Нижегородскую, Калужскую, Владимирскую, Костромскую, Архангельскую, Свердловскую области, Краснодарский край и Республику Татарстан.

В работе [1] исследуется влияние факторов, связанных с кризисом 2022 г., на рост числа новых предприятий малого и среднего бизнеса в регионах России. Для оценки фактора ухода иностранных компаний в регрессионную модель включается показатель *доли иностранных компаний из недружественных стран* в совокупном объеме выручки по регионам России (по данным СПАРК-Интерфакс), который составил 10% в общем обороте всех фирм. При этом отмечается, что в основном совокупный объем выручки иностранных компаний приходится на Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Калужскую, Ленинградскую, Нижегородскую области и Республику Татарстан. Делается вывод о слабовозможим положительном влиянии ухода иностранных компаний из недружественных стран на развитие новых предприятий малого и среднего бизнеса, но только в регионах, где низок импорт из недружественных стран. Также говорится, что передача некоторых предприятий новым собственникам позволила сохранить производство, но тем не менее оставила нерешенными проблемы разрыва цепочек поставок, сохранения эффективности и производительности труда и др.

Таким образом, по разным эмпирическим оценкам вклад уходящих иностранных компаний в экономику России по численности занятых составляет от 7 до 23%, по выручке — 10 до 25%. Оценки по реально ушедшим компаниям немногочисленны, но несколько ниже.

Материалы и методы

Ниже проводятся оценки долей иностранных компаний, сделавших заявления о сокращении деятельности в России и предпринявших конкретные действия по отчуждению имеющихся на территории России активов, в экономических показателях отраслей и регионов.

Оценки масштаба и вклада уходящих иностранных компаний в экономиках отраслей и регионов проведены путем расчета абсолютных и относительных показателей в требуемых разрезах на основании данных различных источников в целях взаимной верификации.

1. Перечень иностранных компаний Йельской школы менеджмента, содержащий информацию о компаниях, заявивших об уходе, приостановке деятельности, сокращении операций, отказе от инвестиций, продолжении деятельности в России по состоянию на конец 2023 г.

2. Данные о структуре собственности и бухгалтерская отчетность организаций (за периоды 2017–2021 гг., 2021–2023 гг.), размещенные в СПАРК-Интерфакс.

На *первом шаге* к иностранным компаниям в перечне Йельской школы менеджмента, заявившим об уходе (также называются «уходящими»), приостановке деятельности («приостанавливающие деятельность»), сокращении операций («сокращающие операции»), отказе от инвестиций («отказывающиеся от инвестиций») были подобраны российские юридические лица, находящиеся во владении этих компаний (для включения в выборку принят критерий доли конечного владельца в уставном или акционерном капитале не менее 10% на начало 2022 г.), а также их представительства в России (далее именно они обозначаются как иностранные компании и анализируются).

На *втором шаге* компании из составленной выборки были верифицированы на предмет ликвидации или смены собственника на российского или иного иностранного (при этом учитывался конечный собственник, доля которого в уставном или акционерном капитале не менее 50%, поскольку была необходима однозначность параметра для каждой компании) в 2022–2023 гг. путем автоматизированной обработки и анализа данных о собственности из СПАРК-Интерфакс. Таким образом, компаниям, удовлетворяющим этим условиям, присваивался статус «ушедшая».

На *третьем шаге* для компаний, которым не был присвоен статус «ушедшая», была проанализирована динамика выручки за 2021–2023 гг. из СПАРК-Интерфакс. Таким образом, сделана попытка идентифицировать компании, которые реально сократили экономическую деятельность в России, не предприняв при этом действий по отчуждению активов. В случае сокращения выручки, компаниям присваивался статус «сократившая деятельность».

На *четвертом шаге*, данные за 2017–2021 гг. по основным показателям (среднесписочной численности персонала, выручке, внеоборотным активам) компаний в составленной базе агрегировались и анализировались в требуемых разрезах.

Результаты и обсуждение

Вклад уходящих и реально ушедших иностранных компаний в экономику России. В общестрановом разрезе (см. табл. 1) по итогам 2023 г. на компании⁵, заявившие об уходе, (1 503) пришлось 0,8% среднесписочной численности персонала и 2,3% выручки и всех организаций России. Вместе с компаниями, заявившими о приостановке деятельности (942), показатели достигают 1,2 и 4,4% соответственно. А вместе с компаниями, заявившими о сокращении операций (553) и отказе от инвестиций (685), — 1,7 и 7,5% соответственно⁶.

Т а б л и ц а 1

Вклад иностранных компаний, заявивших об уходе, приостановке деятельности, сокращении операций, отказе от инвестиций, в основные общестрановые показатели по итогам 2022 и 2023 гг.

Показатели	Уходят		Приостанавливают		Сокращают		Отказываются от инвестиций	
	Конец 2022	Конец 2023	Конец 2022	Конец 2023	Конец 2022	Конец 2023	Конец 2022	Конец 2023
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Среднесписочная численность работников, тыс. чел. (доля в общестрановой численности, %)	229 (0,5)	338 (0,8)	201 (0,5)	184 (0,4)	115 (0,3)	107 (0,2)	125 (0,3)	145 (0,3)
Объем выручки, млрд руб. (доля в общестрановом объеме, %)	2 744 (1,3)	4 708 (2,3)	4 145 (2,0)	4 246 (2,1)	3 590 (1,7)	2 566 (1,2)	3 218 (1,6)	3 856 (1,9)

Источник: составлено автором по данным [12], СПАРК-Интерфакс и Росстата.

⁵ Здесь и далее при анализе количественных показателей под иностранными компаниями понимаются российские подразделения (юридические лица), которыми владеют или владели к началу 2022 г. иностранные компании, заявившие об уходе (537), приостановке деятельности (505), сокращении операций (158), отказе от инвестиций (175), согласно источнику (The Yale CELI list of companies curtailing operations in Russia), а также их филиалы и представительства.

⁶ Верифицировать суммарные показатели по иностранным компаниям возможно с помощью статистики Росстата по организациям иностранной и совместной иностранной и российской собственности. Так, по выручке доля таких организаций в России составляет 8,9%, по численности занятых — 6,6%. Если умножить данные показатели на долю недружественных стран (в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р) (без стран-офшоров) в накопленных прямых иностранных инвестициях в России (88%) получаются, соответственно, показатели 7,8% и 5,8%. Это ненамного превышает суммарные доли по компаниям, сделавшим заявления. Учитывая то, что определенная доля компаний (даже из недружественных стран) не сделала заявления, приведенные в исследовании оценки можно считать относительно корректными.

О к о н ч а н и е т а б л . 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Объем внеоборотных активов, млрд руб. (доля в общестрановом объеме, %)	1 280 (0,5)	1 912 (0,8)	596 (0,2)	924 (0,4)	2 799 (1,2)	861 (0,4)	856 (0,4)	2 754 (1,1)
Объем инвестиций (рост внеоборотных активов в абсолютных номинальных величинах), млрд руб.	122 (0,6)	180 (0,9)	37 (0,2)	112 (0,6)	361 (1,9)	89 (0,5)	70 (0,4)	305 (1,6)
Вклад в ВВП (сумма выручки и прироста внеоборотных активов), млрд руб. (доля в общестрановом объеме, %)	2 866 (2,6)	4 887 (4,5)	4 183 (3,8)	4 358 (4,0)	3 952 (3,6)	2 655 (2,4)	3 288 (3,0)	4 161 (3,8)

При рассмотрении динамики за 2022–2023 гг. видно, что увеличилась доля компаний, заявивших об уходе. При этом доли компаний из других категорий существенно не изменились.

С точки зрения *реального ухода и сокращения деятельности* среди всех анализируемых компаний на конец 2022 г. (см. рис. 2):

- 62 компании ликвидированы (2% по численности занятых, 0,4% по выручке);
- 161 компания изменила собственника (9 и 10%);
- среди неушедших компаний 932 сократили деятельность (40 и 49%).

Рис. 2. Реальные статусы иностранных компаний, сделавших заявления, на конец 2022 г. и конец 2023 г.

(структура по среднесписочной численности занятых)

Источник: составлено по данным СПАРК-Интерфакс.

На конец 2023 г. (см. рис. 2):

- 197 компаний ликвидированы (6% по численности занятых, 1,3% по выручке);
- 469 компаний изменили собственника (26 и 22%);
- среди неушедших компаний 600 сократили деятельность (25 и 35%).

Таким образом, среди компаний, сделавших заявления, на долю реально ушедших на конец 2022 г. пришлось 11% занятых и 10% выручки; на конец 2023 г. — соответственно 32% и 23% от всех анализируемых компаний. При добавлении к реально ушедшим компаниям компаний, реально сокративших деятельность, на 2022 г. доли составят соответственно 51 и 59%, на 2023 г. — соответственно 57 и 58%.

То есть *реальный уход* (ликвидация и смена собственников) *более выпукло проявился в 2023 г.*, а не в 2022 г. Это говорит об его отложенном характере, связанном с длительностью процессов ликвидации и смены собственников юридических лиц.

Т а б л и ц а 2

Вклад реально ушедших (ликвидированных или изменивших собственников) иностранных компаний в основные общестрановые показатели по итогам 2022 и 2023 гг.

Показатели	Ликвидированные		Изменившие собственников на российских и иных иностранных		Сократившие деятельность (среди неушедших)	
	Конец 2022	Конец 2023	Конец 2022	Конец 2023	Конец 2022	Конец 2023
Среднесписочная численность работников, тыс. чел. (доля в общестрановой численности, %)	12 (0,03)	45 (0,1)	74 (0,17)	205 (0,47)	309 (0,71)	194 (0,44)
Объем выручки, млрд руб. (доля в общестрановом объеме, %)	54 (0,03)	196 (0,1)	1469 (0,71)	3428 (1,66)	7549 (3,66)	5403 (2,62)
Объем внеоборотных активов, млрд руб. (доля в общестрановом объеме, %)	16 (0,01)	66 (0,03)	375 (0,16)	1219 (0,51)	2108 (0,88)	867 (0,36)
Объем инвестиций (рост внеоборотных активов в абсолютных номинальных величинах), млрд руб. (доля в общестрановом объеме, %)	0 (0)	-10 (-0,05)	8 (0,04)	102 (0,53)	327 (1,7)	35 (0,18)
Вклад в ВВП (сумма выручки и прироста внеоборотных активов), млрд руб. (доля в ВВП, %)	55 (0,05)	186 (0,17)	1477 (1,36)	3530 (3,25)	7876 (7,24)	5438 (5,0)

Источник: составлено по данным СПАРК-Интерфакс и Росстата.

При этом для 2022 г. были характерны большие масштабы сокращения деятельности компаний, чем для периода 2022–2023 гг., т.е. многие иностранные компании, сократившие деятельность в 2022 г., либо восстановили производство в 2023 г., либо предприняли действия по уходу.

Вклад реально ушедших компаний в экономику России (см. табл. 2) на конец 2022 г. оценивается в 0,2% по численности занятых и в 0,7% по выручке, а на конец 2023 г. — соответственно в 0,6 и в 1,8%. То есть, вклад реально ушедших компаний несколько меньше вклада компаний, заявивших об уходе.

Вклад компаний, сокративших деятельность (среди тех, которые не ушли) на конец 2022 г. оценивается в 0,71% по занятости и 3,66% по выручке, на конец 2023 г. — в 0,44% по занятости и 2,62% по выручке. Данные значения меньше суммарного вклада компаний, заявивших о приостановке деятельности и сокращении операций.

Вклад уходящих и реально ушедших иностранных компаний в отраслях. При рассмотрении вклада уходящих и ушедших иностранных компаний на конец 2023 г. в разрезе укрупненных отраслей экономики (разделы ОКВЭД 2) по абсолютной численности занятых и ее доли в общей численности занятых отрасли видно, что отличия данных показателей по компаниям, заявившим об уходе и реально ушедшим, незначительные и примерно одинаковые, хотя для реально ушедших они, как правило, несколько меньше.

При этом отрасли следует разделить на те, где велики масштабы уходящих и ушедших иностранных компаний по абсолютным показателям: обрабатывающие производства, торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств (при этом относительные показатели также значительные среди отраслей: 1–1,5% составляет вклад компаний, заявивших об уходе, 0,5–1% — реально ушедших), и те, где велик вклад только по относительным показателям: деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность в области информации и связи, деятельность финансовая и страховая, деятельность научная и техническая (на компании, заявившие об уходе, в данных отраслях приходится 2–4%, на реально ушедшие — 1,5–3,5%).

В целом в разрезе укрупненных отраслей экономики наиболее пострадавшими можно считать отрасли сферы услуг, а также обрабатывающую промышленность.

При рассмотрении в разрезе отраслей промышленности (классы ОКВЭД 2) по абсолютным показателям численности занятых компаний, заявивших об уходе и реально ушедших, выделяется производство автотранспортных средств (но и доля их в общей численности занятых отрасли также велика — 13,8% для заявивших об уходе, 5,6% — для реально ушедших).

По доле компаний, заявивших об уходе, в общей численности занятых выделяются, помимо автомобилестроения, такие отрасли, как производства табачных изделий (27,3%), бумаги (8,8%), напитков (4,1%), электрического оборудования (3,1%). По доле реально ушедших компа-

ний в общей численности занятых можно отметить производство резиновых и пластмассовых изделий (4,2%), бумаги (4%), предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых (2,2%). По доле реально ушедших компаний в общей выручке отрасли стоит также выделить обработку древесины и производство изделий из дерева (9,5%, сразу после автомобилестроения, где эта доля составляет 19,7%).

Если к компаниям, заявившим об уходе, добавить компании, заявившие о приостановке деятельности, сокращении операций, отказе от инвестиций, то в 10 раз (до 5%) доля таких компаний вырастет в производстве пищевых продуктов. Кроме того, только компании, заявившие об отказе от инвестиций, составляют 4,6% численности занятых в производстве лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях. Преобладание более «легких» заявлений в таких социально значимых отраслях является следствием некоторых исключений в поведении иностранных компаний, так же, как и санкционных ограничений.

Такая же закономерность наблюдается в сферах добычи нефти и газа и производства компьютеров, электронных и оптических изделий, что может быть связано с невысоким количеством компаний в данных отраслях.

Таким образом, среди отраслей промышленности наиболее пострадавшими от ухода иностранных компаний являются:

- автомобилестроение;
- ряд отраслей обрабатывающей промышленности, производящих как потребительские (табачная, целлюлозно-бумажная, производство напитков), так и промышленные и инвестиционные товары и услуги (деревоперерабатывающая, электротехническая, производство резиновых и пластмассовых изделий, предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых). Последняя группа имеет опосредованное влияние на другие отрасли.

Вклад уходящих и реально ушедших иностранных компаний в экономику регионов России

Численность занятых иностранных компаний, заявивших об уходе и реально ушедших (абсолютные показатели), максимальна в Москве, Санкт-Петербурге и Московской области – регионах с крупной и диверсифицированной экономикой, на территориях которых расположены крупнейшие городские агломерации.

По доле компаний, заявивших об уходе, в общерегиональной численности занятых (относительные показатели) максимальный вклад наблюдается в Москве (3,8%), Санкт-Петербурге (2%), Московской области (1,1%), автомобилестроительных Самарской (3,3%) и Ленинградской (2,1%) областях, лесоперерабатывающей Республике Коми (1,6%), нефтедобывающей Сахалинской области (1,2%).

Компании, заявившие об уходе, приостановке деятельности, сокращении операций, отказе от инвестиций, вносят существенно больший

(более, чем в 10 раз) вклад, чем только компании, заявившие об уходе, в ресурсодобывающих Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах и Кемеровской области (что подтверждает отраслевую закономерность), а также в Калужской, Владимирской, Тульской, Калининградской областях и Приморском крае.

По доле реально ушедших компаний также выделяются Москва (2,9%) и Санкт-Петербург (1,2%), Московская область (0,6%). К автомобилестроительным Ленинградской (2%) и Самарской (1,0%) областям также добавляется Калужская область (2,3%). Выше, чем по компаниям, заявившим об уходе, доля реально ушедших компаний также в нефтедобывающей Сахалинской области (2%).

По доле реально ушедших иностранных компаний в общей выручке компаний региона к упомянутым выше субъектам добавляются также Тульская (2,7%) и Новгородская (2,4%) области. (В Калужской области данный показатель составляет 22,8%, в Ленинградской — 6,4%, в Москве и Московской области — соответственно 3,9 и 3,1%).

Иностранные компании, реально ушедшие и реально сократившие деятельность, вносят значительно больший (более чем в 4 раза) вклад, чем только реально ушедшие компании в регионах с лесопереработкой — Костромской области, Республике Карелии, Приморском крае, а также в промышленно диверсифицированной Липецкой области (т.е. в этих регионах иностранные компании скорее всего сократили деятельность по внешним причинам, например, по причине ограничений экспорта продукции).

Среди регионов с наибольшим вкладом уходящих и ушедших иностранных компаний следует выделить несколько групп.

Первая. Москва, Санкт-Петербург, Московская область — регионы с диверсифицированной экономикой, на территориях которых расположены крупнейшие городские агломерации.

Вторая. Регионы с относительно диверсифицированной промышленностью и высокой ролью иностранного капитала в ней — Республика Татарстан и Тульская область.

Третья. Регионы иностранного автомобилестроения — Калужская, Самарская, Ленинградская области.

Четвертая. Лесоперерабатывающие регионы — Республики Карелия и Коми, Новгородская область.

Пятая. Сахалинская область — регион с иностранными компаниями в нефтедобыче.

Ситуация в регионах с наибольшим вкладом уходящих и ушедших иностранных компаний

В целях верификации полученных выводов необходимо рассмотреть конкретные компании, формирующие агрегированные показатели в наиболее пострадавших регионах.

В Москве уходящие компании представлены преимущественно сферой услуг и крупными промышленными компаниями, не ведущими производственной деятельности на территории города (в связи с этим оценки ухода иностранных компаний по Москве существенно завышены). Крупнейшее действующее на территории столицы промышленное предприятие — автозавод, ранее принадлежавший французскому собственнику, но сменивший его на российского, сократил выручку за 2021–2023 гг. (далее сокращение выручки за 2021–2023 гг. обозначается как «сокращение деятельности»).

В Санкт-Петербурге, как и в Москве, присутствует высокая доля уходящих компаний в сфере услуг. В то же время крупнейшие иностранные компании — это автомобильные заводы южнокорейского и японского производителей. Первый сохранил иностранного собственника, второй — сменил на российского; обе компании существенно сократили деятельность.

В Московской области компании, заявившие об уходе, представлены в основном в сфере торговли: это торговые подразделения французской компании, специализирующейся на продаже стройматериалов, японского автопроизводителя, шведского производителя мебели и др., как правило, сохранившие иностранных собственников, но сокращающие деятельность или ликвидируемые. Среди производственных компаний — преимущественно пищевые производства, не сократившие деятельность: предприятия американских производителей напитков и кондитерских изделий, сохраняющие иностранных собственников, французского производителя молочной продукции, изменившие собственника на российского.

В Ленинградской области среди наиболее крупных предприятий в секторе автомобилестроения представлены производство шин финского производителя, сохранившее иностранного собственника и сократившее деятельность, автомобильный завод американской компании, сохранивший иностранных собственников, производители комплектующих, сохранившие французских и испанских собственников, но сократившие деятельность. В энергетическом машиностроении производства немецкой и французской компаний, а в производстве техники — предприятие американской компании — сохранили иностранных собственников, но сократили деятельность. Производства табачных изделий американской и японской компаний, а также производство цемента немецкого производителя сохранили иностранных собственников, при этом не сократили деятельность. Производства бумаги американского, а также мебели шведского производителей сменили собственников на российских, но при этом сократили деятельность.

В Калужской области автомобильные заводы немецкого производителя, производства шин немецкой компании, автокомпонентов испанского производителя были переданы российским собственникам, автомобильные производства нидерландской и японской компаний,

французское, испанское и американское производства автокомпонентов сохранили иностранных собственников. Все предприятия, связанные с производством автомобилей и автокомпонентов, сократили деятельность. Южнокорейское производство бытовой электроники сохранило иностранную собственность и сократило деятельность. Фармацевтические производства британской, итальянской и датской компаний сохранили иностранных собственников. При этом первое — не сократило, а другие две компании сократили деятельность. Производство бумаги и картона финской и производство фанеры австрийской компаний изменили собственников на российских, при этом первая компания сократила деятельность, вторая — нет.

В Самарской области крупнейший автозавод полностью перешел российским собственникам (ранее существовала доля французской компании). Производства автокомпонентов немецкой, французской, японской, ирландской компаний переданы российским собственникам, испанских — нет. Все производители автомобилей и автокомпонентов сократили деятельность. Производство алюминия американского собственника, электротехническое производство французского производителя переданы российским собственникам. Подразделения по предоставлению услуг в области добычи нефти американской компании переданы российским собственникам и не сокращают деятельность. Производства удобрений и промышленных газов немецкого производителя преимущественно переданы российским собственникам, но сократили деятельность.

В Республике Татарстан автомобильные производства американского и австрийского производителей, производства автокомпонентов немецких, американской и канадской компаний переданы российским собственникам. Деятельность их преимущественно сократилась. Финское производство пластмассовых изделий и итальянское производство бытовых приборов ликвидированы. Сохраняют иностранных собственников датское, немецкое и австрийское производства стройматериалов, французское производство промышленных газов, при этом они преимущественно не сокращают деятельность. Производство химических веществ американской компании и производство солода бельгийской компании изменили собственников на российских, при этом первая компания сократила деятельность, вторая — нет.

В Тульской области среди крупнейших производств сохранили иностранных собственников и не сократили деятельность американское производство крахмала и немецкие производства строительных материалов. Производства бытовой химии американского производителя и производство пластмасс бельгийской компании переданы российским собственникам, но сократили деятельность.

В Республике Коми предприятие британского производителя по производству бумаги и картона сохраняет иностранного собственника и не сокращает деятельность, его же предприятия по лесозаготовкам — переданы российским собственникам. Предприятия по предоставлению

услуг в области добычи нефти американских компаний поменяли собственников на российских и не сокращают деятельность.

В Республике Карелии лесоперерабатывающие активы финской и шведской компаний преимущественно переданы российским собственникам, но сократили деятельность. Швейцарское предприятие по добыче нерудных материалов сохраняет иностранного собственника, не сокращая деятельность.

В Новгородской области деревоперерабатывающие активы шведского и финского производителей переданы российским собственникам, другого финского производителя — нет, при этом все они сократили деятельность.

В Сахалинской области подразделения по предоставлению услуг в области добычи нефти и газа американской и британской компаний переданы российским собственникам, при этом не сократили деятельность. Подразделения японских и датских компаний, специализирующихся на морских перевозках и складской деятельности, преимущественно переданы российским собственникам и преимущественно сократили деятельность.

Если рассмотреть данную информацию *в отраслевом разрезе*, то можно сделать вывод, что вероятность нахождения нового собственника и успешного продолжения деятельности во многом определяются характеристиками отрасли. Наиболее успешно находят новых собственников отрасли, имеющие гарантированный спрос, невысокую технологическую зависимость от предыдущих собственников и низкую фондоемкость. Так, преимущественно сменились на российских собственники в целлюлозно-бумажной и деревоперерабатывающей отраслях, при этом предприятия все равно сокращают деятельность из-за проблем с экспортом продукции. Также сменились на российских собственники в предоставлении услуг в области добычи полезных ископаемых, при этом масштабы деятельности организаций не сократилась.

В потребительских секторах (например, производство табачных изделий) и в строительной отрасли иностранные собственники преимущественно сохраняются, но масштабы деятельности организаций не сокращаются,

Наиболее трудная ситуация с поиском новых собственников в автомобилестроении — предприятия либо до сих пор не нашли новых собственников, либо были переданы госкомпаниям или регионам, при этом производство на них существенно сократилось или вовсе прекратилось.

В химической промышленности ситуация со сменой собственников различная, но в большинстве случаев предприятия сокращают деятельность. Так же, как и в автомобилестроении, здесь сказывается высокий уровень технологичности отрасли.

Выводы

Исходя из проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы.

1. Вклад иностранных компаний, заявивших об уходе и реально ушедших, в экономику России относительно невелик. Компании, заявившие об уходе, формируют 0,8% численности занятых и 2,3% выручки всех организаций, а реально ушедшие иностранные компании (ликвидированные или сменившие собственников в 2022–2023 гг.) – соответственно 0,6 и 1,8%. В то же время в 2023 г. по отношению к 2022 г. вклад таких компаний увеличился.

2. Среди наиболее пострадавших отраслей – отрасли сферы услуг и некоторые промышленные:

- автомобилестроение (где на реально ушедшие иностранные компании приходится 6% численности работников и 20% выручки), имеющее наибольшие проблемы с поиском новых собственников и негативную динамику выручки предприятий;
- отрасли, производящие потребительские товары (табачная, целлюлозно-бумажная, производство напитков), относительно легко находящие новых собственников и имеющие преимущественно положительную динамику выручки предприятий;
- производящие промышленные и инвестиционные товары и услуги (деревоперерабатывающая, химическая, машиностроение, предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых), в которых складывается различная ситуация с поиском собственников предприятий, но выручка компаний в основном имеет негативную динамику. Данная группа оказывает опосредованное влияние на другие отрасли экономики.

3. Вклад уходящих иностранных компаний варьирует в регионах в зависимости от доли, занимаемой в структуре их экономики конкретными предприятиями конкретных отраслей. Наибольший вклад уходящих иностранных компаний характерен:

- для Москвы, Санкт-Петербурга, Московской области;
- регионов с диверсифицированной промышленностью – Республики Татарстан и Тульской области;
- автомобилестроительных регионов – Калужской, Самарской, Ленинградской областей;
- лесоперерабатывающих регионов – Республик Карелия и Коми, Новгородской области;
- Сахалинской области.

Ситуация в первых двух типах регионов не является критичной за счет масштаба экономики или компенсации динамики производства другими отраслями промышленности или сферы услуг. В регионах с развитым автомобилестроением ситуация более критична по причине значительного масштаба самих уходящих компаний, в регионах с развитой лесопереработкой – по причине значительного вклада соответствующей отрасли в региональную экономику.

Список литературы

1. Земцов С.П., Барина В.А., Михайлов А.А. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России // Экономическая политика. 2023. Т. 18. № 2. С. 44–79.
2. Benito G.R.G., Welch L.S. De-internationalization // *MIR: Management International Review*. 1997. No. 37. P. 7–25.
3. Andersson A., Wallhult E. Withdrawal from Foreign Markets. A Study of Two Swedish Companies and Their Withdrawal Decision-Making Process. 2011. 50 p. URL: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/26606> (дата обращения: 10.06.2024).
4. Кузнецова О.В. Прямые иностранные инвестиции в российских регионах в условиях санкций // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 132–142.
5. Кузнецова О.В. Роль иностранного капитала в экономике российских регионов: возможности оценки и межрегиональные различия // Проблемы прогнозирования. 2016. № 3 (156). С. 59–70.
6. Кузнецова О.В., Михайлов А.А. Территориальные стратегии развития крупнейших иностранных компаний в России // Федерализм. 2019. № 3. С. 74–89.
7. Зубаревич Н.В. Региональная проекция нового российского кризиса // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 37–52.
8. Климанов В.В., Варданян В.Ш. Прогнозы регионов России в условиях экономических санкций // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 3. С. 25–33.
9. Зубаревич Н.В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 217–226.
10. Ситкевич Д.А., Стародубровская И.В. Кратко- и долгосрочные последствия санкций: опыт Ирана и Югославии // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. С. 77–98.
11. Землянский Д.Ю., Калиновский Л.В., Медведникова Д.М., Чуженькова В.А. Оценка рисков приостановки деятельности иностранных компаний для экономики и рынков труда регионов России // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 4. С. 4–14.
12. Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain. URL: <https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain> (дата обращения: 22.01.2024).
13. Evenett S., Pisani N. Less than Nine Percent of Western Firms Have Divested from Russia // SSRN Electronic Journal. 2022. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4322502 (дата обращения: 10.06.2023).

References

1. Zemstov S.P., Barinova V.A., Mikhailov A.A. Sanktsii, ukhod inostrannykh kompanii i delovaia aktivnost' v regionakh Rossii [Sanctions, Withdrawal of Foreign Companies and Business Activity in Russian Regions], *Ekonomicheskaja politika* [Economic Policy], 2023, Vol. 18, No. 2, pp. 44–79. (In Russ.).
2. Benito G.R.G., Welch L.S. De-internationalization, *MIR: Management International Review*, 1997, No. 37, pp. 7–25.
3. Andersson A., Wallhult E. Withdrawal From Foreign Markets. A Study of Two Swedish Companies and Their Withdrawal Decision-Making Process, 2011, 50 p. Available at: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/26606> (accessed 10 June 2024).

4. Kuznetsova O.V. Priamye inostrannye investitsii v rossiiskikh regionakh v usloviakh sanktsii [Foreign Direct Investment in Russian Regions Under Sanctions], *Mezhdunarodnye protsessy* [International Processes], 2016, Vol. 14, No. 3, pp. 132–142. (In Russ.).
5. Kuznetsova O.V. Rol' inostrannogo kapitala v ekonomike rossiiskikh regionov: vozmozhnosti otsenki i mezhregional'nye razlichia [The Role of Foreign Capital in the Economy of Russian Regions: Assessment Possibilities and Regional Differences], *Problemy prognozirovaniia* [Forecasting Problems], 2016, No. 3 (156), pp. 59–70. (In Russ.).
6. Kuznetsova O.V., Mikhailov A.A. Territorial'nye strategii razvitiia krupneishikh inostrannykh kompanii v Rossii [Territorial Development Strategies of the Largest Foreign Companies in Russia], *Federalizm* [Federalism], 2019, No. 3, pp. 74–89. (In Russ.).
7. Zubarevich N.V. Regional'naia proektsiia novogo rossiiskogo krizisa [Regional Projection of the New Russian Crisis], *Voprosy ekonomiki* [Economics Issues], 2015, No. 4, pp. 37–52. (In Russ.).
8. Klimanov V.V., Vardanian V.Sh. Prognozy regionov Rossii v usloviakh ekonomicheskikh sanktsii [Forecasts for Russian Regions under Economic Sanctions], *Regional'naia ekonomika. Iug Rossii* [Regional Economics], 2019, Vol. 7, No. 3, pp. 25–33. (In Russ.).
9. Zubarevich N.V. Regiony Rossii v novykh ekonomicheskikh usloviakh [Russian Regions in New Economic Conditions], *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2022, No. 3 (55), pp. 217–226. (In Russ.).
10. Sitkevich D.A., Starodubovskaia I.V. Kratko- i dolgosrochnye posledstviia sanktsii: opyt Irana i Iugoslavii [Short- and Long-Term Consequences of Sanctions: The Experience of Iran and Yugoslavia], *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki* [Theoretical Economic Issues], 2022, No. 3, pp. 77–98. (In Russ.).
11. Zemlianskii D.Iu., Kalinovskii L.V., Medvednikova D.M., Chuzhen'kova V.A. Otsenka riskov priostanovki deiatel'nosti inostrannykh kompanii dlia ekonomiki i rynkov truda regionov Rossii [The Risks Estimation of the Foreign Companies Activities Suspension for the Economy and Labor Markets of Russian Regions], *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic Development of Russia], 2022, Vol. 29, No. 4, pp. 4–14. (In Russ.).
12. Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain. Available at: <https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain> (accessed 22 January 2024).
13. Evenett S., Pisani N. Less than Nine Percent of Western Firms Have Divested from Russia, *SSRN Electronic Journal*, 2022. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4322502 (accessed 10 June 2023).

THE ESTIMATION OF WITHDRAWING AND WITHDRAWN FOREIGN COMPANIES CONTRIBUTION IN INDUSTRIES AND REGIONS OF RUSSIA

Despite the current relevance of foreign companies' withdrawal from Russia, there are no significant scientific works on this topic. Some researchers have attempted to assess the scope of foreign companies' withdrawal from Russia. But similar works on a regional level are almost absent. The article attempts to estimate the shares of foreign companies that announced their withdrawal, suspension of activities, reduction of operations, suspension

of investments, as well as those that objectively withdraw and reduced the activities in industries and regions of Russia. Analysis showed that foreign companies that announced their withdrawal accounted for 0.8% of the employees and 2.3% of the revenue of all organizations in the Russian economy, while foreign companies that objectively withdraw accounted for 0.6% and 1.8%. Among the industries, the automotive industry is the most affected. Among the regions, the largest diversified (city of Moscow, Moscow region, city of St. Petersburg), industrial diversified (Republic of Tatarstan, Tula region), automotive (Kaluga, Leningrad and Samara regions), timber processing (Republics of Komi and Karelia, Novgorod region), Sakhalin region are more affected. The most critical situation in terms of risks for the labor market and regional economies is developing in the automotive and timber processing regions.

Keywords: foreign companies, withdrawal of companies, reduction of activities, disinvestment, regional economy.

JEL: R11, R12, R13

Дата поступления — 10.06.2024 г.

БОБРОВСКИЙ Роман Олегович

лаборант-исследователь научной лаборатории «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы»;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36., г. Москва, 109992.

e-mail: rbobrovskiy@yandex.ru

BOBROVSKIY Roman O.

Laboratory Researcher of the Scientific Laboratory “Regional Policy and Regional Investment Processes”;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: rbobrovskiy@yandex.ru

Для цитирования:

Бобровский Р.О. Оценка вклада уходящих и ушедших иностранных компаний в отраслях и регионах России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 153–171. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-153-171>

В.Н. МИНАТ

НИЗКОБЮДЖЕТНЫЕ ДОМОХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ США

Цифровизация экономики высокоразвитых стран, наряду с технологическим усовершенствованием производственных и социальных отношений, приносит ряд существенных проблем, связанных с увеличением разрыва по доходам и перетока экономически активного населения из сферы экономики знаний в сектора традиционной деятельности. Субъектным выражением указанного процесса в XXI в. выступают низкобюджетные домохозяйства, увеличение доли которых наблюдается в США в период усиленной цифровизации и реиндустриализации, начиная с 2010 г. Тенденция роста низкобюджетных семей в Соединенных Штатах имеет внутрисекторный пространственный характер, количественно и качественно различный как на уровне субрегионов, так и отдельных штатов страны. Рассмотренные в статье региональные аспекты взаимосвязи роста доли низкобюджетных домохозяйств в зависимости от уровня цифровизации экономики и общества, отраженного посредством соответствующего комплексного индекса, находят эмпирическое подтверждение, в целом характеризующееся прямой зависимостью и причинностью, связанной с высвобождением все более значительного числа трудового потенциала из передовых секторов экономики. Проблема перетока экономически активных граждан, представляющих основу низкобюджетных домохозяйств, в которых снижается уровень официального дохода, налогов, потребления и сбережений, в разных штатах США решается неодинаково. На основе сопоставления критериев выявления низкобюджетных семей, приоритетных для властей различных регионов страны, формируется общая пространственная картина поляризации субрегионов и штатов по признакам доли низкобюджетных домохозяйств, зависящей от уровня цифровизации и выбора направлений государственной региональной политики по сглаживанию негативных проблем неравенства и скрытой занятости, обусловленных цифровой трансформацией общественных отношений.

Ключевые слова: цифровизация, низкобюджетные семьи/домохозяйства, цифровой разрыв, индекс цифровизации экономики и общества, государственная региональная политика, США.

JEL: I38, J71, O38, R12

Цифровизация, выступая ядром современного этапа технологического развития общества, подразумевает сознательное или опосредованное внедрение/диффузию цифровых технологий во все сферы жизни и деятельности человека: экономическую, социальную, политическую, духовную. В новой реальности, связываемой с четвертой промышленной революцией или шестым технологическим укладом, цифровые технологии и формируемые на их основе производительные силы призваны выступить базисом для решения актуальных социально-экономических проблем. При этом в рамках рыночной модели, испытывающей противоречивые воздействия процессов глобализации и деглобализации/регионализации в первые десятилетия XXI в., наряду с традиционными проблемами обеспечения рыночного равновесия, получили развитие следующие тенденции [1; 2; 3].

Во-первых, скорость внедрения цифровизации намного опережает темпы роста производительности труда при постоянном снижении последних.

Во-вторых, возрастает зависимость человека от цифровых продуктов и их производных, включая Интернет вещей и искусственный интеллект; меняется восприятие и применение новых технологий в жизни и деятельности, само мышление человека.

В-третьих, хаотично (вместо прежней цикличности) изменяется структура занятости и доходов населения, повышая и диверсифицируя социальные риски.

В Соединенных Штатах Америки, как и в других передовых странах, занятость приобретает новые формы, предусматривающие диверсификацию источников доходов работника [4]. Изменение структуры занятости и реального дохода домохозяйств в настоящее время связывается не столько с повышением производительности в конкретных отраслях американской экономики, сколько с увеличением интенсивности, напряженности и даже «бессмысленности»¹ части трудовых операций, обусловленных внедрением цифровых технологий [7; 8]. На базе экономических диспропорций в США возникает и углубляется *цифровой разрыв (Digital Divide)*,² дополнительно усиливающий «...тормо-

¹ Профессор Лондонской школы экономики Дэвид Гребер называет такой труд «bullshit», что в русскоязычном переводе дословно означает «бред», «абсурд» или «бредовая работа». Он отмечает, что «...это настолько бессмысленная, ненужная или вредная оплачиваемая форма занятости, что даже сам работник не может оправдать ее существование, хотя в силу условий найма он чувствует необходимость притворяться, что это не так...» [5, с. 24]. В ряде отраслей экономики США и других стран повсеместно наблюдается «имитация бурной деятельности» (*busywork*) — термин, используемый в книге американского программиста и специалиста по управлению IT-отраслью Тома ДеМарко под говорящим названием «На расслабоне: как преодолеть эмоциональное выгорание, имитацию бурной деятельности и миф о 100%-ой эффективности» [6]. В этом исследовании речь идет о бессмысленной занятости айтишников, замаскированной демагогией о креативности персонала.

² По мнению западных [9; 10] и отечественных [3; 11] ученых, смысл процессов, объединенных понятием «цифровой разрыв», определяется различием в доступности цифровым благам. Указанное различие в свою очередь оборачивается ростом неравенства в распределении доходов по трем измерениям: 1) разрыв между городскими ареалами и сельской местностью; 2) разрыв между различными социально-экономическими группами людей; 3) глобальный разрыв между развитыми и развивающимися странами.

жение реальных доходов населения на фоне растущего разрыва между доходами бедных и богатых слоев» [2, с. 25]. Как фактор увеличения социально-экономического неравенства внутри Соединенных Штатов цифровой разрыв наблюдается как в разрезе социальной стратификации, так и в территориальном плане посредством выявления актуальных *региональных аспектов*. Однако в отличие от ряда американских специалистов, представляющих данный разрыв преимущественно в системе «город — сельская местность» [10], мы считаем, что в условиях практически тотальной урбанизации и субурбанизации (мегарегionalизации³) современной Америки наиболее предпочтительным уровнем исследования неравномерности цифровой модернизации общества выступает уровень административных и статистических субъектов федерации — штатов и субрегионов страны.

Из всего многообразия направлений влияния цифровизации на рыночный механизм социально-экономического развития США мы сфокусируем внимание на проблемах развития той части социума, жизнь и деятельность которой на первый взгляд можно по большому счету считать «побочными» в общем русле цифровой трансформации общественных отношений, не связанными с благами цифровизации. Отдавая приоритет системному подходу к изучению динамики американской экономики и общества, предметно обратимся к тем слоям американской нации, которые обладают историческим опытом самостоятельного смягчения последствий перманентных экономических кризисов посредством гибкого перетока трудовой активности в пространствах легального, серого и даже теневого секторов, — так называемым *низкобюджетным семьям/домохозяйствам (Low Budget Families, LBF)*.

Особенности выявления низкобюджетных домохозяйств США в цифровую эпоху

Статистическое отражение процесса цифровизации в отраслях экономики США, включая региональный аспект, по общепризнанному мнению, берет начало в 2000 г. [1; 12]. Примерно тогда начался статистический учет влияния цифровых технологий посредством Интернета, блокчейна, облачных технологий на экономический рост [13; 14] и социальную структуру американского общества [15]. В современном виде цифровая трансформация экономики и общества США отражена

³ Мегарегионы США представляют собой исторически сложившиеся обширные совокупности соседствующих агломераций (мегаполисов и мегаполисов) с прилегающей субурбанизированной (полугородской) и сельской местностью, объединенные сложной инфраструктурой, социально-культурной и экономической жизнью и деятельностью граждан. Сеть мегарегионов США объединяет по разным данным от 4/5 до 9/10 населения страны в 11 мегарегионах, имеющих не только трансрегиональный (пересекая разные штаты и районы страны), но и трансграничный характер (проходя через государственную границу США с Канадой и Мексикой).

в системе *KLEMS*⁴. Для нашего исследования используются те показатели, которые отражают прежде всего прямые (новые рабочие места, формирование человеческого капитала, снижение трудозатрат и др.), а не косвенные (диффузия нововведений, прямые инвестиции в НИОКР, повышение совокупной производительности и др.) эффекты цифровой трансформации социально-экономического развития каждого штата. Количественно выраженный прямой эффект под условным названием «индекс цифровизации экономики и общества» (*index of digitalization of economy and society, IDES*) будет нами определен посредством средней величины от суммы значений семи из десяти общепринятых в США индексов, рассчитанных в разрезе конкретных штатов и субрегионов⁵.

Количественная динамика экономики и качественные структурные преобразования социума обладают неразрывной взаимосвязью при оценке цифровой трансформации обеих сфер не только во времени, но и в пространстве. Так, при неизбежности применения цифровых технологий для повышения производительности труда неизменно возникает проблема неравномерного распределения роста производительности между различными по уровню технологизации и цифровизации секторами экономики США, сконцентрированными в пределах конкретных штатов, власти которых в последнее время стремятся использовать экономический потенциал в политических целях. Социально-демографическая неоднородность и поляризация населения США, усиленная различными проявлениями цифрового разрыва, способствует перетоку значительной части трудоспособного населения страны (включая молодежь [16]) в сферы, связанные не с технологическим прогрессом, а с удовлетворением насущных потребностей, особенно в условиях отсутствия базового дохода [17]. Результаты ряда исследований показывают, что цифровая модернизация национальной социально-экономической модели США в настоящее время характеризуется как неопределенная [1–15]. Поэтому «сложившиеся в начале третьего десятилетия для жизнедеятельности американских домохозяйств реалии актуализировали переосмысление всей системы государственной защиты населения, включая как бюджетные выплаты, различные виды поддержки малоимущих, обеспечение их жизненно значимыми услугами, так и доступность социального страхования» [18, с. 15].

⁴ В настоящем исследовании автор использует открыто публикуемые данные Бюро экономического анализа США, полученные при помощи методов измерения цифровизации в соответствии с моделью *KLEMS*, – сокращение начальных букв, обозначающих факторы производства: капитал (*K*), труд (*L*), энергию (*E*), материалы (*M*) и услуги (*S*). Система показателей *KLEMS* позволяет представить темпы экономического роста валового выпуска в экономике в целом как сумму вкладов факторов производства в отраслях в разрезе штатов страны.

⁵ 1) Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (*ICT Development Index, IDI*); 2) индекс цифровой конкурентоспособности (*IMD Digital Competitiveness Index, DCI*); 3) индекс цифровой эволюции (*Digital Evolution Index, DEI*); 4) индекс цифровизации экономики Boston Consulting Group (*e-Intensity*), 5) индекс сетевой готовности (*Networked Readiness Index, NRI*); 6) индекс развития электронного правительства (*The US Global E-Government Development Index, EGDI*); 7) индекс электронного участия (*E-Participation Index, EPART*).

Вынужденное снижение социальных гарантий обусловило в большинстве штатов страны изменение общественных потребностей, диктуемых упомянутыми в цитате реалиями цифрового разрыва региональных социумов, а именно:

- *социально-групповое неравенство*, тесно связанное с уровнем дохода граждан США, постоянно либо длительно проживающих в конкретном регионе. Проявляется в выделении разных групп населения с неодинаковой частотой использования цифровых ресурсов, платформ, продуктов;
- *гендерное неравенство*, нашедшее выражение как в чрезвычайной стихийной эмансипации женской части социума и подростков по отношению к цифровым благам в наиболее развитых региональных социумах, так и, напротив, в доминировании цифровизации в сфере деловых контактов, имеющих первоочередное значение для мужской сознательной части населения в экономически отсталых регионах США;
- *разрыв в универсальном доступе*, связанный с уровнем образования той или иной части населения целостной территории, выраженный в данном конкретном случае в развитии навыков цифровой грамотности.

Руководствуясь англосаксонской моделью коллективного поведения, в которой преобладают мобильность, конкуренция и риск, признанные доминантной как минимум для 2/3 домохозяйств США [19], отметим, что рациональность рыночного поведения вынуждает простых американцев изыскивать наименее затратные пути к достижению результатов в обыденной реальности. Понятно, что речь идет не только о материально-ресурсных затратах домохозяйств, но и о психологическом преодолении «социальной рутины цифровизации» и цифрового контроля над индивидуумами в составе регионального социума путем использования населением традиционных практик экономического поведения [20]. Американскими учеными представлен вполне исчерпывающий набор критериев, определяющих низкобюджетное домохозяйство, характеризующееся с позиции отношения обеспеченности цифровыми благами (см. табл. 1).

Представленный набор критериев не обладает всеохватностью сложных процессов цифровизации и социально-экономической адаптации наименее обеспеченных слоев американского общества. В частности, в рамках представленных критериев отсутствует теневая составляющая рыночного хозяйства на микроуровне, играющая между тем чрезвычайно значительную роль в некоторых штатах страны и отдельных социально-этнических группах незанятого или частично занятого населения, часто отличающегося широтой маргинальных и девиантных проявлений. Тем не менее на основании имеющихся в американской статистике и аналитике достаточных количественных данных мы имеем возможность проследить некоторые особенности развития интересующего нас субъекта социально-экономической деятельности в пространственно-временном континууме Соединенных Штатов.

Т а б л и ц а 1

Критериальность низкобюджетных домохозяйств в условиях цифровизации

Критерий	Основной показатель	Пороговые значения
1. Размер и структура чистых активов домохозяйств	Доля активов на фондовом рынке	5–18% (по разным штатам)
	Отношение чистых активов к располагаемому личному доходу	Примерно 3 к 1
2. Уровень потребления и накопления домохозяйств	Совокупный показатель «эффекта богатства» (<i>Pigou effect</i>), характеризующего тенденцию больше тратить, а не сберегать	Отрицательное значение
3. Уровень развития в разрезе социальных групп населения	Американский индекс человеческого развития (<i>List of U.S. states by American Human Development Index</i>) *)	2,0–3,2 (по разным штатам)
4. Структура легальных доходов домохозяйств	Официальные данные различных федеральных структур США о размерах и структуре годового дохода американского домохозяйства	Приоритетность социальных выплат (54–68% в зависимости от штата)
5. Структура скрытых доходов домохозяйств	Оценочный индекс Бюро статистики труда США и Бюро цензов США (<i>U.S. Bureau of Labor Statistics and U.S. Bureau of Census Evaluation Index</i>) **)	Приоритетность доходов от предпринимательской деятельности (не менее 40%)
6. Уровень социально-бытовой цифровизации	Количественная оценка использования сетевых продуктов и услуг (умных устройств), цифровой инфраструктуры и цифровых медиаресурсов ***)	Не более 1/10 затрат семейного бюджета (в наиболее развитых штатах – не более 1/5)
7. Структура занятости, включая прекариев и лиц с неопределенным родом занятий	Оценочный индекс Бюро статистики труда США и Бюро цензов США (<i>U.S. Bureau of Labor Statistics and U.S. Bureau of Census Evaluation Index</i>)	Приоритет традиционных занятий (не менее 60%), высокая доля безработных или частично занятых – прекариев (27–54% в зависимости от штата)
8. Структура налоговой базы домохозяйств	Индекс налогообложения домохозяйств США (<i>American Family Tax Index</i>)	Низкий показатель отчислений в социальные и страховые фонды при высокой доле налоговых льгот
9. Уровень программной поддержки	Показатели доли социальных выплат в совокупных доходах домохозяйств за год ****)	33–70% (в зависимости от штата)

Источник: составлено по [9; 10; 12–15; 21].

*) Интегральный показатель, ежегодно рассчитываемый для измерения и сравнения уровня и ожидаемой продолжительности жизни, здоровья, образованности и иных характеристик человеческого капитала (потенциала) конкретной территории.

**) Включает статистическую и социометрическую оценку социальной структуры населения, осуществляемую выборочно в период с 2005 г. и ежегодно, начиная с 2009 г., специалистами указанных ведомств в региональном разрезе.

***) Ежегодно проводится Бюро экономического анализа США в качестве дополнения к измерению цифровой экономики по отраслям/секторам хозяйства и включает оценку потребительского поведения домохозяйств в распределении добавленной стоимости, созданной различными секторами экономики знаний.

****) Включены данные по программам в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения [4, табл. 2].

Динамика численности низкобюджетных домохозяйств по Штатам и субрегионам США в условиях цифровизации

Исходя из представленных выше критериев, позволяющих с известной долей информационной полноты выделить низкобюджетные домохозяйства из общего числа американских семей в разрезе штатов и субрегионов США, представим полученные результаты в *таблице 2*, сравнив их с индексом *IDES*.

Полученные в результате расчетов данные сгруппированы не только в разрезе статистических и административных территорий, но и по равным временным периодам 2000–2010 гг. и 2011–2021 гг. Выбранные 11-летние периоды времени не только имеют важную качественную основу именно для Соединенных Штатов, отличающую первую половину 20-летия наступившего века от второй. Рубеж нулевых и десятых годов для США можно назвать в определенном смысле *качественным скачком*, выразившемся в проявлении реиндустриального поворота экономики, основанного на технологиях шестого уклада, или промышленной революции, важнейшими из которых выступают цифровые технологии, на что мы обратили внимание в начале статьи. Таким образом, выявленный прирост/убыль доли низкобюджетных домохозяйств прослеживается в сравнении с изменением значения цифровизации региональной экономики и социума в пространстве-времени на основе простого сопоставления данных за два исследуемых периода.

Не менее важно то, что в исследованиях американских специалистов [12; 28; 29] просматривается идея необходимости критической оценки полученных результатов, отражающих количество низкобюджетных домохозяйств в условиях цифровизации, основанный на официальных статистических данных. Так, официальные статистические органы США, использующие методику расчета экономических показателей, в частности производительности, связанных с трудовым потенциалом, представленным работоспособным населением страны и ее регионов, по системе KLEMS не отражают достоверного объема частичной занятости и исключают теневую занятость [28, р. 6–13]. Затраченный труд в рамках такой оценки выступает лишь одним из нескольких факторов производительности, и его доля в совокупной производительности статистически снижается по мере роста цифровизации экономики.

Таким образом, среднее значение доли низкобюджетных семей в среднем по США, представленное в *таблице 2* как 5,89% за период 2000–2010 гг. и 7,86% за период 2011–2021 гг. от всей совокупности экономически активных домохозяйств страны, может быть увеличено в реальности как минимум вдвое — до почти 12% и 16% соответственно.

Т а б л и ц а 2
Динамика доли низкобюджетных домохозяйств (LBF) в условиях цифровизации (согласно индексу IDES^{*)})

Субрегионы	Штаты ^{**)}	2000–2010		2011–2021		Прирост/убыль	
		LBF	IDES	LBF	IDES	LBF ^{***)}	IDES
1	2	3	4	5	6	7	8
	Массачусетс	5,72	0,6247	7,04	0,9078	18,75	0,2831
Новая Англия (6 штатов)	Нью-Гэмпшир	7,14	0,3832	7,18	0,6947	0,01	0,3115
	Коннектикут	6,88	0,4792	7,42	0,7895	7,28	0,3103
	Мэн	3,53	0,2874	3,49	0,4683	– 1,13	0,1809
	По субрегиону в целом	5,42	0,4616	6,08	0,7380	10,86	0,2764
Среднеатлантические штаты (3 штата)	Нью-Йорк	5,26	0,8583	7,11	1,5337	26,02	0,6754
	Пенсильвания	5,27	0,7880	7,03	1,1198	25,04	0,3318
	Нью-Джерси	4,95	0,4728	5,56	0,7833	10,97	0,3105
	По субрегиону в целом	5,16	0,7064	6,57	1,1456	21,46	0,4392
	Иллинойс	3,91	0,6330	6,47	0,8786	39,57	0,2456
Северо-восточный Центр (5 штатов)	Огайо	5,56	0,4005	7,33	0,6284	24,15	0,2279
	Индиана	4,86	0,4832	7,41	0,6429	34,41	0,1597
	Мичиган	3,25	0,3247	3,94	0,4605	17,51	0,1358
	По субрегиону в целом	4,48	0,4673	5,75	0,6738	22,09	0,2065

Источник: рассчитано по [22–27].

^{*)} Средние значения уровней цифровизации экономики и общества, рассчитанные на основе семи индексов, используемых в официальной статистике США: менее 0,4000 – низкий; 0,4000–0,7000 – средний; 0,7001–0,8000 – выше среднего; 0,8001–0,9000 – высокий; выше 0,9000 – чрезвычайно высокий.

^{**)} Представлены штаты с максимальными значениями, выделенными цветовым фоном **LBF** и **IDES**, и минимальными значениями.

^{***)} Рассчитано в % к предыдущему периоду времени.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Северо-западный Центр (7 штатов)	Миссури	5,40	0,5722	8,74	0,8806	38,22	0,3084
	Миннесота	5,47	0,4785	7,68	0,7396	28,78	0,2611
	Южная Дакота	5,11	0,2007	5,35	0,2428	4,49	0,0421
	Айова	3,18	0,3569	3,86	0,4432	17,62	0,0863
	По субрегиону в целом	5,33	0,4507	6,96	0,6473	23,42	0,1966
Южноатлантические штаты (8 штатов + Округ Колумбия)	Флорида	6,87	0,7264	10,75	1,1476	36,09	0,4212
	Джорджия	7,81	0,5872	10,68	0,7290	26,87	0,1418
	Западная Виргиния	7,48	0,4483	11,04	0,6043	32,25	0,1560
	Южная Каролина	6,24	0,2797	6,51	0,3378	4,15	0,0581
	Мэриленд	3,29	0,5520	3,87	0,6934	14,99	0,1414
Юго-восточный Центр (4 штата)	По субрегиону в целом	6,72	0,5448	9,04	0,7462	25,66	0,2014
	Теннесси	4,78	0,5825	7,44	0,8396	35,75	0,2571
	Миссисипи	4,22	0,2390	4,68	0,2828	9,83	0,0438
	По субрегиону в целом	4,68	0,4319	6,89	0,5873	32,08	0,1554
	Техас	7,68	0,8846	12,52	1,6470	38,66	0,7624
Юго-западный Центр (4 штата)	Луизиана	6,74	0,3268	8,36	0,4247	19,38	0,1749
	Арканзас	6,32	0,2622	7,03	0,3158	10,10	0,0496
	По субрегиону в целом	6,98	0,5063	9,55	0,8140	26,91	0,3077

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Горные штаты (8 штатов)	Аризона	8,38	0,4890	13,15	0,6929	36,27	0,2039
	Колорадо	5,16	0,4275	9,72	0,7267	46,9	0,2992
	Нью-Мексико	8,32	0,3903	13,27	0,6128	37,30	0,2225
	Монтана	3,78	0,2144	4,11	0,2606	8,03	0,0462
	Вайоминг	4,07	0,2040	4,48	0,2382	9,15	0,0342
	По субрегиону в целом	6,34	0,3788	8,93	0,5074	29,00	0,1286
	Калифорния	8,86	1,2084	13,52	2,2820	34,47	1,0736
	Вашингтон	6,28	0,5297	9,42	0,7221	33,33	0,1924
Тихоокеанские штаты (3 штата в пределах основной континентальной части США + Аляска и Гавайи)	По континентальной части субрегиона	7,80	0,9950	11,67	1,7022	33,16	0,7072
	Аляска	7,74	0,1774	7,79	0,2019	0,64	0,0245
	По субрегиону в целом	7,88	0,6893	10,93	1,1300	27,90	0,4407
В среднем по США		5,89	0,5152	7,86	0,7766	25,06	0,2614

Это весьма значительная часть домохозяйств, объединяющая десятки миллионов трудоспособных американских граждан, причем в среднем по всем субъектам Американской федерации с сохранением значительного темпа роста в 25,06% за 11 лет, т.е. почти на 2,3% ежегодно. При сравнении аналогичных периодов *IDES* вырос более чем на 1/3 (на 0,2614 пункта), т.е. не менее чем на 3% в год. Следовательно, рост цифровизации экономики и общества в среднем по США происходит опережающими темпами не только по отношению к производительности труда, но и к росту той части американского экономически активного населения, которое участвует в приросте производительности на базе технологического прогресса, основанного на увеличивающихся темпах цифровой модернизации. Напомним, что полученные нами эмпирические результаты характеризуют динамику цифрового разрыва в американской социально-экономической системе в целом, которая все 22 исследуемых года остается передовой в инновационно-технологическом отношении экономикой мира.

Цифровой разрыв, одним из проявлений которого выступает динамика низкобюджетных домохозяйств в социально-экономической системе США в сравнении с индексом *IDES*, имеет яркие черты пространственного неравенства и поляризации исследуемых явлений в пределах целостных территорий, характеризующихся как на субрегиональном уровне (по 9 субрегионам США), так и на уровне конкретных штатов.

На уровне субрегионов мы видим тенденцию к увеличению как абсолютного значения доли низкобюджетных домохозяйств в объеме всех экономически активных семей регионального социума, так и темпов прироста этой доли при продвижении от крайнего, приканадского, Северо-Востока США на юг и юго-запад страны. Так, в Новой Англии в оба исследуемых периода доля низкобюджетных семей относительно мала — 5,42 и 6,08%, а прирост по периодам вообще минимален и составляет 10,86%, т.е. менее 1% в год. При этом на крайнем западе, т.е. в Тихоокеанских штатах, аналогичные показатели составляют 7,80–7,88% (первая цифра для континентальной части, а вторая — по субрегиону в целом) и 11,67–10,93%, а прирост низкобюджетных семей выражается в цифрах 33,16–27,90%, т.е. в 3 раза больше, чем в Новой Англии.

Примерно такое же превосходство над Новой Англией исключительно в темпах роста доли низкобюджетных семей наблюдается в западном субрегионе — Горные штаты (29,00%) и в южном субрегионе — Юго-Восточный Центр (32,08%). Причем в последнем непосредственно доля низкобюджетных домохозяйств в 2000–2010 гг. была даже ниже, чем в Новой Англии (4,68 против 5,42%), а в 2011–2021 гг. — немногим выше (6,89 против 6,08%). Простое (не моделируемое математически) наложение значений по периодам времени и их динамики (прирост/убыль) показателей индекса *IDES* в представленных поляризованных по доле низкобюджетных семей и ее динамике субрегионов позволяет говорить о различном влиянии цифровизации на исследуемую нами часть регионального социума. Сама по себе доля низкобюджетных

семей велика и одновременно увеличивается максимальными темпами в Тихоокеанских штатах с чрезвычайно высоким индексом цифровизации (1,7022–1,1300), чего не наблюдается в обществе и экономике штатов Новой Англии, отличающихся уровнем цифровизации выше среднего (0,7380).

По доле низкобюджетных домохозяйств к Новой Англии близки и другие субрегионы Северо-Востока (Среднеатлантические штаты) и Среднего Запада (Северо-Восточный Центр и Северо-Западный Центр) США. При этом Среднеатлантические штаты, как и Тихоокеанские, обладают чрезвычайно высоким показателем цифровизации (1,1456 за период 2011–2021 гг.), а субрегионы Среднего Запада – средними значениями *IDES*, не превышающими 0,7000. Прирост показателя доли низкобюджетных домохозяйств в указанных субрегионах при сравнении 11-летних периодов времени составляет 21–24%, а в высокоцифровизованных и изначально обладающих большей долей низкобюджетных семей Южноатлантических штатах (с индексом *IDES* 0,7462) и штатах Юго-Западного Центра (0,8140) – соответственно 25,66 и 26,91%.

Из *таблицы 2* следует, что сложившиеся в рассматриваемый период условия цифровизации по-разному влияют прежде всего на динамику доли низкобюджетных семей в общем объеме домохозяйств разных субрегионов. Однако это влияние достаточно ощутимо для восьми субрегиональных сообществ из девяти имеющихся в статистическом региональном учете (от почти 22 до 32% прироста). Какой-либо количественно определяемой зависимости, отражающей существенные различия на субрегиональном уровне в плане динамики доли низкобюджетных домохозяйств от величины индекса цифровизации экономики и общества, скорее всего выделить не получится. Хотя в целом такая общая положительная зависимость эмпирически четко прослеживается. Сама по себе доля низкобюджетных семей, безусловно, зависит не только, а порой не столько от фактора цифровизации, сколько от региональных особенностей социально-экономического развития, присущих субрегионам Северо-Востока, Среднего Запада на одном полюсе и Юга и Запада на другом полюсе экономических традиций общественных систем регионов.

Гораздо более четко выявляется неравномерность и поляризованность противоречивого влияния цифровой трансформации на общество в *разрезах отдельных штатов*.

Можно выделить ряд важнейших центров цифровизации страны, сложившихся в рамках региональных экономических систем штатов Калифорния (*IDES* в 2011–2021 гг. составил 2,2820, а его прирост по сравнению с периодом 2000–2010 гг. составил 1,0736), Техас (соответственно 1,6470 и 0,7624), Нью-Йорк (1,5337 и 0,675), Флорида (1,1476 и 0,4212). К перечисленным гигантам цифровизации приближаются штаты Массачусетс, Миссури, Иллинойс, Теннесси. Каждый из названных штатов не только является передовым по индексу цифровизации в конкретном субрегионе, но и одновременно характеризуется максимальным либо высоким значением доли низкобюджетных семей, а также приростом последней.

Напротив, приведенные в *таблице 2* штаты с наименьшими значениями доли низкобюджетных семей, как правило, являются аутсайдерами цифровой трансформации как в статике, так и в динамике.

Таким образом, на уровне штатов США при сохранении зависимости сравнительно высокой доли низкобюджетных домохозяйств от экономических традиций Юга и Запада ярко выявляется тренд на высвобождение из формирующейся экономики знаний все большего числа экономически активных граждан, переходящих из инновационно ориентированной в традиционную сферу рынка, не испытывающую непосредственного влияния цифровизации⁶.

Особенности региональной политики по сглаживанию последствий цифровизации в США

Закономерен вопрос: что предпринимают федеральное правительство и власти штатов для поддержания эффективности региональных экономик и стабилизации социальных процессов, включая официальную занятость и выравнивание доходов домохозяйств, в плане перераспределения выгод от цифровизации для сглаживания негативных последствий цифровой трансформации?

В американской федеративной системе ключевая роль в выравнивании пространственного развития принадлежит разноуровневому целевому программированию. Ниже мы обратимся только к тем целевым программам, в которых в той или иной мере предусмотрено *регулирование количественных* (доход, налоги, выплаты) *либо качественных* (образовательный уровень, легальное предпринимательство, демаргинализация социума) *параметров* региональных домохозяйств в условиях воздействия цифровизации экономики и общества⁷.

⁶ Косвенное подтверждение отмеченной тенденции, выраженное в стагнации качественной составляющей экономической эффективности, мы находим в исследовании разных темпов замедления роста производительности в США в разрезе конкретных штатов страны, проведенном за период 2007–2018 гг. [30, с. 32–34] и исследовании движения рабочих мест в секторах США в 2020 г. [31]. Региональные экономические системы штатов с более высоким ростом производительности за счет цифровизации высвободили из передовых отраслей несельскохозяйственного сектора большее число экономически активных граждан, чем менее производительные.

⁷ К числу таких программ американские исследователи относят, в частности, следующие федеральные программы, обязательно предусматривающие аспект регионального избирательного воздействия: «Повестка дня цифровой экономики США» (*Digital Economy Agenda*), «Широкополосные США» (*Broadband USA*), «Региональная цифровизация Америки» (*American Regional Digitalization*) и др. Из 50 американских штатов в 21 существуют полноценные целевые региональные программы по свободному и открытому Интернету, безопасности цифровых продуктов, доступа к профессиональным навыкам и переквалификации граждан, поддержки цифрового предпринимательства и легальной занятости, семейной и молодежной целевой поддержки в условиях цифрового неравенства и т.п. Еще как минимум в 15 штатах страны указанные аспекты влияния цифровой трансформации на снижение доходов и формирование низкобюджетных семей, перетекающих в традиционную и серую сферы экономики, имеются в формате отдельных разделов в ряде программ цифровизации населения и его социальной поддержки и адаптации к новым условиям жизни и деятельности.

Сразу заметим, что указанный аспект программного регулирования общественного развития конкретных штатов США чрезвычайно неоднороден. В частности, для большинства из 9 штатов Северо-Востока страны (Новой Англии и Среднеатлантических) характерно минимальное направленное вмешательство государства и региональных властей в нивелирование последствий цифровой трансформации общественных отношений. Это выражается прежде всего в количестве программ (тематических разделов), где предусмотрена финансовая помощь семьям, относимым к низкобюджетным на основе принятой критериальности (см. табл. 1), в которой приоритетными выступают критерии «размер и структура чистых активов», «уровень потребления и накопления», «уровень развития». Для указанного субрегиона количество таких программ незначительно.

Противоположная ситуация в штатах Запада (Горных и Тихоокеанских). Здесь главными критериями являются «структура занятости, налогообложения» и «уровень социально-бытовой цифровизации». Количество программ на Западе США, в которых предусматривается поддержка домохозяйств с низким уровнем цифровизации и отчислений в социальные и страховые фонды, но при этом приоритетом традиционных занятий, высокими значениями уровня безработицы и доли налоговых льгот, весьма значительно.

Администрация штатов Среднего Запада (Северо-Восточного Центра и Северо-Западного Центра) неодинаково обеспокоена необходимостью учета и исправления последствий цифровой трансформации региональных экономик и социальных сфер, отдавая приоритет традиционному социальному вспоможению малоимущим семьям, заботе о переквалификации и поиску работы во всех сферах хозяйственной деятельности. Субрегионы Юга США характеризуются наиболее значительным многообразием не только самой цифровой трансформации и ростом доли низкобюджетных домохозяйств за исследуемый период времени (как было отмечено выше), но и столь же разносторонней критериальностью оценки последних и, соответственно, инструментарием региональной политики в сглаживании последствий цифрового разрыва.

На уровне штатов страны выявляется не только чрезвычайное многообразие подходов к программному регулированию последствий цифровизации, касающейся роста доли низкобюджетных семей, но и высокая поляризация критериальности в оценке последних (см. табл. 3).

Различие подходов по регулированию цифрового неравенства имеет важное практическое значение для выбора качественных приоритетов социально-экономического развития конкретных штатов, включая наиболее экономически развитые и заселенные.

В соответствии с подходами выявляется приоритетность государственной и региональной государственной политики по снижению последствий цифровизации, обуславливающих рост доли низкобюджетных домохозяйств, в каждом конкретном штате страны, что отражено в результатах приведенной группировки (выделено заливкой в таблице). Заливка ячеек таблицы 3, соответствующих приоритету выделения низ-

кобюджетных домохозяйств в каждом штате США, ярко демонстрирует пространственную поляризацию указанных приоритетов по условной линии «Северо-Восток — Юго-Запад». Вдоль воображаемой линии приоритеты низкобюджетности американских семей в условиях нарастающей цифровизации 2011–2021 гг. сменяются по своей критериальности от уровня сбережения и потребления, а также значения индекса человеческого развития (критерии 1–3) до оценки уровня социально-бытовой цифровизации, структуры занятости и налогообложения, а также важности программной поддержки граждан (критерии 6–9). Во всех штатах Северо-Восточного Центра и штатах Айова и Миннесота Северо-Западного Центра, а также в большинстве Южноатлантических штатов важное значение при выборе инструментов социально-экономического регулирования, помимо критериев 1–3, приобретает структура легальных доходов домохозяйств. Более того, во всех без исключения Южноатлантических штатах власти по мере возможности стараются учитывать и структуру нелегальных доходов граждан. Таким образом, в программах не менее половины американских штатов, причем невзирая на уровень цифровизации представленный в *таблице 2*, региональные власти не относят к числу приоритетных уровень социально-бытовой трансформации как таковой (критерий 6), делая упор на регулирование традиционных проблем неравенства в доходах и расходах.

Т а б л и ц а 3

Группировка штатов США в зависимости от приоритетности (+) использования критериев выделения низкобюджетных домохозяйств в условиях цифровизации за период 2011–2021 гг.

Макрорегион	Субрегион	Штат	Критерии (см. таблицу 1)									
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Северо-Восток	Новая Англия	Вермонт	+	+	+	+						
		Коннектикут	+		+							
		Массачусетс	+	+			+	+		+	+	
		Мэн	+	+	+				+			
		Нью-Гэмпшир	+		+	+		+		+		
		Род-Айленд	+	+	+							
	Среднеатлантические штаты	Нью-Джерси	+	+		+		+	+			
		Нью-Йорк		+	+			+		+		
		Пенсильвания	+		+	+		+	+			

Источник: составлено по [22–27].

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Средний Запад	Северо-Восточный Центр	Висконсин	+	+		+			+		
		Иллинойс	+		+	+		+	+	+	+
		Индиана	+	+	+	+			+	+	+
		Мичиган				+			+	+	
		Огайо	+		+	+		+	+	+	
	Северо-Западный Центр	Айова	+	+	+	+					
		Миннесота	+	+	+	+					
		Миссури	+	+				+	+	+	+
		Канзас	+		+				+	+	+
		Небраска	+	+		+			+	+	+
		Северная Дакота	+	+					+	+	
		Южная Дакота	+			+			+	+	
Юг	Южноатлантические штаты	Виргиния	+	+	+	+	+			+	
		Делавэр	+		+		+	+			
		Джорджия	+	+	+	+	+			+	+
		Западная Виргиния	+	+	+		+		+		
		Северная Каролина	+		+		+	+			
		Южная Каролина	+	+	+	+	+			+	
		Мэриленд		+		+	+	+	+	+	
		Флорида		+		+	+	+	+	+	
		Округ Колумбия	+			+	+	+	+	+	
	Юго-Восточный Центр	Алабама	+	+	+				+		
		Кентукки	+	+	+						
		Миссисипи	+	+		+		+	+	+	+
		Теннесси	+	+				+	+	+	+
	Юго-Западный Центр	Арканзас	+	+	+			+	+	+	+
		Луизиана	+			+	+		+	+	+
		Оклахома				+	+	+		+	+
		Техас				+	+	+	+	+	+

О к о н ч а н и е т а б л . 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Запад	Горные штаты	Айдахо	+					+	+	+	
		Вайоминг			+			+	+	+	
		Колорадо				+	+	+	+	+	+
		Монтана	+			+	+	+	+	+	
		Невада		+		+	+	+	+	+	+
		Юта				+	+	+		+	+
		Нью-Мексико	+			+	+	+		+	+
		Аризона				+	+		+	+	+
	Тихоокеанские штаты	Калифорния				+	+	+	+	+	+
		Вашингтон		+	+			+	+	+	+
		Орегон		+				+	+	+	+
		Аляска								+	
		Гавайи	+					+		+	

За исключением всех трех высокоразвитых Среднеатлантических штатов, поддержка именно домохозяйств как субъектов региональных экономик и потребителей социальных благ в условиях растущей цифровизации не является для отмеченной половины штатов страны приоритетной, имея иную целевую направленность — на личный потребляемый доход, общий уровень безработицы, медицинского и социального вспоможения и т.д. При этом в большинстве штатов Среднего Запада в дополнение к указанной критериальности добавляется структура занятости и налогообложения домохозяйств, позволяя с высокой точностью определить рост низкобюджетных семей в условиях среднего по стране роста цифровизации ($IDES = 0,2...$) как нарастающий от Северо-Востока к Юго-Западу: от 22,09 в среднем для штатов Северо-Восточного Центра до 23,42 для штатов Северо-Западного Центра. Более того, для большинства штатов последнего из указанных субрегионов в числе приоритетов выделения низкобюджетных домохозяйств власти учитывают уровень программной поддержки населения в условиях цифровизации.

Нельзя не выделить особо такой яркий критерий низкобюджетных домохозяйств в условиях цифровой трансформации, как «уровень социально-бытовой цифровизации» (критерий 6). На наш взгляд, он не только прямо указывает на цифровой разрыв в пространстве субрегионов и штатов страны, вынуждая региональные власти реагировать на негативные последствия технологического прогресса, но и раскрывает в целом сущность перетока экономически активных граждан в традиционные сектора хозяйствования непосредственно в регионах с высокой циф-

ровизацией. Так, субрегионы (Среднеатлантические и Тихоокеанские штаты) и конкретные штаты (Калифорния, Техас, Нью-Йорк, Флорида, Пенсильвания, Огайо, Иллинойс, Нью-Джерси, Мэриленд, Вашингтон и др.), характеризующиеся как высоким уровнем, так и значительной динамикой цифровизации экономики и социума, при проведении региональной политики в отношении низкобюджетных домохозяйств вынуждены непременно учитывать указанный критерий. Причем учет критерия 6 осуществляется как в штатах с приоритетом социального программирования в сфере низкобюджетных семей, так и без такового. Следовательно, критерий 6 в сочетании с иными (как 1–4 и 5, так и 7–9) критериями, позволяет указать на прямую связь уровня цифровизации и ее динамики с долей низкобюджетных домохозяйств на уровне субрегионов и штатов.

* * *

Итак, какова взаимосвязь доли низкобюджетных домохозяйств и уровня цифровизации экономики и общества в пространстве субрегионов и штатов США за исследуемые 11 лет? Как проявляет себя государственная региональная политика в отношении сглаживания цифрового разрыва на разных территориях страны в зависимости от критериев выделения низкобюджетных семей?

Прежде всего четко просматривается прямая зависимость между уровнем цифровизации и ростом доли низкобюджетных семей как на уровне субрегионов (исключая Новую Англию), так в еще большей степени по конкретным высокоразвитым штатам страны. Мы связываем указанную тенденцию с усиленным высвобождением экономически активного человеческого потенциала из подвергшихся цифровой трансформации сфер (секторов, отраслей) экономики и общественных институтов в традиционную рыночную среду, основанную на межличностных контактах индивидов и домохозяйств.

Следующей важной пространственной тенденцией выступает усиление поляризации цифрового неравенства и одновременно прироста доли низкобюджетных домохозяйств по линии «Северо-Восток – Юго-Запад», что объясняется не столько ростом цифровизации, сколько традициями экономических отношений и ценностей региональных социумов Северо-Востока, Среднего Запада США и Южноатлантических штатов, с одной стороны, и большей части Юга и Запада – с другой. Наиболее поляризованным в плане воздействия цифровой трансформации на род занятий и доходы американских домохозяйств остается региональный уровень отдельных штатов США. В пределах восьми из девяти субрегионов страны выделяются штаты – одновременные лидеры по темпам роста доли низкобюджетных семей и цифровизации экономических и социальных отношений.

Однако государственная региональная политика и политика властей штатов в отношении сглаживания негативных последствий цифро-

вой трансформации экономики и социума характеризуется иными закономерностями своего проявления. Выявить эти проявления позволила критериальность выделения низкобюджетных домохозяйств в разных субрегионах и штатах США. Так, в Новой Англии, где прирост доли низкобюджетных домохозяйств минимален, практически для всех штатов субрегиона характерно отсутствие приоритетов регулирования последствий цифровой трансформации. Исключение составляет наиболее передовой в отношении цифровизации штат Массачусетс. Нет специальных программ по снижению доли низкобюджетных семей в высокоцифровизированных Среднеатлантических штатах, где прирост таких домохозяйств вдвое превышает средний по штатам Новой Англии. Напротив, часть штатов Юго-Восточного Центра, Юго-Западный Центр и весь Запад США, а также штаты Северо-Западного Центра, где прирост доли низкобюджетных домохозяйств максимален при разных значениях индекса цифровизации, делают упор в развитии на государственное программное регулирование последствий цифровой трансформации. Следовательно, на уровне отдельных штатов мы видим разные подходы к регулированию перетока трудового человеческого потенциала из экономики знаний в традиционную сферу – саморегулируемый на Северо-Востоке, приозерной части Среднего Запада и Южноатлантических штатах, до государственно регулируемого на остальной территории Среднего Запада, Юга и Запада США.

Таким образом, позволим себе сделать итоговый вывод о поляризации не только последствий цифровизации американской экономики и общества в плане различных темпов прироста доли низкобюджетных домохозяйств, но и политики властей по сглаживанию проблем цифровой трансформации, связанных с перетоком все большей части экономически активного населения в традиционные сферы хозяйствования и социально-бытовых отношений. По всей видимости, такое положение, сложившееся к 2021 г. в передовой в инновационно-технологическом и модернизационном плане общественной системе Соединенных Штатов, не представляется сколько-нибудь критическим. К традиционным занятиям переходит потенциальный резерв экономически активного, но не обладающего соответствующим уровнем квалификации и адаптации к цифровой действительности населения страны. Однако при сохранении выявленных тенденций прямой зависимости роста доли низкобюджетных домохозяйств и цифровизации в большинстве штатов США, включая передовые по уровню экономического и социального развития и урбанизированной заселенности, США, как, впрочем, на протяжении всей своей истории, будут активизировать приток новых умов и рабочих рук соответствующей квалификации со всего мира. На наш взгляд, это дополнительно поляризует общество во многих аспектах, включая увеличение цифрового разрыва как на уровне субрегионов, так и в особенности на уровне конкретных штатов, по-разному осуществляющих политику сглаживания последствий цифровизации.

Список литературы

1. Пороховский А.А. Цифровизация и производительность труда // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 49. № 8. С. 5–24.
2. Пороховский А.А. Рыночный механизм американской экономики: роль цифровизации // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 5. С. 24–38.
3. Васильев В.С. США: на пути к цифровому империализму // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. Т. 52. № 5. С. 50–67.
4. Минат В.Н. Реализация социальных программ в условиях нарастающей прекаризации труда: региональные аспекты на примере США // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 139–160.
5. Гребер Д. Бредовая работа. Тракта́т о распространении бессмысленно-го труда; пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 500 с.
6. DeMarco T. Slack, Getting Past Burnout, Busywork, and the Myth of Total Efficiency. New York: Broadway Books, 2001. 248 p.
7. Минат В.Н. Взаимосвязанная динамика продолжительности, производительности и «бессмысленности» труда (отраслевой аспект на примере США) // Общественные науки и современность. 2023. № 5. С. 19–32.
8. Минат В.Н. Парадокс производительности труда в экономике США: рост интенсивности, напряженности и «бессмысленности» // AlterEconomics. 2023. Т. 20. № 3. С. 603–620.
9. Steele C. What is the Digital Divide? // Digital Divide Council. 2019. Feb. 22. URL: <http://www.digitaldividecouncil.com/what-is-the-digital-divide/>
10. Philip L., Cottrill C., Farrington J., Williams F., Ashmore F. The Digital Divide: Patterns, Policy and Scenarios for Connecting the ‘Final Few’ in Rural Communities Across Great Britain // Journal of Rural Studies. 2017. August. P. 386–398.
11. Травкина Н.М. Цифровизация общества: альтернативные проекты Будущего // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. Т. 52. № 6. С. 50–70.
12. Barefoot K., Curtis D., William A., Nicholson R., Omohundro R. Research Spotlight Measuring the Digital Economy // Survey of Current Business. 2019. Vol. 99. № 5.
13. Roller L.-H., Waverman L. Telecommunications Infrastructure and Economic Development: A Simultaneous Approach // American Economic Review. 2001. Т. 91. № 4. P. 909–923.
14. Hernandez K., Faith B., Prieto Martín P., Ramalingam B. The Impact of Digital Technology on Economic Growth and Productivity, and its Implications for Employment and Equality: An Evidence Review, IDS Evidence Report 207. Brighton: IDS, 2016. 50 p.
15. Andrews D., Nicolette G., Timiliotis C. Digital Technology Diffusion: A Matter of Capabilities, Incentives or Both? // OECD Economic Department Working Papers, № 1476. Paris: OECD Publishing, 2018. 80 p.
16. Петровская Н.Е. Молодежный рынок труда в США // Общественные науки и современность. 2021. № 2. С. 66–78.
17. Шлихтер А. Прекаризация рынка труда США и концепция безусловного базового дохода // Общество и экономика. 2023. № 2. С. 97–117.
18. Лебедева Л.Ф. Вызовы и риски социальной защищенности населения США в третьем десятилетии XXI века // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 2. С. 5–17.
19. Миркин Я.М. Модели коллективного поведения в России: прошлое (300 лет) и будущее // Мир России. 2023. Т. 32. № 4. С. 36–55.

20. Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 16–28.
21. Определение и измерение цифровой экономики. Подготовлено Бюро экономического анализа США / Экономический и социальный совет ООН. 29 января 2019. 24 с.
22. U.S. Bureau of Economic Analysis. Digital Economy. URL: <https://www.bea.gov/resources/learning-center/what-to-know-special-topics>
23. U.S. Digital Economy: New and Revised Estimates, 2017–2022 // U.S. Department of Commerce. The Bureau of Economic Analysis. URL: https://apps.bea.gov/scb/issues/2023/12-december/1223-digital-economy.htm?_gl=1*1kmaa8h*_ga*NDM4Njk5OTYyMTY5MDc4OTA3Mg..*_ga_J4698JNNFT*MTcwOTE5NjgwMC4yLjE uMTcwOTE5NzI4MS4xNC4wLjA
24. Alternative Measures of Labor Underutilization for States. U.S. Bureau of Labour Statistics // Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=353&soid=22>
25. Characteristics of Minimum Wage Workers. U.S. Bureau of Labour Statistics // Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=384&soid=22>
26. Labor Force Participation by State. U.S. Bureau of Labour Statistics // Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=446&soid=22>
27. Unemployment in States and Local Areas (all other areas). U.S. Bureau of Labour Statistics // Federal Reserve Bank of St. Louis. URL: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=116&soid=22>
28. Baqaee D., Farhi E. A Short Note on Aggregating Productivity. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w25688/w25688.pdf
29. Brynjolfsson E., Rock D., Syverson C. Artificial Intelligence and the Modern Productivity Paradox: A Clash of Expectations and Statistics. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24001/w24001.pdf
30. Спрэг III. Замедление роста производительности труда в США: анализ на уровне экономики и отраслей // Экономист. 2021. № 5. С. 13–53.
31. Анселл Р., Маллинз Дж. COVID-19 и движение рабочих мест в США в 2020 г. // Экономист. 2021. № 7. С. 44–79.

References

1. Porokhovskii A.A. Tsifrovizatsiia i proizvoditel'nost' truda [Digitalization and Labor Productivity], *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2019, Vol. 49, No. 8, pp. 5–24. (In Russ.).
2. Porokhovskii A.A. Rynochnyi mekhanizm amerikanskoi ekonomiki: rol' tsifrovizatsii [Market Mechanism of the American Economy: The Role of Digitalization], *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2020, Vol. 50, No. 5, pp. 24–38. (In Russ.).
3. Vasil'ev V.S. SShA: na puti k tsifrovomu imperializmu [USA: on the Way to Digital Imperialism], *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2022, Vol. 52, No. 5, pp. 50–67. (In Russ.).
4. Minat V.N. Realizatsiia sotsial'nykh programm v usloviakh narastaiushchei prekarizatsii truda: regional'nye aspekty na primere SShA [Implementation of Social Programs in Conditions of Increasing Precarization of Labor: Regional Aspects Using the Example of the USA], *Federalizm* [Federalism], 2023, Vol. 28, No. 2 (110), pp. 139–160. (In Russ.).

5. Greber D. Bredovaia rabota. Traktat o rasprostraneniі bessmyslennogo truda [Crazy Work. A Treatise on the Spread of Meaningless Labor], translated from English. Moscow, Ad Marginem Press, 2018, 500 p. (In Russ.).
6. DeMarco T. Slack, Getting Past Burnout, Busywork, and the Myth of Total Efficiency. New York, Broadway Books, 2001, 248 p.
7. Minat V.N. Vzaimosviazannaia dinamika prodolzhitel'nosti, proizvoditel'nosti i "bessmyslennosti" truda (otraslevoi aspekt na primere SShA) [Interconnected Dynamics of Duration, Productivity and "Meaninglessness" of Labor (Industry Aspect Using the Example of the USA)], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2023, No. 5, pp. 19–32. (In Russ.).
8. Minat V.N. Paradoks proizvoditel'nosti truda v ekonomike SShA: rost intensivnosti, napriazhennosti i "bessmyslennosti" [The Paradox of Labor Productivity in the US Economy: the Growth of Intensity, Tension and "Meaninglessness"], *AlterEconomics* [AlterEconomics], 2023, Vol. 20, No. 3, pp. 603–620. (In Russ.).
9. Steele C. What is the Digital Divide? *Digital Divide Council*, 2019, Feb. 22. Available at: <http://www.digitaldividecouncil.com/what-is-the-digital-divide/>
10. Philip L., Cottrill C., Farrington J., Williams F., Ashmore F. The Digital Divide: Patterns, Policy and Scenarios for Connecting the 'Final Few' in Rural Communities Across Great Britain, *Journal of Rural Studies*, 2017, August, pp. 386–398.
11. Travkina N.M. Tsifrovizatsiia obshchestva: al'ternativnye proekty Budushchego [Digitalization of Society: Alternative Projects of the Future], *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2022, Vol. 52, No. 6, pp. 50–70. (In Russ.).
12. Barefoot K., Curtis D., William A., Nicholson R., Omohundro R. Research Spotlight Measuring the Digital Economy, *Survey of Current Business*, 2019, Vol. 99, No. 5.
13. Roller L.-H., Waverman L. Telecommunications Infrastructure and Economic Development: A Simultaneous Approach, *American Economic Review*, 2001, Vol. 91, No. 4, pp. 909–923.
14. Hernandez K., Faith B., Prieto Martín P., Ramalingam B. The Impact of Digital Technology on Economic Growth and Productivity, and its Implications for Employment and Equality: An Evidence Review, *IDS Evidence Report 207*. Brighton, IDS, 2016, 50 p.
15. Andrews D., Nicolette G., Timiliotis C. Digital technology diffusion: A matter of capabilities, incentives or both? *OECD Economic Department Working Papers*, No. 1476. OECD Publishing, Paris, 2018, 80 p.
16. Petrovskaia N.E. Molodezhnyi rynek truda v SShA [Youth Labor Market in the USA], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2021, No. 2, pp. 66–78. (In Russ.).
17. Shlikhter A. Prekarizatsiia rynka truda SShA i kontseptsiiia bezuslovnogo bazovogo dokhoda [Precarization of the US Labor Market and the Concept of Unconditional Basic Income], *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2023, No. 2, pp. 97–117. (In Russ.).
18. Lebedeva L.F. Vyzovy i riski sotsial'noi zashchishchennosti naseleniia SShA v tret'em desiatiletii KhKhI veka [Challenges and Risks of Social Security of the US Population in the Third Decade of the 21st Century], *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2023, No. 2, pp. 5–17. (In Russ.).
19. Mirkin Ia.M. Modeli kollektivnogo povedeniia v Rossii: proshloe (300 let) i budushchee [Models of Collective Behavior in Russia: Past (300 Years) and Future], *Mir Rossii* [World of Russia], 2023, Vol. 32, No. 4, pp. 36–55. (In Russ.).

20. Ivanov D.V., Asochakov Iu.V. Tsifrovizatsiia i kriticheskaiia teoriia obshchestva [Digitalization and Critical Theory of Society], *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 2023, No. 6, pp. 16–28. (In Russ.).

21. Opredelenie i izmerenie tsifrovoi ekonomiki. Podgotovleno Biuro ekonomicheskogo analiza SShA [Definition and Measurement of the Digital Economy. Prepared by the US Bureau of Economic Analysis], *Ekonomicheskii i sotsial'nyi sovet OON* [UN Economic and Social Council], 29 ianvaria 2019, 24 p. (In Russ.).

22. U.S. Bureau of Economic Analysis. Digital Economy. Available at: <https://www.bea.gov/resources/learning-center/what-to-know-special-topics>

23. U.S. Digital Economy: New and Revised Estimates, 2017–2022, *U.S. Department of Commerce. The Bureau of Economic Analysis*. Available at: https://apps.bea.gov/scb/issues/2023/12-december/1223-digital-economy.htm?_gl=1*kmaa8h*_ga*NDM4Njk5OTYuMTY5MDc4OTA3Mg..*_ga_J4698JNNFT*MTcwOTE5NjgwMC4yLjEuMTcwOTE5NzI4MS4xNC4wLjA

24. Alternative Measures of Labor Underutilization for States. U.S. Bureau of Labour Statistics, *Federal Reserve Bank of St. Louis*. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=353&soid=22>

25. Characteristics of Minimum Wage Workers. U.S. Bureau of Labour Statistics, *Federal Reserve Bank of St. Louis*. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=384&soid=22>

26. Labor Force Participation by State. U.S. Bureau of Labour Statistics, *Federal Reserve Bank of St. Louis*. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=446&soid=22>

27. Unemployment in States and Local Areas (all other areas). U.S. Bureau of Labour Statistics, *Federal Reserve Bank of St. Louis*. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/release?rid=116&soid=22>

28. Baqaee D., Farhi E. A Short Note on Aggregating Productivity. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w25688/w25688.pdf

29. Brynjolfsson E., Rock D., Syverson C. Artificial Intelligence and the Modern Productivity Paradox: A Clash of Expectations and Statistics. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w24001/w24001.pdf

30. Spreng Sh. Zamedlenie rosta proizvoditel'nosti truda v SShA: analiz na urovne ekonomiki i otraslei [Slowdown in Labor Productivity Growth in the United States: Analysis at the Level of the Economy and Industries], *Ekonomist* [Economist], 2021, No. 5, pp. 13–53. (In Russ.).

31. Ansell R., Mallinz Dzh. COVID-19 i dvizhenie rabochikh mest v SShA v 2020 g. [COVID-19 and the Movement of Jobs in the United States in 2020], *Ekonomist* [Economist], 2021, No. 7, pp. 44–79. (In Russ.).

LOW-BUDGET HOUSEHOLDS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION IN US REGIONS

The digitalization of the economy and society of the highly developed countries, along with technological improvements in production and social relations, introduces a number of significant problems associated with the widening income gap and the flow of the economically active population from the knowledge economy to the “traditional activity” sectors. The subjective expression of this process in the 21st century Low Budget Families, an increase in the share of which has been observed in the United States during the period of increased digitalization and reindustrialization, starting in 2010. The growth trend of Low Budget Families in the United States has an intra-country spatial nature, quantitatively and

qualitatively different both at the level of subregions and individual states of the country. The regional aspects of the relationship between the growth of the share of Low Budget Families, depending on the level of digitalization of the economy and society, reflected through the corresponding “complex index”, considered in the article, find empirical confirmation, generally characterized by a direct dependence and causality associated with the release of an increasingly significant number of labor potential from the advanced sectors of the economy. The problem of the flow of economically active citizens, who represent the basis of Low Budget Families in which the level of official income, taxes, consumption and savings is declining, is being solved differently in different US states. Based on a comparison of the criteria for identifying Low Budget Families, a priority for the authorities of various regions of the country, a general “spatial picture” of polarization of subregions and states is formed based on the share of Low Budget Families, depending on the level of digitalization and the choice of directions of state regional policy to smooth out the negative problems of inequality and hidden employment, caused by the digital transformation of social relations.

Keywords: digitalization, low budget families, digital divide, index of digitalization of the economy and society, state regional policy, USA.

JEL: I38, J71, O38, R12

Дата поступления — 05.03.2024 г.

МИНАТ Валерий Николаевич

кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный агротехнологический университет имени П.А. Костычева» / ул. Костычева, д. 1, г. Рязань, 390044.

e-mail: valeryminat@yandex.ru

MINAT Valery N.

Cand. Sc. (Geography), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management;

Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education “Kostychev Ryazan State Agrotechnological Institute University” / 1, Kostycheva Str., Ryazan, 390044.

e-mail: valeryminat@yandex.ru

Для цитирования:

Минат В.Н. Низкобюджетные домохозяйства в условиях цифровизации в регионах США // Федерализм. 2024. Т. 29. № 2 (114). С. 172–195. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-2-172-195>

Требования к оформлению рукописей для авторов журнала «Федерализм»

По структуре. Статья должна быть структурирована, иметь подзаголовки и сноски. Объем рукописи для кандидатов и докторов наук должен составлять — от 40 000 до 50 000 печатных знаков, включая пробелы, для аспирантов — от 20 000 до 25 000 печатных знаков (раздел «Молодые ученые»). Оригинальность текста должна быть не менее 80%.

В сопровождении к статье должны быть **обязательно представлены** (отдельным файлом):

- фамилия, имя, отчество автора (авторов) на русском и английском языках;
- ученая степень, звание, должность, место работы на русском и английском языках, для аспирантов — название вуза;
- e-mail (публикуется в журнале как контактная информация автора);
- аннотация объемом 6–8 строк (100–250 слов) на русском языке; по своей структуре аннотация должна отражать содержание статьи, то есть кратко обосновывать актуальность выбранной темы, раскрывать основное содержание исследования и полученные автором результаты;
- ключевые слова к статье (5–7 слов на русском и английском языках);
- тематический классификатор Journal of Economic Literature (JEL);
- контактный **телефон** с кодом города, почтовый адрес с указанием индекса.

Требования к оформлению статьи. Текст статьи предоставляется в формате WORD (*.doc, *.docx). Основной текст печатается шрифтом Times New Roman 14 обычный, межстрочный интервал — 1,5, выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 1,25 см. Название раздела, пунктов и подпунктов печатается шрифтом Times New Roman 14 полужирный, наклонный, выравнивание по центру. Разделы отделяются от предыдущего раздела одной пустой строкой и от последующего текста также одной пустой строкой.

Ссылки на литературу — затекстовые. Печатаются шрифтом Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал — 1,0. Отступ — 1,25 см. Все ссылки указываются списком в конце статьи, нумерация в списке литературы — по мере упоминания источника в тексте. В тексте, в квадратных скобках, указывается порядковый номер ссылки и страница.

Ссылки на законодательные акты даются постранично. Примечания подстрочные (сквозная нумерация); размер шрифта примечаний — 12 при интервале 1. Нумерация таблиц, рисунков и формул (сквозная). Параметры страницы: верхнее поле — 2,0; нижнее поле — 2,5; левое поле — 2,0; правое поле — 1,5.

Принятые сокращения: год — г. годы — гг.; в том числе — в т.ч.; то есть — т.е.; так как — т.к.; тому подобное — т.п.; тысячи — тыс.; миллионы — млн; миллиарды — млрд; рубли — руб.; доллары — долл.; век — в.

Иностранные слова в тексте статьи выделяются курсивом.

Таблицы должны быть выполнены табличными ячейками Word. Шрифт Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал 1,0. Стремиться к тому, чтобы каждому пункту таблицы соответствовала своя ячейка (не пользуйтесь символами абзаца для смысловой разбивки строк). Выравнивание текста и цифр внутри ячеек необходимо выполнять только стандартными способами, а не с помощью пробелов, абзацев или дополнительных пустых строк. Не используйте в таблице выделение цветом, он «потеряется» при верстке.

Графики оформляются в черно-белом варианте, предпочтительно делать в Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные, связанные с рисунком) или CorelDraw (не переводите текст в кривые, так как он всегда редактируется. Не импортируйте файлы в графических форматах в файл *.cdg и не экспортируйте файлы *.cdg в другие форматы). По возможности избегайте построения графиков в Word, так как их подготовка к верстке требует большой дополнительной работы. Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word. Качество таких материалов в большинстве случаев непригодно для полиграфии.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных *списка литературы*. Один список (для русскоговорящих читателей) оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (*References*) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению. Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Требования к оформлению References см. на сайте журнала <https://federalizm.rea.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

За достоверность представляемых библиографических данных авторы несут ответственность вплоть до отказа в праве на публикацию.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»)

Основан в 1996 г.
Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-74878 от 11 февраля 2019 г.

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования

Подписка по каталогу
Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 72005

При перепечатке материалов ссылка на
журнал «Федерализм» обязательна.
Рукописи, не принятые к публикации, не
возвращаются.
Мнение редакции и членов редколлегии
может не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.

Редактор **Б.Ю. Соколова**
Технический редактор **Е.И. Аникеева**

Адрес редакции:
109992, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: **8 (495) 800-12-00, доб. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Подписано в печать 25.06.2024.
Формат 70x108 1/16
Печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 17,5.
Уч.-изд. л. 15,6.
Тираж 1000 экз. Заказ № .
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г.В. Плеханова».
109992, Москва, Стремянный пер., 36.

Founder
Plekhanov Russian University of Economics
(PRUE)

Founded in 1996
The edition is registered
in the Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI No. FS 77-74878 dated 11 February 2019

The journal was included in the List of leading
scientific journals and publications
of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by “Ural-Press” catalogue.
Index 72005

In case materials from “Federalism” are repro-
duced, the reference to the source is manda-
tory. Materials not accepted for publication are
not returned.
Opinions of editorial council and editorial
board may not coincide with those of the au-
thors of publications.

Editor **B.Iu. Sokolova**
Technical editor **E.I. Anikeeva**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.
Tel.: **8 (495) 800-12-00, ext. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Signed for print 25.06.2024.
Format 70x108 1/16
Printed sheets 12.5. Conv. sheets 17.5.
Publ. sheets 15.6.
Circulation 1,000. Order № .
Free price.

Printed in Plekhanov Russian University
of Economics,
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.